

723
260.

ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ

НА ПРОЦЕССЪ

КРОНШТАДТСКАГО

КОММЕРЧЕСКАГО БАНКА

И УЧАСТИЕ ВЪ НЕМЪ
КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

ИЗДАНИЕ СТЕНОГРАФА
А. ГОРШЕНЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Русская Скоропечатня (К. И. Куна), Б. Садовая, № 27.
1883.

*Г 23
260*
ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ
НА ПРОЦЕССЪ

КРОНШТАДТСКАГО

КОММЕРЧЕСКАГО БАНКА

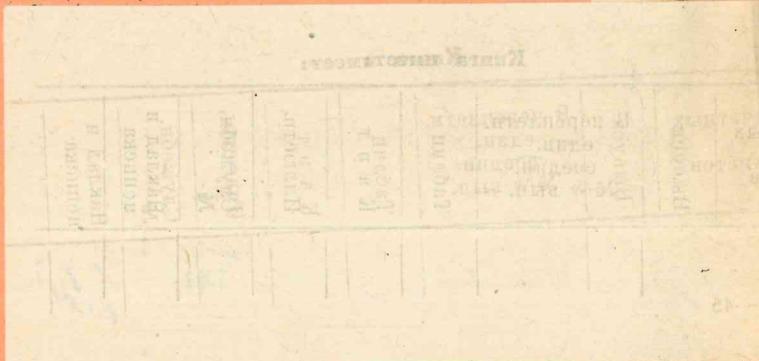
и участие въ немъ
князя Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русская Скоропечатня (К. И. Куна), Б. Садовая, № 27.

1883.

25 апрѣля 1883 года въ петербургскомъ окружномъ судѣ началось разсмотрѣніемъ дѣло о злоупотребленіяхъ въ частномъ Кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ. Еще во время предварительного слѣдствія о немъ помѣщалось весьма много статей, посвященныхъ преимущественно участію князя Д. Д. Оболенского, на которого указывали какъ на главнаго виновника въ крушениіи банка.

Само собою понятно съ какимъ напряженіемъ ожидали разъясненія на судѣ всѣхъ тѣхъ толковъ, разсужденій и намековъ, бросающихъ неблаговидную тѣнь на князя Оболенского. Въ настоящее время судъ окончился полнымъ оправданіемъ князя и въ предлагаемой брошюрѣ мы вкратцѣ коснемся всѣхъ злоупотребленій, бывшихъ въ Кронштадтскомъ банкѣ, а главнымъ образомъ остановимся на изложеніи всего того, что на судебномъ слѣдствіи выяснилось относительно участія князя Оболенского.

Суду присяжныхъ засѣдателей были преданы слѣдующія лица: Фридрихсгамскій купеческій сынъ В. К. Шенъянъ, потомств. почетн. гражд. М. Н. Синебрюховъ, петерб. мѣщ. В. Я. Ландгвагенъ, личный почет. гражд. И. А. Сутугинъ, отст. штабсъ-капитанъ Б. К. баронъ Фитингофъ, дворянинъ Р. И. Ланге, личный почетн. гражд. Э. Ф. Бреме, кроншт. мѣщ. А. И. Емельяновъ, обвиняемые въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1154, 1155, 354 и 362 ст. улож. о наказ. Князь Д. Д. Обо-

ленскій и личный почетн. гражд. И. И. Суздальцевъ по обвинению въ преступ., предусмотр. 13 и 1690 ст. улож. о наказ.

Заключительными пунктами обвинительного акта, чтеніе которого продолжалось около двухъ часовъ, подсудимые:

1) Шенъянъ, Синебрюховъ, Сутугинъ и Ландгавенъ обвиняются въ томъ, что, состоя, первые троє, съ конца 1874 года по февраль 1879 г. членами правления частнаго Кронштадт. коммерч. банка въ Кронштадтѣ, а послѣдній—директоромъ этого банка и съ 3 июня 1877 г. членомъ правления, и завѣдую всѣми средствами означенного кредитнаго учрежденія, часть сихъ средствъ въ суммѣ нѣсколькохъ сотъ тысячи рублей, составляющую неприосновенный складочный капиталъ учрежденія, израсходовали на свои личныя потребности и по обнаружениіи ихъ злоупотребленій не возвратили растратченныхъ ими суммъ. Изъ всѣхъ сихъ подсудимыхъ призналъ себя виновнымъ одинъ только Шенъянъ, который заявилъ, что дастъ свои объясненія впослѣдствіи.

2) Тѣ же Шенъянъ, Синебрюховъ, Сутугинъ, Ландгавенъ и баронъ Б. Фитингофъ въ томъ, что въ означеній выше періодѣ времени и при тѣхъ же условіяхъ, изъ нихъ первые троє, принимая вмѣстѣ съ посторонними банку лицами участіе въ различныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, а послѣдніе двое безъ участія въ сихъ предпріятіяхъ, но также изъ своихъ личныхъ и корыстныхъ видовъ, разрѣшали тѣмъ лицамъ завѣдомо обѣ ихъ несостоятельности веденіе начатыхъ предпріятій, а равно разрѣшали и взаимно другъ другу выдачу изъ кассы банка ссудъ, всего въ суммѣ нѣскохъ сотъ тысячи рублей, въ прямой ущербъ банку, подъ векселя, не представляющіе никакой цѣнности, а иногда и вопреки существующихъ на сей предметъ въ уставѣ банка правилъ, безъ вся-

каго обеспеченія, и такими своими дѣйствіями не только истощили всѣ средства банка, но сдѣлали ему долгъ въ нѣсколько миллионовъ рублей. Отвѣты получены отрицательные, за исключеніемъ Ландгавена, признавшаго одинъ лишь фактъ выдачи суммъ.

3) Тѣ же Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгавенъ, а затѣмъ Ланге, Бреме и Емельянновъ въ томъ, что, состоя первые двоє членами означенного банка, Ландгавенъ его директоромъ, Ланге бухгалтеромъ, Бреме кассиромъ и Емельянновъ контролеромъ, въ вышеозначенный періодѣ времени изъ корыстныхъ видовъ сами, или чрезъ посредство другихъ лицъ, въ выдаваемые банкомъ вкладные билеты включали завѣдомо ложныя свѣдѣнія о пріемѣ во вкладъ денежныхъ суммъ, каковыхъ принимаемо вовсе не было, и выдавали затѣмъ тоже подложные билеты на сумму въ нѣсколько миллиновъ частнымъ лицамъ для сбыта ихъ. Никто изъ упомянутыхъ въ этомъ вопросѣ лицъ виновнымъ себя не призналъ.

4) Суздальцевъ и кн. Оболенскій въ томъ, что, войдя въ соглашеніе съ членами правления кроншт. ком. банка въ періодѣ времени съ 1876 по 1879 годъ, получалъ отъ нихъ вышеозначенные завѣдомо для него, Суздальцева, подложные вкладные билеты и употреблялъ ихъ для своихъ личныхъ выгодъ, сбывая ихъ частнымъ лицамъ и въ разныя кредитныя учрежденія. Отвѣтъ отрицательный.

5) Тѣ же Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгавенъ и Сутугинъ въ томъ, что, истощивъ, во время завѣданія банкомъ въ качествѣ членовъ правления, всѣ свободныя его средства въ теченіи 1878 и въ началѣ 1879 г. съ цѣлью продолжать дѣйствія банка и, не имѣя наличныхъ денегъ для удовлетворенія текущихъ платежей, заложили или сами лично, или чрезъ другихъ лицъ, отданная въ банкъ разными частными лицами на храненіе проц. бумаги на сумму 163,000 р. и по обнаруженіи ихъ злоупотребленій не возвратили

означенныя суммы. Шенъянъ и Синебрюховъ признали себя виновными, обѣщаю дать объясненія впослѣдствіи; Сутугинъ призналъ лишь фактъ, а Ландгвагенъ отвѣтилъ отрицательно.

6) Тѣ же Ланге и Бреме въ томъ, что, состоя первый—бухгалтеромъ Кроншт. ком. банка, а второй—кассиромъ, въ 1878 и въ началѣ 1879 г., по распоряженію директора и нѣкоторыхъ членовъ правленія банка, вынимали изъ кладовой означенного кредитнаго учрежденія проц. бумаги, отданныя ему разными лицами на храненіе, и закладывали ихъ въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, Ланге отъ своего имени, а Бреме отъ имени своего знакомаго Шергольда, при чёмъ по обнаруженіи ихъ злоупотребленій не возвращали растраченныхъ суммъ. Отвѣты отрицательные.

7) Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгвагенъ, Сутугинъ и баронъ Фитингофъ въ томъ, что истощивъ всѣ средства банка своими вышеозначенными неправильными дѣйствіями, вмѣсто того, чтобы объявить акционерному собранію о томъ, что банкъ доведенъ ими до несостоятельности и просить о прекращеніи дѣлъ банка, изъ своихъ личныхъ корыстныхъ видовъ старались поддерживать его существование, а для того, чтобы не подрывать въ обществѣ существующаго къ банку довѣрія и не прекращать поступленія въ кассу банка отъ частныхъ лицъ и учрежденій капиталовъ, въ 1877, 1878 и въ началѣ 1879 г. приказывали служащимъ въ банкѣ и завѣдующимъ веденіемъ книгъ и счетоводствомъ лицамъ большую часть неправильныхъ, выданныхъ безъ надлежащихъ обезпеченій ссудъ, не заносить въ подлежащія книги, или заносить спустя продолжительное время послѣ выдачи самыхъ ссудъ, увеличивать кассовые обороты записью по кассовымъ книгамъ такихъ денежныхъ поступленій, которыхъ въ дѣйствительности не было, и по такимъ, завѣдомо для нихъ невѣрно веденнымъ книгамъ, составлять мѣсяч-

ные и годовые счеты о состояніи счетовъ и дѣлъ банка, а затѣмъ составленные такимъ образомъ отчеты публиковали во всеобщее свѣдѣніе въ указанныхъ уставомъ банка газетахъ. Ландгвагенъ призналъ лишь фактъ; остальные подсудимые дали отрицательные отвѣты.

8) Ланге въ томъ, что состоя бухгалтеромъ Кронштадтскаго коммерческаго банка въ періодъ времени съ 1877 по 1879 г., по приказанію директора банка и нѣкоторыхъ членовъ правленія, неправильно вносилъ въ книги выдаваемые банкомъ вкладные билеты и зная о подложномъ внесеніи въ кассовые книги нѣкоторыхъ статей прихода, по такимъ веденымъ несогласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ банка книгамъ составлялъ мѣсячные и годичные отчеты, которые затѣмъ публиковались въ газетахъ. Отвѣтъ отрицательный.

9) Бреме въ томъ, что состоя кассиромъ кронштадтскаго коммерческаго банка въ періодъ времени съ 1877 по 1879 г. по приказанію директора банка и нѣкоторыхъ членовъ правленія неоднократно, для увеличенія въ мѣсячныхъ отчетахъ о состояніи счетовъ банка кассовыхъ оборотовъ, вносилъ въ кассовые книги на приходъ такія денежныя поступленія, которыхъ въ дѣйствительности не было, и съ этими невѣрными свѣдѣніями сообщалъ итоги кассовыхъ оборотовъ бухгалтеру для составленія отчета о состояніи счетовъ банка. Отвѣтъ отрицательный.

Наконецъ 10) Синебрюховъ, Ландгвагенъ, Ланге и Бреме въ томъ, что, при тѣхъ же условіяхъ въ январѣ 1869 г., съ цѣлью скрыть дѣйствительное положеніе дѣлъ банка, составили подложное свидѣтельство за № 391 о принятіи на храненіе купленныхъ по порученію товарищества пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ проц. бумагъ, тогда какъ бумагъ этихъ вовсе не было куплено и даже не

было въ банкѣ свободныхъ, соответствующихъ имъ цѣнностей. По этому вопросу отвѣчалъ утвердительно одинъ Синебрюховъ.

Судебное слѣдствіе началось съ провѣрки положенія дѣлъ кронштадтскаго банка съ его открытия до второй половины 1874 года, когда въ правленіе поступили Шеньянъ, Синебрюховъ и другіе изъ подсудимыхъ. Выяснилось слѣдующее: когда открылись дѣйствія банка, то первымъ директоромъ былъ избранъ учредитель Дружининъ, «который лучше всѣхъ зналъ дѣло», между тѣмъ по словамъ самаго Дружинина онъ «не понималъ ровно ничего въ банковомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе надѣялся, что дѣло могу повѣсти». Вышло на оборотъ. Онъ подружился съ Синебрюховымъ, жилъ въ Петербургѣ, кутиль, игралъ съ нимъ на биржѣ и въ концѣ концовъ задолжалъ банку 70,000 руб. Поведеніе Дружинина обратило на себя вниманіе учредителей, въ томъ числѣ и контр-адмирала Стромилова, бывшаго членомъ правленія, и они положили сдѣлать повѣрку, по которой въ портфель банка оказалось много дутыхъ векселей и значительный долгъ Дружинина. Учредители отправились къ отцу послѣдняго и предложили ему заплатить долгъ, если онъ не желаетъ, чтобы противъ его сына было возбуждено уголовное дѣло. Деньги были внесены по расчету въ размѣрѣ 35,000 руб., Дружининъ оставилъ постъ директора и на его мѣсто пригласили Ландвагена. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства. Въ началѣ своихъ дѣйствій банкъ не находилъ достаточнаго числа клиентовъ и вотъ члены первого правленія, въ томъ числѣ и Дружининъ, брали ссуду подъ векселя, причемъ благонадежность векселедателя опредѣлялась другими членами правленія. Помимо учета векселей экспертизою установлено, что 27-го марта 1874 года правленіе банка вмѣсто денегъ выдало одинъ вкладной свой билетъ на

27.000 рублей подъ обеспеченіе акцій готовужскихъ фабрикъ и заводовъ. Относительно этой операциіи Дружининъ далъ сбивчивое объясненіе и вообще онъ отзывался запамятованіемъ подробностей дѣлъ банка, директоромъ которого состоялъ первое время. Какъ бы то ни было, но при сдачѣ дѣлъ новому правленію они оказались настолько хороши, что въ случаѣ ликвидациіи, кромѣ суммъ потраченыхъ на обзаведеніе, убытокъ хотя и былъ, но онъ пополненъ какъ Дружининымъ, такъ и другимъ учредителемъ Шебунинымъ, который въ свою очередь заплатилъ 30,000 руб. Со вступленіемъ нового правленія дѣла приняли иной оборотъ: явилась пристрастность въ выборахъ, на общихъ собраніяхъ показались фиктивные акціонеры, Шеньянъ и Сутугинъ выражали явное желаніе забрать правленіе банка въ свои руки и, наконецъ, петербургская партія сдѣлалась настолько сильно, что выбить ее изъ позиціи кронштадтскіе участники предпріятия не имѣли никакой возможности.

Засѣданіе 26 апрѣля началось провѣркою обстоятельствъ, при которыхъ были обнаружены злоупотребленія, приведшія къ крушенію банка. Въ началѣ обвинительного акта подробно изложены результаты послѣдней внезапной ревизіи, раскрывшіе полную несостоитѣльность дѣлъ банка, при чемъ было констатировано, что основной капиталъ и вклады на храненіе были уже растрачены, начиная съ 1874 по 1876 годъ. Образъ дѣйствій депутатовъ банка, производившихъ послѣднюю внезапную ревизію, — Буртона, Казина и Майера за все время служенія ихъ въ Кронштадтскомъ банкѣ,—заслуживаетъ серьезнаго вниманія и рисуетъ дѣятельность ихъ далеко не съ привлекательной стороны. Буртонъ говоритъ, что состоялъ депутатомъ съ самого открытия банка вплоть до краха; его рекомендовалъ отецъ Дружинина, у котораго Буртонъ служилъ кассиромъ. Депутатскія обязанности ему хорошо из-

вѣстны, онъ производилъ ревизіи, при которыхъ все оказывалось въ порядкѣ, за исключениемъ послѣдняго раза. Но затѣмъ изъ дальнишыхъ отвѣтовъ его выяснилось, что при ревизіяхъ онъ не обращалъ «никакого вниманія на то, какимъ образомъ выдаются вкладные билеты», касса провѣрялась лишь съ главною книгою, оправдательные же документы не просматривались и не провѣрялись; хотя онъ и видѣлъ во-очію, что Шенъянъ выдавалъ векселей князю Оболенскому на нѣсколько сотъ тысячъ рублей и этотъ послѣдній первому, подъ которые брались вкладные билеты, но «находилъ это въ порядкѣ вещей», повѣрять же благонадежность векселедателя не имѣлъ права потому, что «это не наше было дѣло». Его также не удивляло, что члены правленія выдавали сами себѣ векселей на полтора миллиона руб. и брали подъ нихъ ссуду, «потому что довѣріе къ правленію было полное». Если онъ и другіе депутаты и входили въ разсмотрѣніе отчета правленія банка, „то дѣлали это поверхностно“. За свои труды въ качествѣ депутата Буртонъ первые три года не получалъ ничего, а затѣмъ ему давали по 500 руб. въ годъ. Казинъ состоялъ депутатомъ съ 1876 года и поступилъ по рекомендациіи Ландгвагена; обязанности свои зналъ. Здѣсь необходимо привести текстъ § 42 устава Кронштадтскаго банка, который говоритъ слѣдующее: „на обязанности депутатовъ лежитъ: а) пересмотръ каждые три мѣсяца всѣхъ обязательствъ, векселей и залоговъ, принятыхъ правленіемъ, свидѣтельствование наличности кассы и независимо отъ того производство внезапныхъ ревизій; б) наблюдение за точнымъ исполненіемъ правленіемъ устава банка и постановленій общихъ собраній; в) заявление правленію требованій о созваніи чрезвычайныхъ собраній акціонеровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это полезнымъ для банка и г) представление обыкновенному общему собранію о своихъ дѣйствіяхъ

въ теченіе года отчета, который за 8 дней предъ тѣмъ долженъ быть доведенъ до свѣдѣнія правленія“. Ничего подобнаго Казинъ не дѣлалъ. Онъ производилъ вмѣстѣ съ другими, всего три ревизіи въ теченіи трехъ лѣтъ, которая продолжались „не болѣе трехъ часовъ“. Касса провѣрялась только по записямъ въ книгахъ; операциіи со вкладными билетами не ревизовалъ. Далѣе онъ чистосердечно сознался, что былъ „фиктивнымъ акціонеромъ; на мое имя записано было для общаго собранія 25 акцій, но кто ихъ записалъ,—не помню, знаю лишь то, что акцій этихъ я никогда въ своихъ рукахъ не имѣлъ“. Бѣдилъ на ревизіи по просьбѣ Шенъяна, причемъ „о вознагражденіи не могло быть рѣчи“, за свой трудъ онъ получилъ первый разъ 300, а второй 500 руб. и ему „казалось, что это была просто любезность со стороны Шенъяна“. На вопросъ: „вы считали возможнымъ служить Кронштадтскому банку бесплатно“, Казинъ съ развязностью отвѣчалъ: „Для знакомаго почему же не оказать услугу, не ссыпать въ Кронштадтъ, тѣмъ болѣе, что это не далеко“. Читается показаніе неявившагося Мейера. „Я былъ депутатомъ Кронштадтскаго банка и кандидатомъ въ правленіи боровичской желѣзной дороги“. Обязанность депутата производить ревизію черезъ каждые три мѣсяца зналъ, „но мы этого не дѣлали“. Въ 1875 и 1878 годахъ былъ фиктивнымъ акціонеромъ на общихъ собраніяхъ; на его имя Шенъяномъ было записано 25 акцій, «которая я потомъ отдалъ назадъ Шенъяну». При ревизіяхъ находилъ все въ исправности, за исключениемъ послѣдняго раза.

Затѣмъ Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгвагенъ, Сутгинъ и баронъ Фитингоффъ давали объясненія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ они вступили въ правленіе банка. Изъ всѣхъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе разсказъ барона Фитингофа, который сказалъ: „Я подвергся полнѣйшему раззоренію, когда былъ

ограбленъ въ Берлинѣ. За меня въ то время вступилось министерство иностранныхъ дѣлъ и даже покойный канцлеръ князь Горчаковъ, посыпались даже ноты, но это ни къ чему не повело. По возвращеніи въ Россію, нужда меня заставила добыть средства къ существованію и вотъ я, черезъ посредство Штерна, познакомился съ Шеньянемъ, который предложилъ поступить членомъ правленія въ Кронштадтскій банкъ и принять участіе въ военномъ комиссіонерствѣ. Эти двѣ должности обеспечивали мнѣ существование 4,500 рублей въ годъ. Я тогда же сказалъ, что банковскаго дѣла я не знаю, но Шеньянъ, Синебрюховъ и Ландгвагенъ объяснили мнѣ, что они сами знаютъ всѣхъ лицъ, которымъ можно довѣрять и что они сами чрезвычайно заинтересованы въ участіи банка. Мы остановились на томъ, что я долженъ подписывать учетные листы, на что я согласился подъ тѣмъ однако условиемъ, если учетные листы будутъ подписываться сначала специалистами, Синебрюховымъ и Ландгвагеномъ. Какъ это, такъ и то, что они заинтересованы въ участіи банка, вполнѣ гарантировало меня. О злоупотребленіяхъ я ничего не зналъ вплоть до обнаружения ихъ".

Къ этому отдѣлу относится разсмотрѣніе послѣднаго отчета правленія Кронштадтскаго банка. При обыскѣ найденъ былъ черновой отчетъ, который оказался далеко несогласнымъ съ опубликованнымъ къ общему свѣдѣнію. Въ этомъ послѣднемъ между прочимъ показано векселей князя Оболенского на 775,000 руб., на провѣрку же оказалось, что это вовсе не векселя, а простая вексельная бумага безъ текста и лишь съ подписью князя Оболенского, а частью и съ бланкомъ Шеньяна, которая, по заявлению экспертовъ, никакой цѣнности собою не представляетъ. Отчетъ этотъ составилъ бухгалтеръ Ланге. Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ одинъ изъ экспертовъ, а именно Суходольской,

высказалъ, что вообще въ частныхъ банковскихъ учрежденіяхъ служащіе не могутъ быть людьми самостоятельными—они вполнѣ зависятъ отъ правленія и должны дѣлать то, что имъ прикажутъ.

По поводу этихъ бланковъ кн. Оболенскій объяснилъ, что онъ въ прямыхъ договорныхъ отношеніяхъ съ банкомъ не состоялъ, но такъ какъ ему для сухарныхъ подрядовъ, въ которыхъ у него компаніономъ былъ Шеньянъ, нужны были вкладные билеты для представленія залоговъ и для покупки муки, которой необходимо было заготовить въ теченіи шести недѣль на 1.000,000 рублей,—то онъ и высыпалъ Шеньяну неописанные бланки, предоставляемые ему самому вписывать текстъ на нихъ по его усмотрѣнію, и сверхъ того высылалъ довѣренность на получение всѣхъ денегъ изъ интенданства, которыми онъ могъ покрыться когда ему было это нужно.

Судъ перешелъ къ разсмотрѣнію отдѣла о позанимствованіяхъ изъ кассы банка членами правленія и о растратѣ складочнаго капитала. О свидѣтеляхъ Генигѣ, Веттерѣ и Гунстѣ можно сказать очень мало: всѣ они или не помнятъ ничего, или не знаютъ, или это не ихъ было дѣло и т. д. въ этомъ родѣ. Общее впечатлѣніе составилось то, что они какъ будто боялись раскрыть уста, чтобы не проговориться, и скрывали многое. Они вступили служащими по рекомендациіи которагонибудь изъ членовъ правленія. Далѣе идетъ показаніе Гунста, занимавшагося операциею ссудъ подъ процентныя бумаги. Онъ иногда исправлялъ обязанности контролера и по словесному приказанію директора Ландгвагена подписывалъ безъ всякихъ справокъ вкладные билеты. „Ослушаться я не могъ, такъ какъ я былъ человѣкъ служащій и ослушаться директора значило лишиться мѣста“. Таковъ былъ, по словамъ Гунста, общій порядокъ послушанія. Нужно замѣтить, что оба они болѣе или менѣе задолжали банку

подъ вычетъ изъ будущаго жалованья. Такъ Генингъ — 3,000 руб., Гунстъ — 350 руб., равнымъ образомъ и Веттеръ задолжалъ какую-то сумму. Помимо этого, свид. Доннербергъ показалъ, что онъ взялъ въ 32,000 руб. изъ Кронштадтскаго банка вкладной билетъ, продалъ его за границей и, наконецъ, что давалъ Шенъяну бланкъ на 10,000 рублей.

Шенъянъ оправдывался въ позаимствованихъ тѣмъ, что всѣ ссуды ему проходили черезъ правление, которое не вело никакихъ журнальныхъ постановлений, а дѣлало все словесно. Онъ вступилъ въ банкъ, имѣя долгъ болѣе 300,000 руб. съ розовыми надеждами, но теперь раскаивается въ этомъ. „Все несчастіе произошло потому, говоритъ Шенъянъ, что у меня какъ хозяина банка не было настоящей дѣловой оппозиціи, всѣ были люди молодые, неопытные, слушались моихъ словъ, а я былъ слишкомъ слабъ, довѣрчивъ“. Ландгвагенъ заявилъ, что исчезновеніе основнаго капитала онъ относить къ 1876 г.

Относительно барона Фитингофа констатировано, что онъ остался долженъ банку 1,914 р., которые внесены сполна съ процентами, о чёмъ удостовѣрилъ предсѣдатель конкурса по дѣламъ несостоятельнаго Кронштадтскаго банка.

Большая часть засѣданія 27 апрѣля была посвящена разбору участія Кронштадтскаго банка въ постройкѣ боровичской желѣзной дороги. Свидѣтель Лобановъ показалъ, что былъ членомъ правленія банка съ конца 1874 года, но потомъ вышелъ, въ виду того, что всѣ главныя операциіи дѣлались безъ его согласія и совѣта, такъ что онъ былъ «повидимому совсѣмъ лишнимъ человѣкомъ». Когда возникло предпріятіе постройки боровичской желѣзной дороги, то составилось общее мнѣніе, что она не имѣетъ шансовъ на будущее; Лобановъ старался отклонить банкъ отъ участія въ постройкѣ или же, въ крайнемъ случаѣ, учредить

извѣстный контроль надъ правленіемъ общества боровичской желѣзной дороги, что и было сдѣлано. Ольхинъ заявилъ, что былъ первое время секретаремъ правленія боровичской дороги и числился даже бухгалтеромъ. Правленіе состояло изъ Шенъяна, Суздалцева и Синебрюкова. Средства на постройку выдавались государственнымъ банкомъ, откуда было получено въ три раза около 800,000 рублей. При перекрестномъ допросѣ Ольхинъ сознался, что «былъ акціонеромъ кронштадтскаго банка, но не владѣлъ акціями»; «бывалъ на общихъ собраніяхъ по приглашенію Шенъяна и Ландгвагена и їздилъ для того, чтобы подавать голосъ за утвержденіе отчета, за выборъ депутатовъ, которыхъ хотя и не зналъ лично, но мнѣ говорили кого выбирать. Кто записывалъ на мое имя акціи, я не помню». Онъ точно также «былъ акціонеромъ общества боровичской желѣзной дороги, акцій которой у меня было на 5,000 руб. металлическихъ». На вопросъ, на какія средства онъ пріобрѣлъ ихъ, Ольхинъ отвѣчалъ, что эти акціи записывались на его имя самимъ правленіемъ означенной дороги, въ которомъ онъ послѣдніе годы состоялъ и членомъ ревизіонной комиссіи. Затѣмъ давалъ показаніе бывшій строитель боровичской дороги, полковникъ Духновскій, затѣявший впослѣдствіи гражданскій искъ къ правленію за тѣ убытки, которые имѣ были понесены по этой операциіи. Прежде всего онъ заявилъ, что Кронштадтскій банкъ имѣлъ какую-то сдѣлку съ правленіемъ общества боровичской дороги, «но въ чёмъ она заключалась — не знаю», но потомъ добавилъ, что Кронштадтскій банкъ давалъ вкладные билеты на 321,000 руб. для представленія ихъ въ государственный банкъ вмѣсто денегъ, которыя должны были быть вырученными отъ продажи акцій и облигаций возникшаго общества и что сдѣлка эта была надлежащимъ образомъ оформлена. Контрактъ и дополнительное условіе на

постройку вырабатывались только между свидѣтелемъ и Сузdal'цевымъ. Шенъянъ и Синебрюховъ состояли директорами правленія дороги, «но обѣ акціонерномъ участіи ихъ въ дѣлѣ я не знаю», Духновскому известно лишь то, что «акціонерный капиталъ не собирался и общества не существовало вовсе». На первое общее собраніе «была приглашена цѣлая компанія, гдѣ былъ и я, какъ будущий строитель, и гдѣ было избрано правленіе; всѣхъ этихъ лицъ приглашалъ Сузdal'цевъ, который былъ душою всего дѣла». Свидѣтель помнитъ, что въ декабрѣ 1874 года былъ устроенъ «обѣдъ по какому-то торжественному случаю, кажется по поводу добычи вкладныхъ билетовъ кронштадтского банка; на этомъ обѣдѣ Шенъянъ пилъ здоровье Сузdal'цева, а Сузdal'цевъ здоровье Шенъяна». Духновскій добавилъ, что Сузdal'цевъ успѣшно хлопоталъ въ министерствѣ финансовъ и получилъ разрѣшеніе вмѣсто акціонерного капитала внести въ государственный банкъ вкладными билетами Кронштадтского банка. Однажды, это было 21 августа 1875 года, Духновскій, по приказу Шенъяна, получилъ изъ отдѣленія Кронштадтского банка 15,000 руб. за счетъ боровичской желѣзной дороги.

Въ опроверженіе безполезности предпріятія защищено выставленъ гласный боровичского уѣзданого земскаго собранія Кривцовъ, заявившій на судѣ, что польза отъ постройки желѣзной дороги была очевидною для развитія края и мѣстной промышленности и что грузовъ на ней ожидалось въ достаточномъ количествѣ.

Изъ прочтеннаго опредѣленія петербургской судебнаго палаты, состоявшагося 15-го февраля текущаго года, видно, что боровичская желѣзная дорога признана должникомъ несостоятельнымъ въ суммѣ 3.886,140 руб. $20\frac{1}{2}$ коп., но на это опредѣленіе, какъ неправильное по мнѣнію отвѣтчиковъ, принесена уже кассационная жалоба; кромѣ того выяснилось, что

протяженіе всей дороги равняется 28 верстамъ и 300 саженямъ.

Главнымъ и существеннымъ пунктомъ обвиненія по этому отдѣлу является знаніе Сузdal'цевымъ о подложности вкладныхъ билетовъ кронштадтского банка, которые проходили черезъ его руки. Въ этомъ отношеніи судебное слѣдствіе выработало огромный матеріалъ за и противъ.

Въ засѣданіи 28-го апрѣля гласный боровичской городской думы Соколовъ, между прочимъ, заявилъ, что мѣстное земство въ свое время сильно хлопотало о постройкѣ желѣзной дороги и когда впослѣдствіи пронасся слухъ о несостоятельности общества боровичской дороги, то отъ городской думы отправилась къ министру финансовъ депутація, съ просьбою не прекращать по ней движенія, въ видахъ мѣстныхъ интересовъ. Бывшій повѣренный общества Харламовъ, на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ добылъ изъ различныхъ документовъ, высказалъ, что Сузdal'цевъ до послѣдняго времени принималъ главное участіе въ предпріятіи. До половины 1879 года въ правленіи общества боровичской дороги правильно составленныхъ книгъ не было. Харламовъ увѣряетъ, что долгъ дороги, включая сюда и %, не превышаетъ 2.200,000 руб. и если его оказалось на сумму 3.886,000 руб., то это потому, что многія претензіи предъявлены вдвойнѣ и втройнѣ. Хотя по иску Духновскаго и состоялось рѣшеніе судебнаго палаты, но оно кассировано сенатомъ. Со стороны земства было ходатайство о постройкѣ постояннаго моста черезъ рѣку Мсту, на противоположной сторонѣ которой расположены городъ Боровичи, разъединенный съ конечной станціей желѣзной дороги, что представляло большія затрудненія для движенія въ особенности грузовъ, которыхъ бывало до полутора миллионовъ пудовъ въ годъ. Ходатайство это не было уважено, несмотря

на то, что земство принимало на себя известное участие въ этой постройкѣ. При возникновеніи дѣла предполагалось провести желѣзную дорогу и дальше Боровичей до Череповца на соединеніе съ маринской системой, на которой ежегодно замерзаютъ караваны судовъ съ грузомъ до Петербурга; были произведены изысканія и составлены сметы, но ходатайство о продолженіи пути не было уважено, что весьма вредно отозвалось на эксплоатациі боровичской желѣзной дороги, которая вслѣдствіе этого сдѣлалась не больше какъ подвознымъ путемъ николаевской желѣзной дороги. По разсчету, боровичская дорога по движению грузовъ приходится второю въ общей сѣти.

Подсудимый Шеньянъ заявилъ, что въ боровичскомъ предпріятіи принималъ живѣшее участіе покойный свѣтлѣйшій князь Суворовъ, отъ которого онъ лично слышалъ о тѣхъ надеждахъ, которыхъ возлагались на будущее. Это обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что когда Сузdal'цевъ обратился къ Шеняну съ предложеніемъ реализовать капиталъ для постройки, то подсудимый доложилъ обѣ этомъ правленію кронштадтскаго банка, которое, разсмотрѣвъ подробнѣ условія, а также и имѣвшуюся въ виду гарантію, согласилось внести въ государственный банкъ 50% акціонернаго капитала билетами кронштадтскаго банка, что составило сумму въ 321,000 руб., которые были выданы подъ векселя Сузdal'цева. Затѣмъ Шеньянъ уѣхалъ въ Лондонъ. Въ его отсутствіе правленіе банка заключило съ Сузdal'цевымъ новое условіе на выдачу 175,000 руб. билетами подъ его векселя съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ облигациі боровичской дороги, и хотя Сузdal'цевъ обязался исполнить въ точности условіе, но этого не сдѣлалъ, между тѣмъ разрѣшенную ссуду выбралъ всю въ нѣсколько приемовъ. Между тѣмъ сроки векселей Сузdal'цева проходили, и онъ мало по малу вы-

шелъ изъ отвѣтственности по отношенію къ кронштадтскому банку, такъ какъ охотно давалъ векселя отъ имени общества боровичской желѣзной дороги, но своихъ бланковъ на нихъ не ставилъ. «Вотъ тутъ-то мы и попали, говоритъ Шеньянъ, потому что разъ мы выдали крупную сумму, возврата ея не предвидѣлось, то намъ ничего болѣе не оставалось, какъ во что бы то ни стало докончить дорогу и принять къ тому все мѣры, иначе пропали бы и 321,000 руб. Мы и стали давать. Выпускъ вкладныхъ билетовъ былъ вызванъ отсутствіемъ денежныхъ средствъ въ кронштадтскомъ банкѣ».

Синебрюховъ и Ландгвагенъ подтвердили объясненіе Шенянна, причемъ Ландгвагенъ добавилъ, что выдача вкладныхъ билетовъ была «вынужденная помощь боровичской желѣзной дорогѣ, съ цѣлью довести постройку ея до конца». Эта выдача, насколько помнитъ подсудимый, разрѣшалась Шенянномъ, и наконецъ, что выдачѣ вкладныхъ билетовъ должна предшествовать выдача векселей, но послѣднихъ Сузdal'цевъ не давалъ, билеты же брали раньше.

Сузdal'цевъ рассказалъ слѣдующее: Въ виду того, что Шеньянъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ волжско-камскимъ банкомъ по постройкѣ муромской жел. дор., онъ обратился къ нему съ просьбою помочь въ реализациі акціонернаго капитала для общества боровичской желѣзной дороги. Начались переговоры, кончившіеся тѣмъ, что министръ финансовъ разрѣшилъ внести вкладные билеты кронштадтскаго банка въ государственный, въ суммѣ 321,000 рублей. Правленіе кронштадтскаго банка, вступившее такимъ образомъ въ дѣло, обязано было слѣдить за своими интересами и вотъ какъ оно ихъ стало оберегать: узнавъ изъ устава общества боровичской дороги, что правленіе ея должно состоять изъ трехъ директоровъ, правленіе банка помѣстило

туда двухъ лицъ — Шеняна и Синебрюхова, вслѣдствіе чего большинство голосовъ при разрѣшеніи вопросовъ было на сторонѣ банка, представители котораго зорко смотрѣли за тѣмъ, что дѣлается въ обществѣ боровичской дороги. Они устроили такъ, что деньги изъ государственного банка подъ векселя Сузdal'цева съ бланкомъ правленія боровичской дороги получали сами, привозили ихъ на линію и собственно-рочно выдавали Духновскому и другимъ лицамъ. Затѣмъ, зная кредитъ Сузdal'цева, правленіе кронштадтскаго банка постоянно требовало векселя съ его бланкомъ и когда имъ истекалъ срокъ, то брали новые, а старыхъ не возвращали иодь разными предлогами. Въ виду всего этого, банкъ оказывался вполнѣ обезпеченнымъ и изъ операций съ боровичскою дорогою имѣлъ для себя большія выгоды въ видѣ $\%$ за хлопоты по комиссии. Признаніе дороги несостоятельною въ размѣрѣ 3.886,000 руб. ничего еще не доказываетъ и не рисуетъ дѣйствительного положенія дѣла потому, что здѣсь начтено много $\%$ и если бы прошло еще года два, три, то сумма эта возросла бы до еще большихъ размѣровъ. Ко всему этому Сузdal'цевъ добавилъ, что министерство финансовъ всячески тормозило дѣло изъ желанія присоединить боровичскую желѣзную дорогу къ главному обществу российскихъ желѣзныхъ дорогъ. Свои объясненія Сузdal'цевъ кончилъ тѣмъ, что если въ данномъ дѣлѣ и есть потерпѣвшій, то это онъ, а не кто другой.

Что касается документальной стороны этого отѣла, то она весьма обширна, можно сказать безъ преувеличенія, что почти противъ каждого документа является опроверженіемъ другой документъ, объясненій, разъясненій, поправокъ не оберешься, только и слышно: «обращаю ваше вниманіе, господа присяжные засѣдатели», «обращаю особенное вниманіе», «прошу замѣтить», «прошу удостовѣрить» и т. д. въ этомъ родѣ.

Коснуться хотя отчасти всего этого нѣтъ рѣшительно никакой возможности, да если бы и привести цѣликомъ всѣ документы и замѣчанія, то и тогда едва-ли можно будетъ ориентироваться относительно знанія о. подложности, такъ что этотъ существенный вопросъ остается открытымъ впредь до заключительныхъ преній, когда стороны дадутъ ему оцѣнку съ точки зре-нія нравственной.

Весь день и часть вечера 29-го апрѣля были посвящены чтенію остальныхъ документовъ и экспертизѣ по отдѣлу боровичской дороги. Въ одномъ изъ писемъ къ члену правленія кронштадтскаго банка Сузdal'цевъ проситъ «сдѣлать» для него вкладной билетъ. Выяснилось также, что нѣкто Мейерь, состоявшій кандидатомъ въ правленіе боровичской дороги и не имѣвшій никакого отношения къ правленію кронштадтскаго банка, подписалъ, по просьбѣ, «за контролера» два вкладныхъ билета банка по 10,000 р. каждый.

Окончивъ совѣщеніе и возвратясь въ залу суда, эксперты объяснили, что по вопросу объ отношеніяхъ Сузdal'цева къ обществу боровичской желѣзной дороги и къ кронштадтскому банку, мнѣнія ихъ раздѣлились. Затѣмъ Суходольскій заявилъ, что съ своей стороны онъ признаетъ выдачу вкладныхъ билетовъ подъ векселя Сузdal'цева неправильно, и что эта неправильность впервые была допущена со стороны бывшаго управляющаго государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанского. Къ этому мнѣнію присоединился и Вольбрюкъ, пояснивши, что Сузdal'цевъ состоялъ комиссіонеромъ кронштадтскаго банка, что общества боровичской дороги не существовало, а дорога принадлежала Сузdal'цеву и онъ дѣйствовалъ болѣе за свой счетъ. Кожевниковъ сначала подтвердилъ экспертизу предварительного слѣдствія, гдѣ онъ называлъ операцию со вкладными билетами фиктивною, но потомъ отъ этой характеристики отказался и заявилъ, что признаетъ

означенную операцию «скорѣе неправильную, но не фиктивную». Сузальцевъ по отношенію къ кронштадтскому банку, какъ полагаетъ Кожевниковъ, являлся коммиссіонеромъ для сбыта вкладныхъ билетовъ, завѣдомо безденежныхъ. Наконецъ, что операція съ этими билетами съ точки зрењія бухгалтерской по книгамъ проведена правильно. Слѣдующій эксперть выказалъ, что выраженіе «фиктивные вклады» онъ считаетъ невѣрнымъ, разъ только банкъ принялъ вексель и учелъ его, т. е. призналъ его благонадежность и выдачу по нему денегъ. Сузальцевъ былъ не болѣе какъ посрѣдникъ между обществомъ боровичской дороги и кронштадтскимъ банкомъ, онъ даже не фигурируетъ по группѣ кредиторовъ банка. Еще слѣдующій эксперть удостовѣрилъ, что вексель, признанный правленіемъ какого-нибудь банка благонадежнымъ, все равно, что деньги, его можно принять на вкладъ и выдать подъ его обезпеченіе вкладной билетъ. Затѣмъ выдача вкладныхъ билетовъ безъ всякаго обезпеченія, даже безъ векселя, что имѣло мѣсто и въ настоящемъ ~~дѣлѣ~~, «должна считаться безусловно неправильно». Вотъ тѣ главныя положенія, высказанныя экспертами, которыя не поколебали и перекрестный допросъ ихъ сторонами.

Приступлено къ разсмотрѣнію отдѣла о военномъ коммиссіонерствѣ. Спрошено три свидѣтеля: И. Н. Герардъ, Шоринъ и Бѣляевъ. Первый былъ вкладчикомъ военного коммиссіонерства въ размѣрѣ 3,000 р., которые и потерялъ въ этомъ предпріятіи. Сумма 8,000 рублей была внесена не наличными деньгами, а вкладнымъ билетомъ кронштадтского банка взятымъ подъ вексель. Когда банкъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ и конкурсное управление предъявило искъ объ уплатѣ поэту векселю, то Герардъ представилъ взятый вкладной билетъ затѣмъ же самымъ номеромъ, конкурсъ принялъ его и возвратилъ вексель. Всѣ нужныя деньги для оборотовъ коммиссіонерства поступали отъ Шенъя-

на. Вкладной билетъ былъ взятъ для представления залогомъ по подряду, потому что находилъ это для себя выгоднымъ, въ подтвержденіе чего и представилъ соображенія съ точки зрењія коммерческаго расчета.

Шоринъ также былъ акціонеромъ коммиссіонерства и когда встрѣчалась надобность въ деньгахъ, то онъ, по словесному приказанію Шенъяна, отправлялся въ петербургское отдѣленіе кронштадтскаго банка и получалъ тамъ деньги, которыя записывались на счета Шенъяна, Синебрюхова и Сутугина. Послѣдній получалъ жалованье по 3,000 руб. въ годъ, работалъ въ правленіи коммиссіонерства, но потомъ, вслѣдствіе непріятностей съ другими членами, оставилъ службу. Бѣляевъ указалъ на такой случай: личный секретарь Шенъяна Абель попросилъ Бѣляева, служившаго въ военномъ коммиссіонерствѣ, подписать «за контролера» вкладной билетъ кронштадтскаго банка, что свидѣтель и сдѣлалъ.

30-е апрѣля началось съ разбора пущиловской операціи. Душеприказчикъ покойнаго, Бухе, заявилъ, что Пущиловъ бралъ изъ кронштадтскаго банка вкладные билеты подъ векселя съ цѣлью представленія ихъ въ залогъ. Былъ такой случай: когда наступилъ срокъ векселей, Пущиловъ поручилъ Бухе съѣздить въ Кронштадтъ и взять ихъ обратно. Затѣмъ Шенъянъ явился къ Пущилову, который при Бухе отдалъ ему вкладные билеты; тотъ уложилъ ихъ въ портфель, заперъ его и когда уѣзжалъ на дачу, то забылъ этотъ портфель въ кабинетѣ Пущилова. Тѣ ли это билеты, которые возвратилъ Пущиловъ, или Шенъянъ привезъ новые, Бухе не знаетъ, но они очутились у Пущилова безъ всякаго обезпеченія для кронштадтскаго банка. Пущиловъ представлялъ свои векселя въ любой банкъ и вмѣсто денегъ всегда получалъ вкладные билеты, если они требовались для залога. Билеты кронштадтскаго банка на имя Пущилова разошлись по рукамъ разныхъ

кредиторовъ покойнаго и затѣмъ обнаружилось, что государственный банкъ или въ видѣ помоши кронштадтскому банку, или въ видѣ пріобрѣтенія — свидѣтель съ точностью не помнить, — скупилъ ихъ. Путиловъ пробовалъ обращаться къ управляющему государственнымъ банкомъ съ ходатайствомъ возвратить билеты и взять отъ него векселя, но ему въ томъ отказали. Часть билетовъ кронштадтского банка требовалась для представленія залога по подряду морского канала. Это предпріятіе оказалось самымъ печальнымъ изъ всѣхъ дѣлъ Путилова, который потратилъ на него все, что имѣлъ и неудача въ которомъ свела его въ могилу. На вопросы защитника князя Оболенского Бухе, объяснилъ, что по устройству морского канала Путиловъ представилъ векселя въ международный коммерческий банкъ, который выдалъ ему вкладные билеты въ обеспеченіе работъ по каналу. Даѣе Бухе отрицаетъ возможность со стороны Путилова воспользоваться случаемъ и безъ согласія Шенъяна употребить на свои нужды забытые билеты, за которыми Шенъянъ хотѣлъ пріѣхать на другой день. Билеты принимались въ залогъ рубль за рубль. Миѳнія экспертовъ раздѣлились: одни находили операциоn неправильною, потому что здѣсь была выдача вкладныхъ билетовъ подъ solo векселя безъ всякаго обеспеченія, другіе же заявили, что это допускается обычаемъ, установившимся въ коммерческомъ мірѣ, если известное лицо обладаетъ серьезнymъ кредитомъ. Бываютъ и такие случаи, когда распорядитель банка выдаетъ вкладные билеты безъ обеспеченія даже solo векселями, но тогда онъ дѣйствуетъ на свой страхъ и отвѣтственъ предъ акціонерами банка.

На очереди сухарные подряды.

Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: Отношенія кронштадтскаго коммерческаго банка къ сухарнымъ подрядамъ, взятымъ у интендантства, выразились въ производствѣ ссудъ, въ огромныхъ размѣрахъ, князю Д. Д. Оболенскому и члену правленія Шенъяну. Сношенія кн. Оболенскаго съ банкомъ начались чрезъ Шенъяна съ 1876 г. и на первыхъ порахъ выразились въ томъ, что кн. Оболенскій чрезъ Шенъяна получилъ изъ банка на 250,000 руб. вкладныхъ билетовъ для представленія ихъ въ залогъ казеннымъ подрядамъ. Вкладные билеты были выданы кн. Оболенскому подъ векселя Риттера. Часть этихъ билетовъ была вскорѣ возвращена въ банкъ, а другая, меньшая часть, а именно 80,000 руб. осталась у кн. Оболенскаго и при наступленіи срока векселямъ онъ не могъ ни произвести полной уплаты, ни возвратить остальные билеты. Вслѣдствіе сего кн. Оболенскій, чрезъ своего повѣренного, доктора Штерна, обратился къ Шенъяну съ просьбою отсрочить долгъ и вместо векселей Риттера принять векселя его, кн. Оболенскаго, съ ручательствомъ его жены и съ бланкомъ купца Вейденгаммера. Предложеніе это было принято и 23-го марта 1877 г. банкомъ получены были отъ кн. Оболенскаго обѣщанные векселя, по которымъ онъ и до сихъ поръ однако долженъ банку 25,194 руб. 86 коп. Эта сдѣлка съ одной стороны и предложеніе кн. Оболенскаго Шенъяну черезъ доктора Штерна принять его въ дѣло военнаго комиссіонерства и вступить Шенъяну въ сухарные подряды, взятые кн. Оболенскимъ съ другой, — послужили къ болѣе тѣсному ихъ другъ съ другомъ сближенію. Самое важное значеніе въ этомъ сближеніи играло неимѣніе у того и другого средствъ для веденія своего дѣла. Кн. Оболенскій хо-

рошо зналъ, что чрезъ Шенъяна онъ можетъ свободно получать изъ банка вкладные билеты, а Шенъянъ на-дѣялся, что кн. Оболенскій, при своемъ титулѣ, можетъ очень выгодно обращать эти билеты въ деньги, вслѣд-ствіе чего и предложилъ немедленно кн. Оболенскому на нѣсколько сотъ тысячъ билетовъ, прося достать подъ нихъ денегъ. Первая партія билетовъ, на 500,000 руб., была заложена кн. Оболенскимъ за 280,000 руб., изъ которыхъ 140,000 онъ взялъ себѣ для сухарного подряда, а остальные 140,000 руб. передалъ Шенъяну, употребившему ихъ, какъ онъ показалъ слѣдователю, на дѣла военнаго комміссионерства. Вслѣдъ за симъ Шенъянъ вступилъ въ сухарный подрядъ кн. Оболен-скаго и въ компаніи съ нимъ началъ вести это дѣло. Первый подрядъ взять былъ у интендантства на 800,000 пуд. по контракту, заключенному 28-го іюня 1877 г. и быть оконченъ въ концѣ апрѣля 1878 г., а 13-го мая того же года кн. Оболенскій и Шенъянъ взяли второй подрядъ на 300,000. Со времени вступленія Шенъяна въ компанію съ кн. Оболенскимъ по сухар-нымъ подрядамъ, правленіе банка начало выдавать имъ вкладные билеты, не стѣсняясь никакими сущес-твующими по этому предмету правилами и нисколько не соображаясь съ истиннымъ положеніемъ дѣль банка. Вкладные билеты часто пересыпались банкомъ по пись-мамъ и телеграммамъ Шенъяна и кн. Оболенскаго, нерѣдко билеты въ банкѣ выписывались поздно вечеромъ, по полученіи телеграммъ, а иногда безъ обозначенія суммы вклады отправлялись къ тому, кто ихъ требовалъ. Ре-зультатомъ такого отношенія къ дѣламъ банка со сто-роны правленія была выдана Шенъяну и кн. Оболен-скому вкладныхъ билетовъ на 6.000,000 руб., изъ ко-торыхъ, ко дню закрытия банкомъ своихъ операций, осталось невозвращенныхъ вкладныхъ билетовъ на 2.545,000 руб. Экспертиза книгъ и документовъ по-казываетъ, между прочимъ, что выдававшіеся билеты

не проводились даже по книгамъ банка. Переписка между Шенъяномъ и кн. Оболенскимъ, а главнымъ об-разомъ многочисленныя телеграммы, получаемыя Шенъяномъ отъ кн. Оболенскаго, указываютъ, что этотъ послѣдній, требуя присылки вкладныхъ билетовъ для сбыта, обѣщаетъ дѣлать это осторожно, безъ огласки, а въ случаѣ отказа въ билетахъ грозить остановкою сухарного производства и крушениемъ банка, высказы-вая досаду по поводу появившихся въ газетахъ слуховъ о ненадежности дѣль банка. Реализація вкладныхъ би-летовъ совершилась лично кн. Оболенскимъ или чрезъ уполномоченныхъ имъ лицъ путемъ продажи, учета или залога, притомъ главнымъ образомъ въ отдаленныхъ отъ Кронштадта мѣстностяхъ, какъ напр. въ Тулѣ, Ефремовѣ, Александровскомъ, Рязани, Полоцкѣ, Калугѣ, Могилевѣ, — въ небольшихъ провинціальныхъ учрежде-ніяхъ. Уведомляя Шенъяна телеграммою отъ 17-го октября 1878 г., что въ Москвѣ и Тулѣ нѣть воз-можности реализовать билеты, кн. Оболенскій телеграм-мою отъ 21-го ноября 1878 г. извѣщаетъ, что послалъ всюду для реализаціи и обмѣна. Если же при реали-заціи у принимающихъ у кн. Оболенскаго вкладные билеты возникало сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности, то на запросъ, обращаемый сомнѣвающимися въ крон-штадтскій банкѣ, правленіе послѣдняго, повидимому, на основаніи предварительного соглашенія своего съ кн. Оболенскимъ и для охраненія собственныхъ своихъ интересовъ, удостовѣряло о дѣйствительности фиктив-ныхъ вкладныхъ билетовъ. Такое удостовѣреніе устра-няло всякое сомнѣніе и кн. Оболенскій свободно про-должалъ сбывать или закладывать билеты. Отношенія, въ какихъ находился кн. Оболенскій къ кронштадтскому банку, точно также характеризуются, между прочимъ, слѣдующимъ соглашеніемъ, состоявшимся по поводу одного подряда кн. Оболенскаго между Шенъяномъ и Сутугинъмъ съ одной стороны и кн. Оболенскимъ съ

другой. Въ 1876 г. кн. Оболенскій велъ переговоры съ обществомъ харьково-николаевской желѣзной дороги о постройкѣ сумской вѣтви и такъ какъ для этого цѣли ему нуженъ былъ залогъ, то онъ обратился къ Шеньяну и Сутугину съ просьбою помочь ему въ этомъ дѣлѣ. По представленіи кн. Оболенскими вкладныхъ билетовъ кронштадтскаго коммерческаго банка на 150,000 руб. и росписки государственного банка на 100,000 руб. была ему выдана росписка отъ 7-го мая 1876 г. за № 406 на простой бумагѣ за подпись Сутугина и Шеньяна въ принятіи этого вклада на храненіе, а затѣмъ по просьбѣ кн. Оболенскаго эти послѣдніе проводили въ правленіе общества харьково николаевской желѣзной дороги заявленіе о томъ, что кн. Оболенскій внесъ въ кронштадтскій банкъ на храненіе 0/0 бумагами и вкладными банковыми билетами 250,000 руб. Вкладъ этотъ по книгамъ банка не проведенъ и когда возвращенъ кн. Оболенскому, обѣ этомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется и никто изъ служащихъ въ банкѣ о немъ не знаетъ. Изъ показаній свидѣтелей видно, что по возбужденіи настоящаго дѣла, кн. Оболенскій чрезъ по-вѣренного своего и управляющаго его дѣлами склонялъ Шеньяна, привлеченаго уже въ качествѣ подсудимаго, принять на себя всю уголовную и гражданскую отвѣтственность за вкладные билеты, обѣщаю ему за это большія выгоды въ своихъ предпріятіяхъ и съ такого рода просьбою управляющій Вейденгаммеръ дѣйствительно обращался къ Шеньяну. Стародубскій и Софья Пергаментъ, занимавшіеся въ тульской конторѣ кн. Оболенскаго письмоводствомъ по сухарной операции, удостовѣрили, что кн. Оболенскій склонялъ Пергаментъ дать у судебнаго слѣдователя благопріятное для него, кн. Оболенскаго, но не согласное съ истиной, показаніе обѣ отношеніяхъ его къ Шеньяну по поводу вкладныхъ билетовъ. Въ числѣ письменныхъ доказательствъ имѣется письмо кн. Оболенскаго къ Шеньяну

отъ 26-го юля 1878 г., въ которомъ кн. Оболенскій, упрекая Шеньяна за переводъ денегъ въ Киевъ Иванову, вместо Тулы, пишетъ: „Въ Тулѣ, гдѣ нѣсколько сотъ тысячъ заложено въ банкахъ, гдѣ банки могутъ во всякое время поддержать насъ, болѣе чѣмъ важно поддержать кредитъ. Необходимо было на эти деньги, вслѣдствіе паники, происшедшей отъ извѣстныхъ вамъ статей, выкупить хотя немного билетовъ. Тула за всѣхъ отдувается и вы знаете, сколько уже на средства Тулы выкуплено билетовъ и въ нужное время доставлено денегъ, и кредитъ вашего банка важнѣе, чѣмъ безпокойство Иванова. Подумайте, что кредитомъ вашего банка въ Тулѣ должны болѣе всего дорожить вы». Содержаніе документовъ указываетъ также и на то, что Шеньянъ, Ландгвагенъ и Синебрюховъ были посвящены въ подробности операций кн. Оболенскаго и что требуя и получая билеты отъ Шеньяна, Ландгвагена и Сутугина, кн. Оболенскій въ сущности завѣдомо требовалъ и получалъ ихъ отъ банка, въ дѣлахъ котораго онъ самъ принималъ живѣйшее участіе.

На основаніи изложеннаго князь Оболенскій обвинялся въ томъ, что, войдя въ соглашеніе съ членами правленія кронштадтскаго коммерческаго банка въ періодъ времени съ 1876 по 1879 годъ, получилъ отъ нихъ вышеозначенные, завѣдомо для него, князя Оболенскаго, подложные вкладные билеты и употреблялъ ихъ для своихъ личныхъ выгодъ, сбывая ихъ частнымъ лицамъ и въ разныя кредитныя учрежденія.

На вопросъ о виновности въ этомъ, князь Оболенскій отвѣчалъ: „нѣть, не признаю и заявляю, что я былъ простымъ заемщикомъ банка“. Затѣмъ, прежде чѣмъ было приступлено къ провѣркѣ доказательствъ по этому отдельу, князь Оболенскій объяснилъ: «При начатіи разбора дѣла сух. операций считаю долгомъ заявить, что я на предварительномъ слѣдствіи еще въ прошеніи своемъ на имя суд. слѣд. указалъ, чтоope-

рації со вкладными билетами дѣлали всѣ банки и я просилъ допросить тѣхъ лицъ, кои выдавали подъ векселя въ другихъ банкахъ вкладные билеты, но мнѣ было отказано, и указано, что я обвиняюсь въ полученіи вкладныхъ билетовъ безъ валюты. Между тѣмъ обвиненіе называетъ подложными процентные вкладные билеты, полученные подъ векселя, то безъ оныхъ, такъ что до сихъ поръ мнѣ не ясно, въ чёмъ я обвиняюсь. Если полученіе вкладного билета подъ векселя есть преступленіе, то въ этомъ смыслѣ я не отрицаю этого факта никогда, т. е. никогда не считалъ это преступленіемъ и получалъ подъ вексела значительныя суммы вкладныхъ билетовъ. Такъ что мнѣ и объяснять нечего, а моимъ защитникамъ остается только выяснить юридическую сторону дѣла, а вамъ, гг. присяжные, обвинить меня, если на это есть законъ. Но если обвиненіе въ подлогѣ ставится въ зависимости отъ недостаточности будто выданныхъ мною векселей, то я буду давать объясненія, клонящіяся къ тому, чтобы доказать, что я никогда не получалъ вкладныхъ билетовъ безъ надлежащаго обезпеченія». Предс. Прощеніе ваше можетъ быть прочитано послѣ, во время судебнаго слѣдствія.

Судъ перешелъ къ допросу свидѣтелей.

И. Н. Герардъ показалъ, что Шеньянъ участвовалъ въ сухарной операциіи фирмы «Власовъ и К°.», въ которой Герардъ состоялъ агентомъ, получая по 3,000 руб. въ мѣсяцъ жалованья.

Шоринъ объяснилъ, что Шеньянъ посыпалъ его къ агенту князя Оболенскаго, Бируль, для реализаціи вкладныхъ билетовъ кронштадтскаго банка на 200,000 руб., прося быть осторожнымъ въ сношеніяхъ съ Бирулемъ. Прежде всего Шоринъ и Бируль поѣхали въ Витебскъ, но такъ какъ здѣсь ничего не могли подѣлать, то и отправились въ Смоленскъ, гдѣ и помѣстили на 80 тыс. въ мѣстномъ обществѣ взаимнаго

кредита. Это было осенью 1878 года. Въ Смоленскѣ Шоринъ познакомился съ иѣкою Пергаментъ, которая прїѣзжала отъ князя Оболенскаго для полученія изъ городскаго байка разницы между ссудою подъ вкладные билеты кронштадтскаго банка и номинальной ихъ стоимостью, что составляло около 2,000 р. Бируль говорилъ, что билеты должны быть реализованы за счетъ Шеньяна; денегъ за билеты въ Смоленскѣ не дали, а обѣщали выслать. Пергаментъ съ своей стороны жаловалась Шорину, что реализація билетовъ стоила болѣе 30 проц. Тѣ билеты, по которымъ Пергаментъ получила разницу, были оплачены кронштадтскимъ банкомъ.

Шеньянъ заявилъ, что Бируль агентомъ его не состоялъ и реализація дѣлалась за счетъ сухарной операциіи, «другими словами за счетъ князя Оболенскаго». Онъ увѣряетъ, что реализація черезъ Бирулю стоила не 30 проц., а 80 проц., въ подтвержденіе чего сослался на счетъ, находящійся въ дѣлѣ. Отправлена Шорина, подсудимый приказалъ ему отдать билеты Бируль въ случаѣ согласія на обмѣнъ старыхъ, а если при реализаціи получатся наличныя деньги, то произвести уплату по срочнымъ обязательствамъ. Съ Бирулей познакомилъ его князь Оболенскій.

Князь Оболенскій замѣтилъ, что Пергаментъ была конторщицей и ѿздила въ Смоленскъ отъ компаніи «князь Оболенскій и Шеньянъ». Даѣе онъ сказалъ: «когда я узналъ, что Бируль злоупотребилъ довѣріемъ, я отстранилъ его отъ дѣла и въ депешѣ къ Шеньяну прямо назвалъ его мошенникомъ. Послѣ этого, судите сами, могъ ли я имѣть его своимъ агентомъ? Онъ былъ агентомъ не моимъ, а Шереметьева, что видно изъ показанія послѣдняго».

Перевозчиковъ объяснилъ, что съ 1876 г. вплоть до закрытія служилъ артельщикомъ при кронштадтскомъ банкѣ. Случалось, что вслѣдствіе полу-

ченныхъ телеграммъ вкладные билеты выписывались въ 9 и 10 часовъ вечера. Въ такихъ случаяхъ собирали Ланге, Бреме и Емельянова, которые и выполняли работу въ кронштадтскомъ помещеніи банка. Съ января 1878 года Перевозчикова стали посыпать съ разными порученіями въ Петербургъ и ему однажды пришлось вручать князю Оболенскому вкладные билеты, но на какую сумму—не помнить. Получивъ расписку отъ князя, онъ передалъ ее Шеньяну, векселей же отъ князя Оболенского въ банкъ не привозилъ и онъ Перевозчикову ихъ не вручалъ. Когда Емельяновъ въ 1878 году былъ боленъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то вместо него вкладные билеты подписывались служащими Генигомъ, Веттеромъ и Гунстомъ.

Другой артельщикъ того же банка Колычковъ, служившій въ немъ съ 1872 года почти до закрытия (ушелъ за 8 мѣсяцевъ), удостовѣрилъ, что выписка вкладныхъ билетовъ происходила въ 10, 11 и даже 12 часовъ ночи; приходили на полчаса и болѣе; такихъ вечернихъ, экстренныхъ занятій сперва не было, а они начались приблизительно съ 1876 года. Возить билеты къ князю Оболенскому ему не приходилось.

Свидѣтъ Егоровъ показалъ, что въ типографію Петерсона явился посыльный отъ князя Оболенского съ заказомъ напечатать текстъ на вексельныхъ бланкахъ на сумму 300,000 или 500,000 руб. Когда работа была исполнена, Егоровъ отправился къ князю Оболенскому, который сначала отказывался принять ее и уже послѣ того какъ свидѣтель заявилъ, что не возьметъ обратно заготовленное, потому что текстъ напечатанъ нарочно и по личному приказу, князь Оболенскій принялъ бланки съ текстомъ и уплатилъ деньги за работу. Это было во всякомъ случаѣ раньше 1879 г.

Посыльный Хапаевъ подтвердилъ, что кн. Оболенскій при Шеньянѣ, который къ нему ѿздили, посыпалъ Хапаева за бланками въ типографію Петерсона.

Служившій у Шеньяна свидѣтъ. Сартори объяснилъ слѣдующее. Въ началѣ февраля 1878 г. Шеньянъ далъ ему порученіе съѣздить въ Тулу, въ контору князя Оболенского и узнать, гдѣ помѣщены вкладные билеты на 2.000,000 руб., списокъ нумеровъ которыхъ онъ отдалъ Сартори. Въ конторѣ, носившей фирму «Князь Оболенскій», ему сказали, что „случайно“ знаютъ о билетахъ, на сумму гораздо меньше чѣмъ на половину заявленной, а служащій Вейденгаммеръ замѣтилъ, что свѣдѣнія объ остальныхъ билетахъ Сартори можетъ получить отъ одного лишь князя Оболенского. Шеньянъ никогда не говорилъ, чтобы тульская контора принадлежала ему, равнымъ образомъ и служащіе въ ней передавали, что это „контора князя Оболенскаго“. Шеньяна свидѣтель знаетъ давно, онъ имѣлъ очень солидные долги, которыми было обременено и имѣніе, доставшееся ему послѣ смерти отца.

Князь Оболенскій высказалъ, что такъ какъ все сухарное дѣло было въ его рукахъ, то контору знали не иначе, какъ «контора князя Оболенскаго», но управляющій его имѣлъ довѣренность отъ него и Шеньяна, «всльдѣствіе чего контора была какъ его, такъ и моя. Странно было посыпать узнавать сколько гдѣ билетовъ, когда всякий разъ, получая билеты, я выдавалъ на нихъ квитанціи, сосчитавъ которыхъ легко было узнать сколько у меня находится билетовъ. Затѣмъ, я долженъ сказать, что показанія Хапаева и Егорова относятся къ моменту краха банка, когда оказалось, что мои векселя не прописаны и лежать въ видѣ бланковъ въ кронштадтскомъ банкѣ. Я тогда предложилъ выдать на такую же сумму векселей, но Шеньянъ требовалъ еще лишнихъ на 500,000 рублей и я отказался отъ выдачи. Когда принесли бланки, то Шеньянъ сказалъ: «дайте или все, или ничего»; я опять не согласился, сдѣлка не состоялась и принесенные бланки оказались ненужными, а такъ какъ

Егоровъ не соглашался взять ихъ обратно, то я и заплатилъ совершенно даромъ около 600 рублей».

Шенъянъ замѣтилъ, что, по сухарному дѣлу, контора именовалась «князь Оболенскій и Шенъянъ», и что Сартори онъ посыпалъ въ Тулу отъ имени кронштадтскаго банка. Порученіе давалось съ цѣлью провѣрки насколько вѣренъ списокъ банка относительно вкладныхъ билетовъ, и подсудимый полагалъ, что въ книгахъ князя Оболенскаго билеты должны быть въ подробности записаны, чего однако не оказалось.

Князь Оболенскій. Будучи компаніономъ Шенъяна, тульская контора каждый мѣсяцъ давала подробный отчетъ въ каждой копѣйкѣ, а потому Шенъянъ могъ точно знать о билетахъ, тѣмъ болѣе, что книги по всей сухарной операциіи первого подряда велись сперва въ Москвѣ у Трузе, а потомъ у Шенъяна въ Петербургѣ, гдѣ отсчитывались все наши конторы изъ Харькова, Тулы, Богородицка, Кіева и Одессы.

Сутугинъ. Князь Оболенскій говорить, что давалъ отчеты въ каждой копѣйкѣ по сухарной операциіи и билетамъ. Это не такъ. Сюда присыпались выписки изъ кассовыхъ отчетовъ, изъ которыхъ ничего нельзя было видѣть; здѣсь же никакихъ книгъ по этой операциіи не велось.

Князь Оболенскій заявилъ въ свою очередь, что это невѣрно.

Свид. Филимоновъ показалъ, что съ 1874 года и до закрытія онъ служилъ въ петербургскомъ отдѣленіи кронштадтскаго банка, исполняя различные порученія по приказанію Шенъяна, Синебрюхова и Суздалъцева, котораго считалъ за члена правленія банка и который бывалъ очень часто въ отдѣленіи. Свидѣтеля посыпали изъ Петербурга въ Москву, Тулу и Орелъ со вкладными билетами къ князю Оболенскому. Такія поѣздки случались отъ 3—6 разъ въ

мѣсяцъ и начались онъ, кажется, съ 1877 года. Билетовъ возилось на 20,000, на 50,000 и доходило даже до 100,000 рублей; они писались на предѣявителя. Кроме князя Оболенскаго, Филимоновъ возилъ билеты и къ нѣкоему Трузе. Обыкновенно въ обмѣнѣ билетовъ брали векселя, но случалось, что князь Оболенскій ихъ не давалъ и тогда съ его вѣдома свидѣтель посыпалъ въ Кронштадтъ телеграмму, спрашивая можно ли взять росписку. Иногда вместо Шенъяна депеша посыпалась Ландгвагену, такъ какъ Филимоновъ думалъ, что «возилъ билеты отъ кронштадтскаго банка». Въ случаѣ разрѣшенія, росписки отъ князя Оболенскаго брались, «кажется, на имя Шенъяна». Помимо этихъ поѣздокъ, свидѣтелю въ Петербургѣ случалось передавать князю Оболенскому вкладные билеты кронштадтскаго банка. Прочитана часть показанія Филимонова, даннаго имъ на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ говорить, что ему приходилось получать отъ князя Оболенскаго вексельные бланки безъ текста, съ одною лишь его подписью, и тогда свидѣтель считалъ общую сумму по цѣнѣ бланковъ. Предположеніе о томъ, что князь Оболенскій имѣлъ дѣло съ кронштадтскимъ банкомъ, свидѣтель выводить изъ того, что онъ и ему давалъ такія же порученія, какъ Шенъянъ и Ландгвагенъ. Изъ петербургскаго отдѣленія Филимоновъ ѻздила за вкладными билетами въ Кронштадтъ. Далѣе въ показаніи значится, что свидѣтель припоминаетъ случай, когда при немъ въ петербургскомъ отдѣленіи просушивались подписи на векселяхъ, но онъ не помнить, кѣмъ онъ писались: княземъ Оболенскимъ или другимъ лицомъ. Съ князя Оболенскаго брали такія росписки, какія было приказано взять, и въ числѣ ихъ попадались съ текстомъ «приняты вкладные листы подъ отчетъ».

Свидѣт. Шапиро показалъ слѣдующее: Нуждалась какъ-то въ деньгахъ, онъ обратился къ Шенъ-

яну съ просьбою достать 40,000 р. подъ акціи риго-тукумской желѣзной дороги, которая и передалъ тутъ же. Увидѣвшись спустя нѣкоторое время съ Шенъяномъ, Шапиро спросилъ о положеніи дѣла и получилъ отвѣтъ, что акціи переданы князю Оболенскому который и хлопочетъ достать подъ нихъ ссуду. Когда свидѣтель встрѣтился съ княземъ Оболенскимъ и по-любопытствовалъ узнать о ссудѣ, то князь заявилъ, что дѣло еще не устроено. Наконецъ, свидѣтель узнаетъ, что акціи его заложены въ тульскомъ банкѣ, но кѣмъ — неизвѣстно. Тогда онъ обращается къ князю Оболенскому, который на этотъ разъ сказалъ, что акціи Шапиро находятся въ его тульской конторѣ. Мѣсяца два спустя, Шапиро просилъ князя Оболенского возвратить акціи и тогда князь Оболенский заявилъ, что акціи риго-тукумской дороги заложены, а деньги высланы Шенъяну.

Вечернее засѣданіе 30 апрѣля было занято чтеніемъ телеграммъ и другихъ документовъ, по поводу которыхъ сдѣлано множество заявлений, какъ сторонами, такъ и обвиняемыми. Такъ, прис. повѣр. Бобрищевъ-Пушкинъ замѣтилъ, что защита князя Оболенского не представила расписки управляющаго Вейденгаммера въ полученіи денегъ Шенъяномъ. Князь Оболенскій возразилъ, что Шенъянъ получилъ подробный отчетъ, куда дѣвались деньги риго-тукумскихъ акцій. Это помѣщено въ отчетѣ, посланномъ ему въ январѣ или февралѣ 1879 года, и при дѣлѣ находится расписка Вейденгаммера въ полученіи этихъ акцій прямо отъ Шенъяна для залога въ банкѣ. Расписка предъявляется присяжнымъ засѣдателямъ. Шенъянъ съ своей стороны объяснилъ, что такой отчетъ онъ получилъ будучи уже подъ предварительнымъ арестомъ, это было простое общее кассовое движение за январь, а неудостовѣреніе обѣ уплатѣ Шапиро. Кромѣ риго-тукумскихъ акцій, князь Оболенскій къ тому вре-

мени взялъ на 300,000 руб. вкладныхъ билетовъ, переводъ же денегъ Шенъяну, какъ видно изъ документовъ, былъ лишь около 40,000 руб. за весь январь мѣсяцъ. Князь Оболенскій пояснилъ, что переводъ въ этомъ мѣсяцѣ былъ въ размѣрѣ не 40,000, а 150,000 рублей и что въ кассовомъ отчетѣ значится въ полученіи Вейденгаммеромъ риго-тукумскихъ акцій и вкладныхъ билетовъ, которые шли на обмѣнъ старыхъ и въ томъ же кассовомъ отчетѣ видно, что переведено ему до 150,000 руб., на что и имѣется документъ въ дѣлѣ, который точно также предъявлялся присяжныхъ засѣдателямъ.

Прочитана расписка Вейденгаммера со штемпелемъ конторы князя Оболенского въ Тулѣ, отъ 31 декабря 1878 года, которою удостовѣряется получение Вейденгаммеромъ отъ Шенъяна 50 временныхъ свидѣтельствъ риго-тукумской дороги для залога въ банкахъ. Далѣе въ журналѣ тульской конторы за мартъ 1879 года значится слѣдующее: числящіеся по счету процентныхъ бумагъ вкладные билеты кронштадтскаго банка, которымъ истекъ срокъ и которые «нужно полагать, возвращены банку, вслѣдствіе неполученія свѣдѣній, возвращены ли они банку, и если нѣтъ, то гдѣ находятся, — списываются со счета на сумму 910,000 рублей.

Присяж. повѣр. Жуковскій заявилъ, что во всякомъ случаѣ изъ показанія Шапиро не видно, чтобы онъ риго-тукумскія акціи давалъ князю Оболенскому на сухарныя операции.

Князь Оболенскій возразилъ, что онъ ихъ и не получалъ отъ Шапиро. Списано на 910,000 руб. потому, что «бухгалтеръ не имѣлъ никакого права заносить на мой счетъ неизвѣстно гдѣ находящіеся вкладные билеты, которые выдавались и помимо меня».

Свидѣт. Барановъ показалъ, что ему приходилось учитывать въ кронштадтскомъ банкѣ на 400.000

руб. векселей, подъ которые онъ взялъ вкладные билеты для представлениі залоговъ въ артиллерійское вѣдомство; билеты принимались въ залогъ рубль за рубль. Послѣ объявленія банка несостоительнымъ, Барановъ представилъ въ конкурсъ «на иѣкоторую сумму вкладныхъ билетовъ и получилъ обратно свои векселя». Сухарныя операциія князя Оболенскаго и Шеньяна скорѣе дали барышъ, чѣмъ убытокъ. Принятіе въ залогъ билетовъ Кронштадтскаго банка было разрѣшено министромъ финансовъ, который зналъ, что они будутъ взяты подъ векселя. Выдачи билетовъ подъ векселя практикуются во всѣхъ банкахъ, за исключениемъ «учетнаго и ссуднаго банка». Далѣе Барановъ пояснилъ, что онъ хотя туда и не обращался, ~~и во~~ всѣхъ другихъ банкахъ бралъ на сумму свыше 1,000,000 руб., и что эта операциія настолько вонила въ обычай, что не дѣлается въ видѣ исключенія. На вопросъ прис. п. о. в. Бѣлѣцкаго, дѣлается ли это послѣ краха Кронштадтскаго банка, Барановъ сказалъ. «безъ сомнѣнія» Онъ наконецъ добавилъ, что министръ финансовъ Рейтернъ, разрѣшивая крупныя ссуды,правлялся чьи векселя и разрѣшалъ ихъ по благонадежности.

Читается показаніе неявившагося свидѣтеля Вейденгаммера, въ которомъ онъ говоритъ, что для поддержанія кредита князя Оболенскаго онъ ставилъ свои бланки на векселяхъ послѣдняго, такъ какъ въ концѣ 1876 года у князя Оболенскаго кредита не было. Въ концѣ концовъ князь Оболенскій задолжалъ ему 18,000 руб. Пергаментъ и Стародубскій люди очень честные и хорошие; Пергаментъ служить теперь у свидѣтеля, получая на всемъ готовомъ по сто рублей въ мѣсяцъ, она хорошій бухгалтеръ. Изъ переписки между Шеньяномъ и Оболенскимъ, которую свидѣтель видѣлъ, служа въ тульской конторѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что Шеньянъ неохотно вы-

сыдалъ вкладные билеты, реализациєю коихъ, кроме князя Оболенскаго и свидѣтеля, занимались Маллеръ и Бируля; реализація послѣдняго обходилось до 80%, Свидѣтель уважалъ Шеньяна и больше слушать его, чѣмъ князя Оболенскаго Когда акціи риго-тукумской дороги были заложены въ тульской банкѣ, то послѣдній сносился съ правленіемъ риго-тукумской дороги, которое отвѣтило, что по акціямъ платить не будетъ и удивляется какъ онъ попали въ тульской банкѣ. Долгъ князя Оболенскаго Шеньяну «или Шеньяну и Кронштадтскому банку простирался до 3.000,000 рублей». Далѣе Вейденгаммеръ въ своемъ показаніи подтверждаетъ все то, что по отношенію къ нему изложено въ обвинительномъ актѣ.

Князь Оболенскій. Вейденгаммеръ, Стародубскій и Пергаментъ это — жиды, которыхъ я за шантажъ выгналъ изъ тульской конторы и чрезъ полицію только получилъ свои книги. Я на ихъ показанія отвѣтчать не желаю и не буду, скажу только, что Вейденгаммеръ, служа у меня и получая по 100 рублей въ мѣсяцъ, а во время сухарной операциіи по 500 рублей, имѣеть теперь домъ въ Москвѣ и предъявилъ ко мнѣ искъ въ суммѣ 180,000 рублей, а я сдѣлался несостоительнымъ.

Прис. повѣр. Борищевъ-Пушкинъ. Я прошу обратить вниманіе на то, что въ началѣ показанія Вейденгаммера значится, что онъ православнаго вѣроисповѣданія, русскій дворянинъ и живетъ въ Москвѣ.

Въ засѣданіи 1-го мая читались показанія неявившихся свидѣтелей, въ которыхъ значится: бывшій поѣзренный князя Оболенскаго докторъ медицины Штернъ, при поступленіи своемъ былъ предупрежденъ княземъ не спрашивать о его матеръяльномъ состояніи и не подписывать за него никакихъ обязательствъ. Впослѣдствіи Штернъ долженъ былъ отказаться, «потому что князь черезчуръ откровенничалъ со мною. У ме-

ня въ рукахъ была интересная переписка князя Оболенского, но къ несчастію она потерялась". Князь Оболенский получилъ отъ Шеньяна болѣе чѣмъ на 100,000 руб. вкладныхъ билетовъ, но принятыхъ на себя обязательствъ не исполнилъ. Чернаковъ служилъ артельщикомъ при кронштадтскомъ банкѣ,ѣздилъ въ Тулу къ князю Оболенскому для передачи вкладныхъ билетовъ, а однажды возилъ наличными деньгами 50,000 р. Ялтинскій купецъ Фарбштейнъ пріобрѣлъ отъ Оболенского за 20,000 руб. два вкладныхъ билета и попросилъ на оборотѣ ихъ поставить свой бланкъ, такъ какъ „я ему вѣрилъ бо кронштадтскому банку". Князь говорилъ, что положилъ въ означенный банкъ около миллиона рублей. Когда банкъ лопнулъ, князь Оболенский хотѣлъ выкупить билеты не за наличные деньги, а подъ векселя съ обезпеченіемъ дачею въ Крыму, но сдѣлка эта не состоялась.

Потомственный дворянинъ Стародубскій въ прочтенномъ показаніи говоритъ, что, служа у князя Оболенского, ему неоднократно приходилось видѣть въ такомъ большомъ количествѣ вкладные билеты кронштадтского банка, что онъ не могъ не догадаться, что они фиктивны и князь не скрывалъ полученія ихъ подъ векселя. Не получивши 200 руб. за свой бухгалтерскій трудъ при тульской конторѣ, Стародубскій написалъ князю Оболенскому нѣсколько рѣзкихъ писемъ, въ которыхъ высказалъ, что имѣлъ возможность безслѣдно пріобрѣсти на службѣ у него до 40,000 руб. Въ ответѣ своемъ князь Оболенский высказалъ, что напрасно Стародубскій этого не сдѣлалъ. При первомъ сударномъ подрядѣ свидѣтель открылъ счетъ кронштадтскому банку по его вкладнымъ билетамъ, не зная откуда и на какихъ условіяхъ они поступаютъ, но въ послѣдствіи князь Оболенскій приказалъ закрыть этотъ счетъ и перевести его на имя Шеньяна. По контор-

скимъ книгамъ вкладныхъ билетовъ прошло болѣе чѣмъ на 2.503,000 руб. и реализациєю которыхъ преимущественно занимался князь Оболенский, а частью и его агенты Миллеръ и Бируля, разъѣзжавшіе по разнымъ городамъ. Подрядомъ занимался одинъ князь Оболенский, Шеньянъ же почти всегда жилъ въ Петербургѣ. При Стародубскомъ Шеньянъ и Сутугинъ требовали отъ князя векселей на 800,000 руб. впредь до возвращенія вкладныхъ билетовъ, на что князь сперва согласился, но на этотъ разъ не было вексельной бумаги, но затѣмъ впослѣдствіи онъ, убѣдясь, что наше долю приходится много лишнихъ платежей, отказалъ въ векселяхъ. Относительно уговора Шеньяна принять все на себя, который дѣлался черезъ Вейденгаммера, и предложенія Пергамента приводились уже въ обвинительномъ актѣ. Далѣе свидѣтель устанавливаетъ тотъ фактъ, что когда банкъ лопнулъ, то князь Оболенский дѣятельно принялъся за выкупъ билетовъ, представляя ихъ въ конкурсъ, прося возвратить ему его векселя, но конкурсъ отказалъ въ этомъ. Опасаясь сойти съ ума, князь просилъ не оставлять его одного, иначе онъ можетъ лишить себя жизни.

Подс. Сутугинъ заявилъ, что когда въ «Новомъ Времени» появилась статья о чудесномъ похожденіи вкладныхъ билетовъ кронштадтскаго банка, произведшая сильное впечатлѣніе, онъ составилъ систематическую выписку, и оказалось, что ихъ за кн. Оболенскимъ числилось на полтора миллиона. По пріѣздѣ въ Петербургъ, князь на эту выписку замѣтилъ: „этого не можетъ быть, я сейчасъ по пальцамъ пересчитаю, за мной какихъ-нибудь 500,000 р.“. Не довольствуясь этимъ, Сутугинъ вновь провѣренную выписку послалъ въ тульскую контору, но въ трехъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ оттуда, многое не было указано. По возвращеніи изъ Бухареста, подсудимый убѣдился, что князь Оболенскій получилъ еще на 1.600,000 р. вкладныхъ

билетовъ, такъ что общая ихъ сумма равнялась 2.545,000 руб., за исключениемъ возвращенныхъ.

Князь Оболенскій высказалъ, что всѣ расчеты по сухарнымъ операциямъ были сосредоточены сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, что онъ самъ не получилъ по нимъ окончательного расчета и вотъ въ этомъ-то и заключается затрудненіе. «Я виноватъ кругомъ, что не контролировалъ конторы,— продолжаетъ князь,— но я долженъ указать на то, что завѣдывалъ производствомъ сухарей и въ Киевѣ, и въ Харьковѣ, въ Одессѣ и въ Богородицкѣ, мои агенты были всюду и я платилъ, какъ наприм., Герарду по 3,000 р. въ мѣсяцъ, вслѣдствіе чего могъ надѣяться, что эти люди поведутъ дѣло какъ слѣдуетъ, между тѣмъ они этого не сдѣлали. Отчетъ до сихъ поръ мною отъ Шенъяна не полученъ окончательный».

Подс. Сутугинъ замѣтилъ, что дѣло было не такъ, какъ говорить кн. Оболенскій, а что книги по сухарной операции велись въ Тулѣ, въ Москвѣ же велись только по первому сухарному подряду.

Князь Оболенскій возразилъ, что говорилъ о первой операции, по которой не получилъ отчета и по которой векселей его банку значилось на 1.500,000 р., а денегъ отъ интендантства получено 2.500,000 руб., поэтому онъ, не получая отчета въ 4.000,000 руб., и отказался выдать еще векселей банку. Къ этому онъ добавилъ, что въ случаѣ крушенія банка вся ответственность падала на него, такъ какъ вкладные билеты закладывались отъ его имени, на всѣхъ обязательствахъ онъставилъ свою подпись и долженъ былъ лично выкупить билеты. Что касается до требованія, о которомъ заявлялъ Сутугинъ, то князь Оболенскій, не получивъ самъ окончательного отчета, „изъ-за принципа“ не выдалъ векселей. «На мнѣ лежала вся ликвидация сухарного дѣла по всѣмъ мѣстамъ, и я это перенесъ на себѣ», сказалъ князь Оболенскій.

Подс. Шенъянъ объяснилъ, что князь Оболенскій бывалъ въ Москвѣ чуть не каждую недѣлю, ему все было известно и никто не препятствовалъ потребовать отчетъ по первой сухарной операции. Что касается второй операции, то если бы князь хотѣлъ знать истину, то онъ обязанъ былъ нанять бухгалтера, для этого у него средствъ хватило бы; но онъ этого не сдѣлалъ. Окончательной цифры вкладныхъ билетовъ Шенъянъ назвать не могъ, но по свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ банкѣ, она составляла болѣе миллиона рублей и, наконецъ, что онъ просилъ князя Оболенскаго «выдать векселей настолько, насколько намъ слѣдуетъ, но онъ отказалъ».

Кн. Оболенскій поставилъ на видъ, что разсчетъ его съ Шенъяномъ былъ запутанъ, такъ какъ въ книгу банка не вписывались всѣ переводы.

На это Шенъянъ отвѣчалъ, что записи не играютъ никакой роли, такъ какъ онъ суммы, полученныхъ отъ князя за счетъ его, подсудимаго, или за счетъ банка, не отрицаетъ, всѣ онъ есть въ дѣлѣ. «Можетъ быть я глупо, наивно велъ дѣло, говорить Шенъянъ, но уже не настолько, чтобы пріидти къ кн. Оболенскому и ни съ того ни съ сего просить выдать векселей на 500,000 или даже на 1.000,000 рублей. Если бы я съ такою просьбой обратился къ Ротшильду, то и тотъ не далъ бы, вѣдь это право смѣшно. Я обращался съ требованіемъ только того, что слѣдуетъ».

Кн. Оболенскій. Я желалъ бы знать: помимо векселей, какъ г. Шенъянъ полагаетъ — я ему или онъ мнѣ долженъ?

Шенъянъ отвѣчалъ, что если бы князь Оболенскій вернулъ всѣ билеты и векселя, то очень можетъ быть, что за нимъ и за банкомъ осталось бы сто или полтораста тысячъ. „Я этого не отрицаю“.

Князь Оболенский. Я это и доказываю, что я вернул вамъ всѣ билеты, они лежать здѣсь на столѣ вещественныхъ доказательствъ и вы мнѣ должны деньги, а не я вамъ и кронштадтскому банку. Затѣмъ, какъ я могъ знать цифру слѣдующихъ съ меня векселей, когда вы ея не знаете?

Подсуд. Ландгвагенъ съ своей стороны заявилъ, что кронштадтскій банкъ выдавалъ вкладные билеты кн. Оболенскому и Шеньяну вмѣстѣ, что въ банкѣ находилось на 2.500,000 руб. бланковъ и векселей князя, затѣмъ на остальные полтора мил. руб. Ландгвагенъ требовалъ также обеспеченіе векселями; князь обѣщалъ выдать лишь на 500,000 руб., но бывшій при этомъ Шеньянъ сказалъ князю: «наши личные расчеты впереди, а теперь мы съ банкомъ должны покончить. По этому «давайте векселя или на всю сумму, или ничего». На первое князь не согласился.

Шеньянъ. Считаю необходимымъ сказать слѣдующее. По закрытии банка, ко мнѣ являлись Стародубской и Вейденгаммеръ и просили отъ имснъ князя Оболенского взять на себя уголовную и гражданскую отвѣтственность. Одно уже это доказываетъ, что князь Оболенский сознавалъ, что у него векселей было не достаточно, иначе какую гражданскую отвѣтственность я долженъ быть взять на себя? Я отвѣтилъ Стародубскому и Вейденгаммеру, что меня удивляетъ вообще, что они взялись исполнить такое порученіе, и сказалъ имъ, и теперь повторяю это, что ужъ если отвѣтчать передъ судомъ, то пусть каждый изъ насъ съ кн. Оболенскимъ отвѣтить за свои дѣйствія. Можетъ быть съ моей стороны не было практически не взять съ кн. Оболенского векселей на 500,000 руб., но я стоялъ на принципѣ: или все, или ничего. Кончилось тѣмъ, что я проводилъ тогда князя на станцію желѣзной дороги и онъ, разставаясь, сказалъ: „я вамъ вышлю векселя“.

Кн. Оболенскій. Меня крайне удивляетъ и я глубоко возмущенъ, что это говорить именно г. Шеньянъ. Миѣ не зачѣмъ было посыпать Стародубскаго и Вейденгаммера, я ежедневно видѣлся съ Шеньяномъ и обѣ уголовной отвѣтственности не могло быть рѣчи, такъ какъ я къ ней привлечены былъ $2\frac{1}{2}$ года спустя послѣ краха Кронштадтскаго банка, а гражданской отвѣтственности я не избѣгъ бы, такъ какъ за бланки мнѣ отвѣтчать пришлось бы во всякомъ случаѣ.

Дальнѣйшія препирательства были прекращены г. предсѣдателемъ, такъ какъ они окончательно приняли характеръ обличительныхъ преній.

Подсуд. Синебрюховъ заявилъ, что до 1879 года онъ не зналъ, что за кн. Оболенскимъ числится вкладныхъ билетовъ на 2.500,000 руб. «Я слышалъ только, что одни говорили на 700,000 руб., другіе, что около миллиона рублей».

Читается показаніе Софии Пергаментъ. Она говоритъ, что вкладныхъ билетовъ Кронштадтскаго банка было проведено по книгамъ Тульской конторы лишь на 600,000 руб. Пріѣзжаетъ Сартори и проситъ проверить привезенный имъ списокъ билетовъ. Такъ какъ большаго количества ихъ записано не было, то Пергаментъ обратилась за свѣдѣніями къ князю Оболенскому, который сказалъ ей, что это его личное дѣло и что онъ своимъ служащимъ не намѣренъ давать отчетъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Бѣдила для реализаціи билетовъ въ Смоленскъ подъ векселя князя «между прочимъ и съ моимъ бланкомъ». Получила 35,000 руб. за 50,000 номинальныхъ. Бѣдила и въ другіе города для той же цѣли. Знаетъ, что кн. Оболенскій не выдалъ векселей Шеньяну по совѣту Ергина и Шереметева изъ опасенія подпасть подъ отвѣтственность, «хотя Кронштадтскій банкъ въ то время закрытъ официально еще не былъ». Читая статью о чудесномъ похожденіи вкладныхъ билетовъ,

князь Оболенский смеялся и говорилъ, что банкъ продержится, такъ какъ директора его — богатые люди. Энергически дѣйствовалъ князь только тогда, когда самъ нуждался въ деньгахъ. Считала князя Оболенского за вполнѣ честнаго человѣка, но вслѣдствіи измѣнила о немъ свое мнѣніе въ виду его отношений какъ къ своимъ служащимъ, такъ и товарищамъ. При Шенъянѣ кн. Оболенскому отзывался о немъ хорошо, а когда Шенъяна арестовали, то отзывался о немъ очень худо. Обѣ уговорѣ дать несогласное съ истиной показаніе въ пользу князя Оболенского Пергаментъ не говоритъ.

Помощ. прис. пов. Берлинъ (замѣнившій временно прис. повѣр. кн. Урусова, отлучившагося въ провинцію для защиты двухъ другихъ уголовныхъ дѣлъ). Я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить особое внимание на тонъ показаній Вейденгаммера, Стародубскаго и Пергаментъ.

Судъ перешелъ къ допросу свидѣтелей защиты. Хрущовъ знаетъ князя Оболенского со временемъ студенчества. Онъ настолько довѣрчивъ, что никогда не ревизовалъ своихъ повѣренныхъ, отчетность которыхъ, въ особенности веденіе книгъ, была ниже всякой критики. Вейденгаммеръ, Стародубскій и Пергаментъ не хотѣли сдавать конторскихъ книгъ и требовали за нихъ денежнное вознагражденіе съ князя. Имѣя полную довѣренность, Вейденгаммеръ безъ вѣдома и согласія князя продалъ четыре принадлежащіе ему дома въ Тулѣ и денегъ, вырученныхъ отъ продажи, не отдалъ.

Тульскій губернскій предводитель дворянства Свѣчинъ показалъ, что у кн. Оболенского и его жены были большія и доходныя имѣнія, но ему неизвестно, находились ли они въ залогѣ или нѣтъ. Послѣ сухарныхъ подрядовъ состояніе князя окончательно пошатнулось, вслѣдствіе его неопытности и неумѣніи вести

дѣло. По инициативѣ свидѣтеля, «въ видѣ нравственной поддержки человѣка, случайно попавшаго въ бѣду», было составлено письмо, подъ которымъ подписалось много мѣстныхъ дворянъ. Вейденгаммеръ поступилъ къ кн. Оболенскому, не имѣя рѣшительно ничего. Въ Тулѣ у князя былъ всего одинъ домъ.

Переспрощенный Хрущовъ пояснилъ, что, говоря о трехъ домахъ, онъ разумѣлъ флигеля большого дома.

Свид. Свѣчинъ добавилъ, что это былъ одинъ большой дворъ и что домъ князя купленъ съ аукціона какимъ-то барономъ *).

Письмо, о которомъ передаетъ Свѣчинъ, слѣдующаго содержанія: «М. г., князь Дмитрій Дмитріевичъ. Собравшись по случаю выборовъ тульскаго дворянства на предстоящее трехлѣтіе, мы были глубоко огорчены вашимъ отсутствіемъ. Извѣстіе о постигшемъ васъ несчастіи не могло не вызвать въ насъ искреннаго сочувствія къ вамъ. Двѣнадцатилѣтняя дѣятельность ваша, какъ предводителя дворянства въ уѣздахъ Ефремовскомъ и Епифанскомъ, давно ознакомила насть съ безупречной честностью вашео въ дѣлахъ общественныхъ и всегдашнею готовностью вашео на всякое доброе и полезное дѣло. Внѣшнія обстоятельства могли сложиться случайно неблагопріятно, но мы пребываемъувѣрены въ томъ, что намѣренно вы не могли принять участіе въ какомъ либо недостойномъ поступкѣ. Увѣренность эта заставляетъ насъ обратиться къ вамъ съ выражениемъ нашего неизмѣнаго къ вамъ довѣрія и уваженія. Да поможетъ вамъ Богъ вселить тѣ же убѣжденія въ вашихъ судьяхъ. 15 декабря 1882 г.».

*) Домъ кн. Оболенского въ Тулѣ стоялъ на огромномъ дворѣ, на которомъ было выстроено очень большой барской жилой домъ и, кроме него, построено несколько сундуковъ, амбаровъ для рабочихъ и 6 флигелей, изъ пихъ 4 отдельно лежащіе вдоль Воронежской улицы подъ названіемъ „Чистяковскихъ“ были проданы Вейденгаммеромъ одному изъ бывшихъ приказчиковъ князя Оболенского.

Слѣдуетъ 109 подписей, въ томъ числѣ Свѣчина и 8 уѣздныхъ предводителей.

Прис. повѣр. Потѣхинъ. Позвольте вѣсль спросить, какъ собирались подписи?

Свѣчинъ. Я на этотъ вопросъ не считаю нужнымъ отвѣтить... Это крайне неудобно доказывать здѣсь, какимъ образомъ собирались подписи. Я какъ губернскій предводитель дворянства подписался первымъ и я не обязанъ вамъ здѣсь доказывать, какія полномочія мнѣ были даны дворянствомъ.

Предсѣдатель. Господинъ гражданскій истецъ, я не могу допустить вопросовъ, клонящихся къ представленію объясненій по должности губернскаго предводителя дворянства, въ виду того, что вопросы эти касаются служебной дѣятельности г. Свѣчина.

Присяж. повѣр. Потѣхинъ. Тутъ есть подпись Петра Федоровича Самарина?

Свѣчинъ. Онъ прислалъ отдѣльное письмо.

Прис. повѣр. Потѣхинъ. А вы, свидѣтель, покупали мебель, когда продавалась она у кн. Оболенскаго?

Предсѣдатель вновь останавливаетъ пр. пов. Потѣхина, который проситъ обо всемъ этомъ занести въ протоколъ судебнаго засѣданія.

Присяж. повѣр. Языковъ представилъ и просилъ прочесть письмо г. Самарина. Оно слѣдующаго содержанія: «Любезнѣйшій князь Дмитрій Дмитріевичъ. Мнѣ сказали, что вамъ пріятно было бы получить отъ меня выраженіе сочувствія и готовность помочь вамъ по мѣрѣ силъ въ настоящія минуты тяжелаго нравственнаго испытанія, чрезъ которое вы проходите. Вотъ почему и позволяю себѣ написать вамъ эти строки. Вы, конечно, постараитесь выяснить передъ судомъ вашу нравственную личность и для этого, мнѣ кажется, полезно было бы довести до свѣдѣнія судей о

вашей благородной и энергической дѣятельности въ должности епифановскаго уѣзднаго предводителя дворянства, въ особенности по преслѣдованію злоупотребленій по дѣламъ дворянской опеки. Вы помните, что я былъ помощникомъ вашимъ по одному изъ такихъ дѣлъ, которое вы возбудили и довели до конца, не смущаясь сословно-пристранными нападками многихъ вліятельныхъ лицъ въ уѣздахъ. Если бы вамъ нужно было въ этомъ отношеніи мое свидѣтельство словесное или письменное передъ судомъ, то можете разсчитывать. По нашей старой дружбѣ, я часто думаю о васъ, и меня болѣе всего страшитъ то, что вамъ предстоитъ оправдываться передъ общественнымъ судомъ въ такихъ дѣяніяхъ, которыя само общество допускало, терпѣло и отчасти поощряло, и посредствомъ которыхъ нагнало на него подавляющій страхъ. Дай Богъ вашимъ судьямъ освободиться отъ этого страха, затемняющаго ясность пониманія и могущаго даже заглушить голосъ совѣсти, и да не впадутъ они въ тяжелую ошибку—покарать за грѣхъ общества случайнаго и, думается мнѣ, невольнаго участника. Таково, вѣрьте, мое искреннее желаніе. Повторяю еще разъ, если вамъ нужно какое нибудь свидѣтельствованіе о вашей дѣятельности въ нашемъ уѣзде въ качествѣ предводителя дворянства, которая мнѣ была коротко извѣстна, то прошу ради нашей старой дружбы имѣть меня въ виду. Вы, надѣюсь, понимаете, любезнѣйшій князь, почему я предпочелъ написать вамъ эти строки искреннія, которая готовъ подтвердить на судѣ, а не приложилъ свою подпись къ письму, которое нѣкоторые изъ вашихъ пріятелей распространяли въ залѣ собранія и которое по прочтеніи показалось мнѣ несоответствующимъ моимъ личнымъ отношеніямъ къ вамъ. Отъ старой дружбы остаются нѣкоторыя права и обязанности, которая ни вы, ни я, конечно, отвергать не будемъ». Подпись.

Прис. пов. Стакурский, бывший повъренный князя Оболенского, сталъ было разъяснять юридическую сторону его отношений къ Кронштадтскому банку, но былъ остановленъ предсѣдателемъ, такъ какъ касался вопросовъ, не идущихъ къ дѣлу. Сущность возраженій князя противъ иска конкурса по дѣламъ банка состояла въ томъ, чтобы отъ него были приняты въ погашеніе векселей вкладные билеты, которыхъ онъ тогда же представилъ на 1.460,000 руб. Конкурсное управление соглашалось было принять всѣ билеты и возвратить векселя, но потомъ сдѣлка эта не состоялась. Конкурсное управление при веденіи исковъ никогда никакого заявленія о подложности билетовъ не дѣлало. Князь Оболенский признавалъ для себя обязательными и тѣ бланки, которые оказались безъ текста, съ одною лишь его подписью и, кромѣ того, онъ представлялъ доказательства уплаты 775,000 руб., сдѣланной Кронштадтскому банку чрезъ посредство Шеньяна. По мнѣнію Стакурскаго, реализацію вкладныхъ билетовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ князь дѣлалъ изъ любезности но не въ тѣхъ случаяхъ, когда ставилъ свои бланки. Залогъ билетовъ „кажется“ производился по просьбѣ Шеньяна, которому и присыпалась часть денегъ, другая же часть прямо въ Кронштадтскій банкъ. Мировая не состоялась потому, что Бѣлецкій и Потѣхинъ, сверхъ возвращенія вкладныхъ билетовъ требовали еще 30,000 руб. наличныхъ, въ чемъ имъ было отказано и тогда они стали требовать о признаніи князя Оболенского должникомъ несостоятельнымъ. Такимъ образомъ, если бы князь Оболенский уплатилъ 30,000 руб. гражданскихъ истцовъ, доказывающихъ подложность вкладныхъ билетовъ, здѣсь бы въ лицѣ прис. повѣр. Бѣлецкаго не было.

Свид. Заринъ, производившій нѣкоторыя постройки для производства сухарей, показалъ, что

князь Оболенскій человѣкъ не хозяйственный, по заводамъ его было много злоупотребленій, «наживались управляющіе, всѣ служащіе, только лѣнивый не бралъ». Вейденгаммеръ поступилъ очень бѣднымъ, теперь же имѣеть домъ въ Москвѣ, стоющій 800,000 р., который однако записалъ на имя жены: мало того, «онъ укралъ у князя Оболенского на 180,000 р. векселей, дававшихся ему для учета».

Засѣданіе закрыто до слѣдующаго дня и свидѣтель оставленъ на ночь въ зданіи суда по требованію прис. повѣр. Бѣлецкаго.

Допросъ свидѣтеля Зарина продолжался и 2 мая. Къ прежнему онъ добавилъ: До сухарныхъ подрядовъ князь Оболенскій былъ очень богатый человѣкъ; онъ имѣль въ Епифановскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, имѣніе Шаховское, въ 6,000 десят., съ запашкою по 2,000 десят. въ полѣ, приносившее, по моему мнѣнію, до 100 т. руб. дохода въ годъ. Въ томъ же имѣніи существуютъ каменно-угольныя шахты, которая года два или три тому назадъ, когда князь Оболенскій уже разорился, были сданы одной шведской компаніи въ аренду, за плату 15,000 рублей въ годъ. Кромѣ того, князь Оболенскій женатъ на Вырубовой — дѣвицѣ изъ весьма аристократического и весьма богатаго семейства, за которой было дано въ приданое около 500 тыс. руб. Какъ велики были долги князя Оболенского до сухарныхъ подрядовъ, мнѣ неизвѣстно, но кредитъ князя въ Тулѣ и Орлѣ былъ многомиллионный, безграничный. — Въ настоящее время у князя нѣть ничего; онъ сдѣлалъ неудачную операцию, размѣнявъ все свое имущество, всѣ свои и женины деньги на прекрасныя цѣнныя бумаги — вкладные билеты Кронштадтскаго банка, которыхъ находится у князя на 11½ или два миллиона рублей. Къ исполненію сухарныхъ подрядовъ, принятыхъ на себя княземъ Оболенскимъ, я стоялъ близко, потому что устраивалъ на

его сухарныхъ заводахъ приспособленія моего зернового хлѣбопеченія, наблюдалъ за производствомъ этого хлѣбопеченія и устроилъ сухарную сушилку моей системы. Подряды въ смыслѣ ихъ исполненія передъ интендантствомъ исполнялись княземъ Оболенскимъ въ высокой степени добросовѣстно, такъ что изъ сухарей его не было забраковано ни одного золотника.

Первый сухарный подрядъ прошелъ съ большимъ убыткомъ, потому что нужно было затратить громадные капиталы на устройство хлѣбопекарень и сухарныхъ сушилокъ, при устройствѣ всего этого въ самое короткое время. Второй же подрядъ долженъ быть дать хороший барышъ, но князь Оболенскій, — человѣкъ вовсе не хозяйственный и не дѣловой. Князя обворовывали его служащіе: при закупкахъ всевозможныхъ припасовъ и материаловъ, при наймѣ рабочихъ и провозахъ, при учетѣ вкладныхъ билетовъ, при постройкахъ, — словомъ всюду и вездѣ. Главнымъ управляющимъ всѣми дѣлами князя былъ Вейденгаммеръ, которому онъ довѣрялъ безусловно. Князь Оболенскій человѣкъ честный. Но едва ли мое личное мнѣніе можетъ имѣть какое либо значеніе, послѣ того сочувственнаго адреса, которымъ почтило князя все дворянство Тульской губерніи, лучшіе русскіе люди, какъ напримѣръ, гг. Самаринъ, кн. Черкасскій, — известный дѣятель по крестьянскому вопросу и въ послѣднюю войну — въ Болгаріи, и наша знаменитость генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ — были личными друзьями князя и состояли съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ; генералъ Скобелевъ былъ съ княземъ на «ты». Вейденгаммера я узналъ впервые въ маѣ, или іюнѣ 1877 года. Онъ былъ человѣкъ совершенно бѣдный, а теперь онъ имѣетъ громадный четырехъ этажный домъ въ Москвѣ, на углу Бронной и Тверскаго бульвара, стоящій, по моему мнѣнію, до 800 тысячъ, но записанный на имя его

жены, которая имѣла столько же, какъ и ей мужъ, т. е. ровно ничего. Когда я узналъ Вейденгаммера, то я не давалъ ему моей руки и прямо въ глаза въ присутствіи князя называлъ его «воромъ». — Впослѣдствіи я узналъ, что Вейденгаммеромъ представлены въ конкурсъ князя Оболенскаго для взысканія съ послѣднаго векселя на сумму до 200 тыс. руб. — Такъ какъ князь Оболенскій, — я знаю это доподлинно, — никогда не кредитовался у Вейденгаммера даже 20 коп., да и самъ Вейденгаммеръ ничего не имѣлъ, то я утверждаю, что эти векселя тоже украдены Вейденгаммеромъ у князя Оболенскаго, или изъ числа тѣхъ, которые были ему ввѣрены для учета, или просто вновь написаны на вексельныхъ бланкахъ князя, выдаваемыхъ и довѣряемыхъ послѣднимъ Вейденгаммеру. Софія Пергаментъ, конторщица князя Оболенскаго, — была и осталась постояннымъ и неразрывнымъ сподвижникомъ Вейденгаммера. Бухгалтеръ Стародубскій былъ человѣкъ «угловатый, но честный. Поздней осенью, или въ началѣ зимы, по окончаніи второго сухарного подряда, я пріѣзжалъ въ Тулу и слышалъ отъ человѣка князя, Егора, что Вейденгаммеръ и Пергаментъ два дня жгли разные документы и бумаги конторы князя Оболенскаго. Впослѣдствіи тоже самое я слыхалъ отъ Хрущева, съ добавленіемъ, что всѣ книги князя передѣланы заново и что многихъ документовъ совсѣмъ нетъ».

Тов. прокур. Саблинъ. Какие факты вы имѣете въ рукахъ, кроме вашихъ соображеній, что Вейденгаммеръ укралъ векселя у князя Оболенскаго?

Заринъ. Какія тутъ соображенія, когда онъ при поступлениі ничего не имѣлъ, а теперь у него домъ въ 800,000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сташилъ. Положимъ, что домъ записанъ на имя жены, но вѣдь это все равно.

Вопр. Онь занимался реализацией билетовъ?

О т в. И учитывалъ векселя князя Оболенского, ставя на нихъ свои бланки, для чего и былъ записанъ купцомъ.

В о п р. Какъ же это такъ ничего не имѣть, аставить бланки?

О т в. Да это всегда дѣлается, потому что для учета векселя нужно имѣть другой бланкъ.

В о п р. Слѣдовательно это были такъ называемые дружеские векселя?

О т в. Да, «дружеские»: ничего не имѣя онъ ничѣмъ не рисковалъ.

Въ числѣ прочитанныхъ документовъ находятся двѣ расписки князя Оболенского въ принятіи имъ отъ кронштадтскаго банка вкладныхъ билетовъ или «для кронштадтскаго банка», безъ указанія фамиліи Шеньяна.

Князь Оболенскій заявилъ, что, получая вкладные билеты въ Тулѣ или Москвѣ и даже въ Петербургѣ, онъ всегда выдавалъ расписки отдельно отъ векселей, которые имѣли уже посланы Шеньяну.

Далѣе читалась масса телеграммъ князя Оболенского къ Шеньяну съ просьбою о высылкѣ «зеленыхъ», «морскихъ» и «красныхъ». На вопросы предсѣдательствующаго, онъ пояснилъ, что «зеленыхъ» — это было условное название и означало вкладные билеты кронштадтскаго банка, красныхъ — орловскаго банка, морскихъ — тоже кронштадтскаго. Эти требованія о высылкѣ сопровождались выраженіями «дѣйствуйте», «не унывайте», «высыпайте ради Бога скопрѣ». Съ подобными требованиями къ Шеньяну обращались помимо князя Оболенского и Бируля и Шереметьевъ. Телеграфируетъ и Пергаментъ, предупреждая Шеньяна не давать билетовъ Бируль, такъ какъ они нужны ему лично, причемъ выражается такъ: «онъ (т. е. Бируль) запутаетъ насъ окончательно».

Такое безпрерывное требование о высылкѣ князь Оболенскій объяснялъ тѣмъ, что онъ старался

употребить всѣ свои усилия для того, чтобы спасти кронштадтскій банкъ отъ краха и требовалъ новыхъ билетовъ для обмѣна тѣхъ, срокъ которымъ уже вышелъ. Онъ обращаетъ вниманіе суда на то, что въ телеграммахъ Шеньяна послѣдній только два раза обращался къ нему съ просьбою о высылкѣ векселей. Выраженія «зеленыхъ» и другія употреблялись для сокращенія депешъ и еще потому, что Шеньянъ просилъ дѣлать это безъ огласки, а депеши въ провинціи часто читаются, что и могло подать поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ.

П р и с. п о в ъ р. Бѣлецкій обращаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на то, что князь Оболенскій обѣщаетъ въ одной депешѣ дѣлать реализацію безъ огласки. Стало быть онъ предполагалъ, что это несовсѣмъ законно.

На это князь Оболенскій отвѣчалъ, что статья 46 устава кронштадтскаго банка обязываетъ къ тому директора «и я не вправѣ былъ не исполнить это, разъ я имѣлъ Шеньяна своимъ компаніономъ. Когда занимаютъ 50 руб. у пріятеля и то дѣлаютъ это безъ огласки».

Шеньянъ возразилъ, что просилъ судебнаго слѣдователя вытребовать отъ князя Оболенского свои телеграммы, въ которыхъ онъ требовалъ присылки векселей и которыя могли характеризовать отношенія его къ князю, но послѣдній заявилъ судебному слѣдователю, что рвалъ и уничтожалъ телеграммы Шеньяна.

Князь Оболенскій. Странно что вы сохранили всѣ депеши, исключая этихъ. Я вамъ говорю, что ихъ никогда не было кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ я упоминалъ, и оба требованія были удовлетворены. Если вы хотѣли имѣть депеши, то должны были получить ихъ изъ телеграфнаго вѣдомства. Вы ихъ требуете теперь послѣ 4 лѣтъ, зная, что онъ уже уничтожены тамъ». Далѣе князь Оболенскій выска-

залъ, что ему послѣ августа 1878 г. было известно о тяжеломъ положеніи банка и онъ принималъ мѣры къ его спасенію. Такія критическія минуты бываютъ во всѣхъ банкахъ, и если бы, напримѣръ, не помочь государственному банку волжско-камскому въ размѣрѣ 13.000,000 р. и частному коммерческому въ размѣрѣ 11.000,000 р., то эти банки лопнули бы непремѣнно. «Вотъ почему я считалъ нужнымъ помочь кронштадтскому банку въ тяжелое время и посыпалъ телеграммы Шеньяну», добавилъ князь Оболенскій: — «и, помогая наличными средствами, я поставилъ себѣ цѣлью удерживать банкъ до получения денегъ изъ интенданства, за которымъ была значительная сумма и перевелъ банку и Шеньяну на нѣсколько сотъ тысячъ наличныхъ денегъ. Переводные векселя находятся при дѣлѣ и могутъ подтвердить мои слова.

Засѣданіе 3 мая открылось чтенiemъ показаній неявившихся свидѣтелей защиты.

Читается нѣсколько телеграммъ, адресованныхъ кн. Оболенскому въ кронштадтскій банкъ Ландгвагену о присылкѣ билетовъ.

Тов. прокур. Саблинъ. Прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, запомнить, что князь Оболенскій проситъ Шеньяна узнать секретныя цѣны въ интенданствѣ.

Князь Оболенскій. Я этого не отрицаю и прошу замѣтить, что послѣ узнанія цѣнъ я предложилъ на границѣ поставить сухари по 2 р. 55 коп. за пудъ, такъ что въ Бухарестѣ они обошлись 3 руб. кредитныхъ, тогда какъ за нихъ до меня платили по 4 руб. металлическихъ за пудъ.

Тов. прокур. Саблинъ. (По прочтеніи другого письма). Прошу гг. присяжныхъ засѣдателей обратить вниманіе на то, что кн. Оболенскій просить наградить чиномъ маюра Шевелева, который завѣдалъ отъ казны приемомъ сухарей, и удалить Ковалева.

Князь Оболенскій. Я этого не отрицаю. Шевелевъ два года работалъ какъ наблюдающей за печеніемъ сухарей, но онъ никогда не принималъ ихъ, такъ какъ мы ~~сдали~~али комиссіи отъ арміи и затѣмъ на границѣ въ Унгенахъ, тогда какъ Шевелевъ жилъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ подкупъ не имѣлъ основанія, на которое вы ~~напекаете~~.

Пр. п. въ р. Языковъ обратился къ суду съ просьбою ~~защитить~~ его клиента, кн. Оболенскаго, отъ нападокъ прокурора, такъ какъ они не вошли въ обвинительній актъ и относятся не до дѣла, а до поставки сухарей, которая, по удостовѣренію главнаго интенд. генерал-адъютанта Кауфмана, была исполнена отлично; въ томъ порукою и высочайше утвержденная комиссія, которая ~~и~~ дана была кн. Оболенскому для удовлетворенія ~~его~~ претензій.

Прочитанъ докладъ ген.-ад. Кауфмана военному совѣту.

Товар. прокурора Саблинъ (по поводу третьаго письма). Прошу обратить вниманіе, какой аферистъ кн. Оболенскій. Онъ въ письмѣ Шеньяну сообщаетъ, что ружья можно дѣлать за 14 руб., а взять цѣну 18 руб. Это вѣроятно также изъ патріотизма.

Князь Оболенскій. Я о своемъ патріотизмѣ никогда не упоминалъ, но что товарищъ прокурора ставить мнѣ въ вину, я ставлю себѣ въ заслугу. Узнавъ, живя въ Тулѣ, что ружье можно сдѣлать за 18 руб., а что въ Петербургѣ сдается громадная поставка ружей по 22 руб., я заявилъ объ этомъ военному министерству въ докладной запискѣ, и графъ Милютинъ пріостановилъ сдачу ружей по 22 руб. Назначена была новая конкуренція и ружья были сданы по 18 руб. 50 коп. Мое заявленіе г. военному министру съэкономило казнѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. Думаю, что вреда я этимъ не принесъ.

Лично же не взялъ этого подряда и не могъ его взять, такъ какъ подрядъ этотъ сдается только артиллеристамъ.

Прочитано еще нѣсколько документовъ, которыми и закончился отдѣль о сухарныхъ подрядахъ, кромъ экспертизы, которая отложена въ конецъ судебнаго слѣдствія.

Разбирается отдѣль о растратѣ вкладовъ на храненіе. Товарищество пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, имѣвшее въ кронштадтскомъ банкѣ текущій счетъ, поручило ему приобрѣсти на 30,000 р. облигаций 2-го восточного займа. Банкъ этого порученія не выполнилъ, но тѣмъ не менѣе выдалъ товариществу свидѣтельство на принятие отъ него вкладовъ на храненіе $\%$ бумагъ восточного займа на 30,000 р. Остальныхъ вкладовъ оказалось растрачено на 163,000 руб. Шенъянъ заявилъ, что обѣщаніе Сузdalльцева возвратить банку числящійся за нимъ долгъ побудило правленіе временно закладывать вклады на храненіе, которые частью были выкуплены, а на 163,000 руб. пропали. «Но я долженъ сказать, говорилъ Шенъянъ, что деньги отъ этой операции пошли тѣмъ же кредиторамъ банка, а не попали въ наши карманы и операция эта была сдѣлана для спасенія учрежденія». Синебрюховъ, состоявшій въ правленіи товарищества пароходства, объяснилъ, что не сразу согласился выдать и подписать свидѣтельство, о которомъ только что говорилось. Ландгвагенъ—залогъ вкладовъ на храненіе былъ временною мѣрою, такъ какъ банкъ ожидалъ поступленія крупныхъ получений, но надежды не оправдались. Закладывать посыпалъ артельщиковъ. Сутукинъ—о растратѣ вкладовъ ничего не знаетъ. Ландг—что хотя ему было крайне непріятно носить въ залогъ вклады на храненіе, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ исполнять порученія директора Ландгвагенъ.

на. Свидѣтельство, выданное товариществу пароходства, подписано имъ послѣ Шенъяна, Синебрюхова и Емельянова. «Я свѣрилъ сумму, выставленную на немъ съ записью въ книжѣ и подписалъ». Бреме—Синебрюховъ два раза просилъ найти человѣка, который бы заложилъ отъ своего имени вклады, отданные банку на храненіе. Онъ рекомендовалъ Шергольда, который и исполнялъ порученія.

Эти объясненія подсудимыхъ подкреплены показаніями допрошенныхъ свидѣтелей.

Наконецъ, приступлено къ разсмотрѣнію послѣдней группы обвиненія «о подложномъ составленіи книгъ и отчетовъ». Объясненія подсудимыхъ сводятся къ слѣдующему: Шенъянъ ничего не было извѣстно о порядкѣ составленія отчетовъ и онъ не могъ уяснить себѣ, чтобы тутъ была неправильность. Синебрюховъ бухгалтеріи не знаетъ, а потому о веденіи книгъ ничего сказать не можетъ, что же касается отчетности о состояніи дѣлъ банка, то о неправильности ея онъ зналъ съ 1878 года, но молчалъ потому, что Шенъянъ и Ландгвагенъ увѣряли его, что князь Оболенскій скоро выплатитъ долгъ и тогда все дѣла поправятся. Ландгвагенъ свои дѣйствія оправдывалъ съ точки зрѣнія бухгалтерской, но въ то же время сознавалъ, что отчеты не давали понятія о точномъ выпускѣ билетовъ и о векселяхъ. Всльдѣ за появленіемъ въ „Новомъ Времени“ статьи о чудесномъ похожденіи вкладныхъ билетовъ кронштадтскаго банка, всльдѣствие которой встрепенулись всѣ и обратили вниманіе на дѣла банка, у членовъ правленія явилось желаніе помѣстить контроль-статью, для чего и решено было произвести ревизію. Она состояла въ провѣркѣ наличности кассы, вкладовъ и т. д. по дневному балансу, причемъ никакихъ книгъ не просматривали. Все оказалось въ исправности, о чёмъ и составленъ былъ журналъ, который подписали и опубликовали потомъ.

Сутугинъ — „я такъ рѣдко посѣщалъ банкъ, что мнѣ совершенно неизвѣстно ничего“. Журналъ ревизіи подписалъ потому, что все оказалось вѣрно. Бар. Фитингофъ — «вообще о книгахъ и отчетахъ никакого понятія не имѣлъ». Журналъ ревизіи, произведившейся „кажется депутатами“ подписалъ потому, что все оказалось вѣрно съ тою „запискою, которая была подана“. Ланге все дѣлалъ по приказанію директора Ландгвагена „личному или письменному“. Бреме также ссылается на распоряженія Ландгвагена.

Свидѣтель Абелъ, прежде всего, признался, что былъ фиктивнымъ акціонеромъ на общихъ собрaniяхъ по акціямъ Шенъяна, у которого служилъ личнымъ секретаремъ. Подписывалъ билеты за контролера. Шенъянъ тратилъ на себя около 25,000 руб. въ годъ, но въ эту сумму входили: уплата 0/0 по застрахованію его жизни, награда Абелю и „вѣроятно и другимъ служащимъ“.

На вопросы прис. повѣр. Языкова получилъ ли Шенъянъ отъ князя Оболенского деньги и на какую сумму, свидѣтель отвѣтилъ: «Да, болѣе чѣмъ на 400,000 руб. мнѣ это извѣстно какъ личному секретарю Шенъяна.

Вопр. А много ли было долговъ у Шенъяна до вступленія его въ банкъ?

Отв. Болѣе 300,000 рублей.

Прис. повѣр. Бѣлецкій. А вы, какъ личный секретарь Шенъяна, знаете сколько Шенъянъ переводилъ денегъ князю Оболенскому?

Абелъ. Нѣтъ не знаю, потому что велась отдельная сухарная книга, по которой на производство сухарей переводились отдельно деньги.

Вопр. А векселей Шенъянъ не требовалъ отъ князя Оболенского?

Отв. Никогда. По крайней мѣрѣ я ни разу обѣ этомъ не писалъ и не телеграфировалъ.

Служившій въ кронштадтскомъ банкѣ Генингъ удостовѣряетъ, что «никакой инструкціи, ни письменной, ни словесной, въ банкѣ ни для кого не было».

Приглашенъ свидѣтель Франценъ, который заявилъ, что состоитъ родственникомъ Ландгвагена и Сутугина.

Товар. прок. Саблинъ. Какъ жилъ Ландгвагенъ? Франценъ. Жилъ.

Вопр. Сколько онъ проживалъ?

Отв. Сколько получалъ.

Вопр. А сколько получалъ?

Отв. Не знаю.

Сутугинъ. Онъ говорить, что родственникъ мнѣ. Мой братъ женатъ на его сестрѣ — какой же онъ мнѣ родственникъ?

Въ засѣданіи 4-го мая спрошенъ былъ тайный советникъ Цимсенъ, къ которому являлась депутація просить о субсидіи для кронштадтскаго банка. Она состояла изъ Шенъяна, барона Фитингофа и еще кого-то — свидѣтель фамиліи не помнить. Депутація представила балансъ, изъ которого невозможно было заключить о растратѣ капиталовъ. Баронъ Фитингофъ пріѣзжалъ потомъ одинъ къ свидѣтелю и говорилъ, что раньше о положеніи дѣлъ банка онъ мало зналъ, но что теперь для него все выяснилось и если онъ рѣшился явиться въ качествѣ депутата просить о субсидіи, то только потому, что банкъ въ скоромъ времени ожидалъ большихъ полученій изъ интендантства. Сузdal'цевъ также хлопоталъ въ министерствѣ финансовъ о содѣйствіи для боровичской желѣзной дороги, о которой въ то время министерство имѣло въ виду войти въ соглашеніе съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ для передачи ему означенной дороги. Г. Цимсену неизвѣстны случаи выдачи изъ какого-либо банка вкладныхъ билетовъ подъ векселя. «Кажется, послѣ депутації» къ свидѣтелю являлся князь

Оболенскій съ просьбою о помощи кронштадтскому банку подъ обезпеченіе своихъ мнѣній, но въ какомъ размѣрѣ онъ просилъ поддержки — этого г. Цимсенъ теперь не помнить.

Дѣйств. стат. сов. Бодиско знаетъ барона Фитингофа больше 20 лѣтъ. Онъ купилъ въ Тамбовской губерніи имѣніе Нарышкина, который имѣлъ къ нему такое довѣріе, что не взялъ закладной, а получилъ лишь заемное письмо, по которому баронъ заплатилъ въ срокъ. Подсудимый пользовался въ обществѣ самою лучшою репутацией. Послѣ посѣщенія Ламанскаго, баронъ Фитингофъ явился къ свидѣтелю «въ отчаяніи и изъ его словъ я узналъ, что всѣ злоупотребленія въ кронштадтскомъ банкѣ скрывались отъ него». Будучи за границею, баронъ принялъ участіе въ учрежденіи въ Берлинѣ банка и внесъ полтора миллиона, но его отлично провели, такъ что онъ долженъ былъ обратиться къ суду, но изъ этого ничего не вышло и баронъ раззорился въ конецъ. Нужда заставила его поступить въ кронштадтскій банкъ. Онъ существуетъ только музыкою, сочиняетъ патріотические гимны и пишетъ оперы, которыхъ разбираются за границей. Одна изъ оперъ должна была быть принята и въ Петербургѣ; но дирекція императорскихъ театровъ нашла невозможнымъ дать оперу чловѣка, находящагося подъ судомъ.

Тайный совѣтникъ Е. И. Ламанскій заявилъ, что такъ какъ кронштадтскій банкъ задолжалъ уже очень много государственному, то въ новой ссудѣ въ 500,000 рублей ему было отказано. Находившійся въ числѣ депутатовъ баронъ Фитингофъ никакихъ свѣдѣній о дѣлахъ банка дать не могъ. По Высочайшему повелѣнію, для устраненія несостоятельности Путилова, государственный банкъ на удовлетвореніе кредиторовъ Путилова скупилъ принадлежавшіе ему вкладные билеты кронштадтскаго банка на номинальную сумму

180,000 рублей, за 131,000 рублей. Князь Оболенскій также обращался за помощью кронштадтскому банку и подавалъ въ министерство финансовъ записку, которой однакоже не было дано хода, причемъ князь Оболенскій указывалъ, что эта помощь будеть временною, такъ какъ ему слѣдуетъ получить большія суммы изъ интенданства, которыми онъ и покроетъ ссуду. Свидѣтель тоже знаетъ, что многіе банки выдавали вкладные билеты подъ учетъ векселей.

Кернъ знаетъ Ландгвагена за хорошаго, честнаго человѣка. Дегтѣревъ сказалъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ обществѣ добровольного флота служилъ и Сутугинъ, котораго онъ знаетъ за очень хорошаго человѣка. Ему изъ управлениія этого флота выдали аттестатъ за подписью дѣйств. тайн. совѣт. Побѣдоносцева. Документъ этотъ былъ прочитанъ на судѣ, Томсонъ и Тикстонъ знаютъ Бреме за человѣка хорошаго, честно исполнявшаго свои обязанности на мѣстахъ прежней своей службы. Защита Бреме представила выданный ему аттестатъ отъ прежнихъ хозяевъ.

Содержатель банкирской конторы Стѣфаницъ отозвался о Ландгвагенѣ, какъ о хорошемъ человѣкѣ, которому со стороны всѣхъ служащихъ въ конторѣ было преподнесено письмо съ выраженіемъ ему полнаго сочувствія. Ланге служитъ и теперь у свидѣтеля, который вполняетъ довѣрять ему, какъ человѣку честному.

Прочитано письмо, о которомъ говорилъ Стѣфаницъ. Оно на нѣмецкомъ языкѣ и содержитъ въ себѣ слѣдующія строки:

«При наступленіи нового года (1883), мы, подпи-
савшиеся друзья и коллеги, высказываемъ вамъ свое
сочувствіе и выражаемъ желаніе, чтобы новый годъ
скоро возвратилъ бы васъ въ нашу среду и съ из-
быткомъ вознаградилъ бы за все перенесенное вами

горе и непрятности, многоуважаемый г. Ландвагенъ. Это есть наше откровенное желаніе». Подписи Ростовского, Стефаница и многихъ другихъ, въ томъ числѣ и Ланге.

Экспертомъ вручена цѣлая масса документовъ и поставлено болѣе 50 вопросовъ съ подраздѣленіями. Совѣщаніе ихъ заняло трое сутки.

По выходѣ въ залу засѣданія, эксперты прочли вопросы и данные на нихъ отвѣты. Результатомъ ихъ совѣщанія относительно участія князя Оболенского выяснилось слѣдующее:

По вопросу 1-му. Какая связь существовала между операциами кронштадтскаго банка и подрядами Шеньяна и кн. Оболенского по поставкамъ сухарей?

Отвѣтъ экспертовъ: «Изъ счетоводства кронштадтскаго коммерческаго банка связи сего банка съ подрядами Шеньяна и кн. Оболенского по поставкамъ сухарей не усматривается».

По вопросу 2-му. На какую сумму выданы были вкладные билеты кронштадтскаго банка для: а) первой сухарной операциіи и б) второй сухарной операциіи?

Послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Такъ какъ въ книгахъ кронштадтскаго банка счета сухарныхъ подрядовъ вовсе не существуетъ, то какіе именно билеты выданы банкомъ для этихъ операций изъ счетоводства банка извлечь нельзя; по книгамъ же, отобраннымъ у Сутугина значится: по первому сухарному подряду билетовъ поступило на 1.685,000, возвращено банку на 979,000—осталось на 706,000 руб. а по второму сухарному подряду билетовъ поступило на 3.260,000, возвращено банку на 1.620,000—осталось на 1.640,000 рублей. При семъ по книгамъ первого сухарного подряда кн. Оболенскому и Шеньяну былъ открытъ одинъ общий счетъ, въ который относились всѣ билеты кронштадтскаго банка; по книгамъ же второго сухарного

подряда, вмѣсто общаго счета «кн. Оболенскій и Шеньянъ», открыты для каждого изъ нихъ отдѣльные счета и всѣ билеты кронштадтскаго банка отнесены исключительно на счетъ князя Оболенскаго и притомъ 950,000 одною статью 20 января 1879 года съ означеніемъ за выданные въ разное время 110 билетовъ.

Вопросъ 3-й. Кто, когда, какимъ способомъ, на какую сумму и за чей счетъ реализировалъ вкладные билеты кронштадтскаго банка, выданные на эти операциі,—получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Какъ реализировались билеты кронштадтскаго банка другими лицами, получавшими билеты отъ банка,—этиму слѣдовъ нѣть; въ книгахъ же кн. Оболенскаго есть лишь слѣды залога такихъ билетовъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ».

Вопросъ 4-й. На какую сумму билеты эти употреблены для сухарныхъ операций?

Отвѣтъ: «Книги не представляютъ другихъ данныхъ, кроме указанныхъ въ отвѣтѣ на вопросъ второй, и ничего общаго и опредѣленного какая сумма билетовъ употреблена для сухарныхъ операций—сдѣлать не представляется возможнымъ».

Вопросъ 5-й. Изъ всей суммы выданныхъ изъ кронштадтскаго банка на сухарныя операциіи вкладныхъ билетовъ, на какую сумму представлены были обеспеченія векселями?

Отвѣтъ. Определить по какимъ именно вкладнымъ билетамъ представлялись векселя по учету — нельзя, но въ книгахъ банка значится, что въ теченіи 1877 и 1878 г. было принято къ учету векселей кн. Оболенскаго съ бланкомъ Шеньяна и наоборотъ, векселей кн. Оболенскаго съ бланкомъ Шереметьева и т. д. всего на сумму 2.244,400 руб. причемъ оказавшіеся при закрытіи банка подписаные вексельные, безъ текста, бланки кн. Оболенскаго и Шеньяна на

750,000 руб. по книгамъ не приведены и не вошли въ вышеприведенный итогъ.

Вопросъ 6-й. На какую сумму произведена кронштадтскимъ банкомъ выдача наличныхъ денегъ кн. Оболенскому и Шеньяну, а равно за ихъ счетъ въ теченіе 1877 и 1878 г. и сколько за тотъ же періодъ времени было уплачено банкомъ наличными деньгами % и капитала по вкладнымъ билетамъ, выданнымъ кн. Оболенскому и Шеньяну?

Въ отвѣтѣ значится, что выдано наличными 200,810 руб., уплачено банкомъ капитала и % на 450,584 руб. 55 коп.

По вопросу 7-му. Соответствовали ли въ числѣ означенныя росписки кн. Оболенского въ получениіи вкладныхъ билетовъ, суммы этихъ билетовъ наличности кассы кронштадтского банка и вексельному его портфелю?

Отвѣтъ. Не всегда соотвѣтствовали.

Вопросъ 8-й. Какимъ размѣромъ опредѣляется сумма вкладныхъ билетовъ по роспискамъ, выданнымъ кронштадтскому банку и найденнымъ въ этомъ банкѣ, взятыхъ: а) кн. Оболенскимъ и б) Шеньяномъ?

Отвѣтъ. Относительно получения Шеньяномъ отъ Кронштадтского банка его вкладныхъ билетовъ имѣется роспись на 3.120,710 руб., а роспись князя Оболенского на 1.030,000 руб., и кромѣ того, росписка его же въ полученіи имъ отъ Шеньяна для обмѣна,—на 120,000 руб.

На слѣдующій вопросъ—на какую сумму векселя кн. Оболенского оказались: а) въ Кронштадтскомъ банкѣ и б) при дѣлѣ,—эксперты отвѣчали сообразно съ прежнимъ заключеніемъ.

Далѣе на вопросъ: «на какую сумму по имѣющимся роспискамъ переведено кн. Оболенскимъ денегъ: а) Шеньяну, б) кронштадтскому банку и в) въ другія учрежденія за счетъ Шеньяна или банка, эксперты

отвѣтили такъ: «Изъ разсмотрѣнія представленныхъ кн. Оболенскимъ росписокъ оказывается, что имъ уплачено и переведено денегъ: Шеньяну—330,450 руб.; банку—34,500 руб. и за счетъ банка Черникову 1,000 руб. Независимо же наличныхъ денегъ кн. Оболенскимъ переслано банку 5,000 руб. 2-го вост. займа.

Князь Оболенскій замѣтилъ, что вѣроятно эксперты не брали въ соображеніе тѣхъ суммъ, которыя перевели: тульская контора, Вейденгаммеръ, Пергаментъ, Стародубскій, и суммъ, заплаченныхъ за счетъ банка въ Харьковѣ, Киевѣ, Полоцкѣ, Минскѣ и другихъ банкахъ, на что эксперты отвѣчали, что всего этого они въ соображеніе не брали, а имѣли въ виду одного лишь князя Оболенского. Послѣ такого отвѣта князь Оболенскій обратилъ вниманіе суда и присяжныхъ засѣдателей на то, что съ переводомъ другихъ лицъ, сумма переведенныхъ денегъ Кронштадтскому банку и Шеньяну доходитъ до 750,000 рублей, высланныхъ за реализацію для него вкладныхъ билетовъ.

Кромѣ того, эксперты констатировали, что по имѣющимся роспискамъ возвращено Шеньяну или банку княземъ Оболенскимъ вкладныхъ билетовъ всего на 1.195,000 руб.

Затѣмъ ими удостовѣreno, что петербургская контора по сухарнымъ операциямъ получила изъ интендантства: по первому подряду 1.908,644 руб. 31 к. и по второму подряду—611,703 руб. 82 коп.

Наконецъ, эксперты заявили, что при дѣлѣ находятся вкладныхъ билетовъ, представленныхъ кн. Оболенскимъ, на 1.460,000 рублей.

По окончаніи экспертизы, князь Оболенскій просилъ слова и объяснилъ слѣдующее: «Я прошу судь и гг. присяжныхъ засѣдателей обратить вниманіе на то, что въ теченіи двухъ съ половиною почти лѣтъ, какъ производилось предварительное слѣдствіе,

я не былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, а допрашивался какъ свидѣтель. Напротивъ, прокурорскій надзоръ и слѣдствіе оставили безъ вниманія всѣ домогательства гражданскаго истца (конкурсъ кронштадтскаго банка) о привлечениіи меня къ уголовной отвѣтственности и просьбу прис. повѣр. Бѣлецкаго меня привлечь, судебній слѣдователь оставилъ безъ послѣдствій, отвѣтивъ слѣдующими словами: «Вы ищете не виноватаго, а богатаго». Если даже прокурорскому надзору въ прежнемъ составѣ получение вкладныхъ билетовъ подъ векселя не представлялось преступнымъ, а являлось обычною финансовою операциею, то для меня непонятно, почему нѣкоторые хотятъ сдѣлать меня жертвою очищенія такого рода банковскихъ операцій, которыя другіе дѣлали и дѣляютъ, а я попалъ за нихъ на скамью подсудимыхъ».

Затѣмъ было приступлено къ выслушанію заключительныхъ преній, которая открылись рѣчью товарища прокурора Васильева, разрабатывавшаго вопросъ о виновности всѣхъ подсудимыхъ, за исключеніемъ Суздальцева и князя Оболенскаго, о которыхъ говорилъ товарищъ прокурора Саблинъ. Прежде всего онъ заявилъ, что для проверки отзывовъ, которые дѣлались относительно всѣхъ вообще подсудимыхъ, выставлявшихся наилучшими людьми, нужно посмотретьъ, откуда они произошли? Вытекаютъ ли они изъ знанія обстоятельствъ дѣла, или же изъ черты, присущей всѣмъ русскимъ людямъ — изъ благодушія, изъ участія къ человѣку, когда онъ находится въ горѣ?

Съ своей стороны г. Саблинъ полагаетъ, что къ этимъ отзывамъ нужно относиться такъ, какъ говорилъ свидѣтель Свѣчинъ, а именно, что наприм. адресъ тульскаго дворянства писался не для суда, а для князя Оболенскаго въ тяжелую минуту его испытаній, а также и для его семейства, съ цѣлью оказать ему

нравственную поддержку. Что же касается до виновности князя Оболенскаго, то свидѣтель Свѣчинъ заявилъ, что о ней онъ не имѣть никакого понятія. Находя всѣ отзывы, которые давались по отношенію къ подсудимымъ, за исключеніемъ одного лишь Емельянова, совершенно излишними, потому что никто не спорить противъ хорошаго ихъ прошлаго, товарищъ прокурора занялся разработкою вопроса объ операции со вкладными билетами и, установивъ виновность Суздальцева по 4 пункту обвинительнаго акта, перешелъ къ разсмотрѣнію и провѣркѣ доказательствъ, касающихся участія въ настоящемъ дѣлѣ князя Оболенскаго. Онъ говорилъ на судѣ: „не относитесь ко мнѣ такъ, какъ вы отнеслись бы ко вся кому другому, который занимается такими же дѣлами, какъ я. Не относитесь ко мнѣ какъ къ интенданскому подрядчику, а смотрите на меня, какъ на патріота“. Г. Саблинъ просилъ присяжныхъ засѣдателей припомнить письмо князя Оболенскаго къ Шенъяну, гдѣ онъ пишетъ. „Узнайте мнѣ секретныя цѣны, такъ какъ я хочу взять подрядъ“. Когда этотъ фактъ былъ обнаруженъ, князь заявилъ довольно развязно: «да я узнавалъ секретную цѣну, но это моя гордость, моя честь. Тѣмъ, что я узналъ секретную цѣну, я сохранилъ Россіи 300—400 тыс. рубъ». Что это не такъ, доказываетъ письмо князя Оболенскаго, въ которомъ онъ предлагаетъ слѣдить за сестропѣцкимъ дѣломъ и говорить что Крыловъ «предлагаетъ взять за ружье 18 р., а намъ оно будетъ стоить 12 руб. Это — по секрету». Почему патріотично узнавать чужія цѣны и скрывать свои? Если бы дѣйствительно это было сдѣлано съ цѣлью патріотической, то не бери барышей, ставь его за двѣнадцать рублей, а князь Оболенскій береть за ружье 18 р., наживая по 6 р. на 12 р., что составляетъ 50%/. «Странный патріотизмъ», замѣчаетъ г. Саблинъ. На ряду съ такимъ сохраненіемъ отечеству

и въ сколькихъ сотъ тысячъ рублей, князь Оболенский говорить: „Я такие ставилъ сухари, что ни одинъ золотникъ не былъ забракованъ; все было принято“. Можетъ быть сухари были хороши, но въ дѣлѣ есть указанія и на другія причины почему они были прияты. Князь Оболенский пишетъ: «возьмите отъ меня маюра Ковалева. Сталъ очень требователъ; эти требование дороги». Оболенский объяснилъ, что Ковалевъ былъ больной человѣкъ и требовалъ для себя коляску. На смѣну Ковалеву появляется прекрасный маюръ Шевелевъ, который оказывается настолько хорошимъ, что князь нашелъ его достойнымъ быть представленнымъ въ слѣдующій чинъ, а потому и пишетъ фридрихсгамскому купцу Шеньяну, чтобы произвели въ слѣдующій чинъ русского офицера». Картина дѣйствительно патріотична и очень хороша. Невольно скажешь себѣ: да, это интенданцкій подрядъ со всѣми его специфическими особенностями. Далѣе князь Оболенский говоритъ, что, ставя сухари, онъ заботился о пользѣ для арміи, а не о выгодѣ себѣ. Положимъ такъ, но князь Оболенский тутъ же пишетъ: „Въ Варшаву ставить нельзя, во 1-хъ, потому что провозъ дорогъ, а во 2-хъ, такихъ сухарей, какъ тамъ требуютъ, мы и въ глаза не видали. Тамъ сухари чуть ли не пшеничные“. Изъ этихъ фактовъ видно, что князь Оболенский напрасно создалъ себѣ предѣсталъ патріотизма. Это не патріотизмъ, а простая наживка, во имя своихъ личныхъ выгодъ. Помимо того, князь Оболенский въ это время и не могъ изъ патріотизма дѣлать пожертвованія, потому что у него не оставалось почти ничего, или очень мало. Въ этомъ отношеніи свидѣтели указали, что у него раньше было большое недвижимое имѣніе, но что они не знаютъ было ли оно заложено или нѣтъ; свидѣтель Ламанскій показалъ, что въ 1876 г. князь Оболенский взялъ 60,000 руб. изъ государственного банка подъ

вторую закладную на свое имѣніе. Были и такие свидѣтели, которые удостовѣрили, что у князя Оболенского вовремя сухарной операциі было 500,000 руб. собственаго долга. Съ такимъ цѣннымъ имуществомъ дѣлать пожертвованія и заботиться о благѣ отечества едва-ли возможно, и г. Саблину кажется, что тутъ была простая забота о себѣ, доказательствомъ чего служитъ то, что кн. Оболенский купилъ себѣ дачу на южномъ берегу Крыма, живеть на ней по-барски, и хотя чужими деньгами, но расплачивается широко. Изъ показанія Зарина между прочимъ видно, что когда онъ, возмущенный тѣми грабежами, которые будто бы совершились въ имѣніи кн. Оболенского, указалъ ему, что съ него берутъ за провозъ въ пять разъ больше дѣйствительной стоимости, что ставятъ ему на счетъ ночную смѣну въ 400 человѣкъ, тогда какъ такой смѣны не было, то князь будто бы сказалъ: «это вздоръ, пустяки». Онъ также указывалъ, на судѣ, что Шеньянъ, за его счетъ получалъ много денегъ и не отдавалъ ему ничего. Затѣмъ, кромѣ Шеньяна, виновникомъ своего разоренія кн. Оболенский называлъ Вейденгаммера, и, благодаря тому, что свидѣтель этотъ не явился на судѣ, не было того браннаго слова, которое не было бы адресовано по адресу Вейденгаммера: о немъ говорилось, что онъ укралъ векселей на 180,000 руб., продалъ три дома князя и денегъ не возвратилъ, построилъ себѣ домъ въ 800,000 руб. и предъявилъ ко взысканію украденные векселя. Подобныя обвиненія через-чуръ смѣлы, несправедливы и если бы онъ предъявлялись къ кн. Оболенскому, то какимъ бы благороднымъ негодованіемъ возгорѣлась противъ нихъ его защита, между тѣмъ сказать, въ присутствіи всѣхъ, что Вейденгаммеръ обокралъ кн. Оболенского — является вполнѣ возможнымъ. Кромѣ того, говорилось, что Вейденгаммеръ запасшись домомъ, перевелъ его на имя жены. «Я не знаю, что тутъ дурного, замѣтилъ г. прокуроръ.

Впрочемъ, этотъ вопросъ близко знакомъ князю Оболенскому и онъ скажеть, на сколько дурно, на сколько нехорошо переводить дома при несостоятельности на имя родственниковъ, на имя близкихъ». Далѣе кн. Оболенскій говоритьъ, что Вейденгаммеръ предъявилъ на него ко взысканію векселя на 180,000 руб., доказательствъ чему однако же не представилъ. Но допустимъ, что у Вейденгаммера есть векселя на кн. Оболенскаго на 180,000 руб., но что ови стоять, въ виду несостоятельности кн. Оболенскаго на 5.300,000 руб., когда у него въ конкурсѣ имущества всего-на-всего на 64,000 руб. да еще неизвѣстно, во что обойдется содержаніе самаго конкурса. Такимъ образомъ долги превышаютъ во сто разъ имущество кн. Оболенскаго, а кредиторы пожалуй не получать и одной копѣйки на рубль. Разобравъ всѣ дурные отзывы кн. Оболенскаго и свидѣтеля Зарина относительно Вейденгаммера, г. прокуроръ спрашиваетъ: зачѣмъ же кн. Оболенскій вѣрилъ Вейденгаммеру, растратчику, мошеннику, поджигателю, по его словамъ? Для чего держалъ онъ этого человѣка? Вѣроятно для того, чтобы оправдаться въ совершенномъ имъ самимъ далеко некрасивомъ дѣяніи. Чтобы ярче обрисовать отношенія кн. Оболенскаго къ чужому имуществу, г. прокуроръ припомнилъ исторію съ риго-тукумскими акціями, которыя Шапиро далъ Шеньянну, а Шеньяннъ передалъ ихъ для залога кн. Оболенскому. Этотъ послѣдній признаетъ, что принялъ ихъ для залога. Спрашивается: куда же онъ теперь дѣвались? Оказывается, что онъ были заложены за 48 т. и употреблены на дѣло кн. Оболенскаго безъ согласія Шеньяна и Шапиро. Вотъ уже здѣсь прямая растрата, и кромѣ того еще и ложь. Акціи были отправлены къ кн. Оболенскому и заложены чрезъ не-дѣлю, а когда затѣмъ князь прїѣхалъ въ Петербургъ и Шапиро спрашиваетъ, гдѣ акціи, то князь отвѣчаетъ: «у меня, въ Тулѣ, нельзя было заложить». Прошло

долгое время; въ сентябрѣ они встрѣчаются и Шапиро снова спрашиваетъ: гдѣ акціи? — «Заложены и деньги отданы Шеньянну», утверждаетъ кн. Оболенскій. Шеньяннъ же говоритъ, что онъ этихъ денегъ не получалъ. «Это картина лжи, картина растраты самой безчестной» *).

Г. прокуроръ просилъ на ряду съ этимъ фактъмъ припомнить адресъ тульского дворянства, причемъ заявилъ, что «если бы тульские дворяне были здѣсь и узнали бы исторію съ этими акціями, то они, я думаю, схватились бы за перья и ни одной ихъ фамиліи не осталось бы подъ адресомъ. За что въ такое невозможное положеніе поставлены тульские дворяне предъ всѣмъ обществомъ? За свое сочувствіе, за то, что тульские дворяне мягко отнеслись къ кн. Оболенскому, хотѣли поддержать его не для суда, а для семьи, и вотъ за это сочувствіе какъ надъ ними жестоко насмѣялись! Какъ затоптали ихъ безжалостно въ грязь!» Затѣмъ г. прокуроръ перешелъ къ разсмотрѣнію операций кн. Оболенскаго съ кроншт. банкомъ. Кн. Оболенскій говоритъ, что онъ прямыхъ сношеній съ кроншт. банкомъ не имѣлъ, а имѣлъ дѣла съ Шеньяномъ. Но это невѣрно: кн. Оболенскаго видали въ конторѣ банка пишущимъ векселя, а стало быть они писались не для Шеньяна, а для кронштадтскаго банка. На судѣ читалось много телеграммъ, адресованныхъ кн. Оболенскимъ не къ Шеньяну, а къ директору кроншт. банка, Ландгвагену; кромѣ того, въ дѣлѣ имѣются собственноручныя расписки князя въ полученіи отъ кроншт. банка вкладныхъ билетовъ. Въ телеграммахъ онъ называетъ вкладные билеты «наши», говоритъ что «лучше своими средствами обойтись», пишетъ:

*.) Присяжнымъ засѣдателямъ накапунѣ была предъявлена расписка, изъ которой видно, что кн. Оболенскій не получалъ риго-тульскія акціи.

„пришлите зеленыхъ“ или „морскихъ“. Интересенъ этотъ терминъ „морскихъ“, „зеленыхъ“! Г. Саблинъ спрашивается: есть ли это разговоръ людей, ведущихъ открытую операцио, или же это разговоръ людей, нацѣливавшихся на чужое имущество? Послѣднее будетъ вѣрнѣе: подходитъ къ этому разговору. Для чего требовалъ кн. Оболенскій «зеленыхъ» или «морскихъ» въ громадныхъ суммахъ, для залога или для реализаціи? Конечно для нея. Изъ дѣла видно, что ихъ реализовали всюду и вездѣ, реализировалъ Биуля, Пергаментъ, Миллеръ, Шоринъ и самъ кн. Оболенскій, который въ письмѣ своемъ, между прочимъ, пишетъ: «помѣщаю ихъ гдѣ только могу. Голова кругомъ идетъ; заболѣлъ». «Бѣдный труженикъ!» восклицаетъ г. прокуроръ. — «Въ чемъ же заключается его трудъ? Въ реализаціи подложныхъ вкладныхъ билетовъ. Реализовать ихъ въ одномъ городѣ было нельзя и, кроме того, нужно было сдѣлать такъ, чтобы не было известно, что реализація идетъ отъ кн. Оболенского, между тѣмъ суммы подъ нихъ требовались громадныя: въ 300,000, 100,000 и 80,000 р.; менѣе 60,000 р. нѣтъ ни одного требованія. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, особенно интересномъ въ этомъ отношеніи, кн. Оболенскій пишетъ: «пришлите зеленыхъ на 100,000—200,000 руб.; нѣтъ, больше, пришлите сколько можете». При такого рода требованіяхъ, какое основаніе могло быть къ обезпеченію, когда онъ самъ не знаетъ чего просить, не то сто, не то 200, не то больше. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Зеленые требуются ото всюду для выкупа. Изъ Орла особенно сильно требуютъ. Боюсь, голова кругомъ идетъ». Если бы кн. Оболенскій зналъ наличность билетовъ въ банкѣ, то чего же было ему бояться. Почему кругомъ идетъ голова? Потому, что князю нечѣмъ выкупить. Говорятъ, кн. Оболенскій богатый че-

ловѣкъ, имѣть кредитъ до 10.000,000, какъ говорилъ о томъ заанѣе, но зачѣмъ онъ обращается къ кронштадтскому банку? Вѣдь кронштадтскій банкъ поступалъ съ нимъ очень нехорошо, давалъ такие билеты, которые онъ реализировалъ за 20 к. Зачѣмъ такие убытки терпѣть, когда есть кредитъ на 10.000,000. По мнѣнію г. Саблина, кн. Оболенскій зналъ о подложности вкладныхъ билетовъ, и это является по дѣлу доказаннымъ. Есть телеграммы, въ которыхъ Пергаментъ и самъ кн. Оболенскій просятъ Ландвагена удостовѣрить дѣйствительность билетовъ; но зачѣмъ удостовѣрять, если билеты дѣйствительные? Вѣдь значитъ, что въ сознаніи кн. Оболенского они были недѣйствительными, если ужъ онъ просилъ удостовѣренія, что кн. Оболенскій зналъ всю преступность того, что онъ совершаетъ, это удостовѣряется и тѣмъ обстоятельствомъ, что кн. Оболенскій бралъ всю эту массу вкладныхъ билетовъ не на векселя, которые выдавались только въ началѣ, но подъ конецъ онъ затрудняется въ этомъ, и когда случилось крушеніе банка, то оказалось, что билетовъ выдано на 2.000,000 руб. за счетъ Оболенского и Шенъяна, а векселей кн. Оболенского было только на 130,000 руб. Если эти векселя относились къ вкладнымъ билетамъ на 2.000,000, то это такая капля въ морѣ, о которой и говорить нечего. Товар. прокурора утверждаетъ, что всѣ билеты банка были безусловно безденежные и кн. Оболенскимъ было получено ихъ на 2.500,000, изъ которыхъ полтора миллиона онъ возвратилъ. Куда же дѣвался остальной миллионъ? — На сухарную операцию? Но вся сухарная операция была на 300 тыс. пудовъ по два съ полтиной, куда же взято вкладныхъ билетовъ на 2.000,000 руб.? Кроме того, по дѣлу видно, что интенданство съ своей стороны не задерживало платежа денегъ, а свидѣтели удостовѣрили, что отъ сухарной операции убытка не было. Куда такимъ об-

разомъ дѣвались полтора миллиона — сказать трудно, вѣрѣ, что они пошли на пользу кн. Оболенского, что подтверждается и слѣдствиемъ, выяснившимъ, что цѣлая масса вкладныхъ билетовъ записана на личный счетъ кн. Оболенского. „Я порадовался тогда за судьбу кн. Оболенского, говоритъ г. прокуроръ. Онъ несостоятельный на 5.000,000, но все-таки съ голоду не помереть, у него есть родственники, которые поддержать его въ тяжелую минуту. Что кн. Оболенскій зналъ, что дѣлаетъ, это видно изъ того счета, который былъ открытъ по сухарной операции. Сначала появился счетъ Оболенского, а потомъ въ книгѣ значится надпись: „перевести со счета кн. Оболенского на счетъ Шенъяна, такъ какъ кн. Оболенскій непосредственныхъ отношеній съ кронштадтскимъ банкомъ не имѣть“. Эта фраза является подозрительной. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ — кн. Оболенскаго ни о чёмъ не спрашиваютъ, а онъ ужъ заявляетъ, что съ кронштадтскимъ банкомъ никакихъ отношеній не имѣть. Это такой фактъ, который краснорѣчиво говоритъ, считалъ ли кн. Оболенскій свои отношенія къ кронштадтскому банку такими, которыя могутъ быть открыты, или такими, которыя слѣдуетъ скрывать; что князь Оболенскій зналъ преступность того, что совершаетъ, видно также изъ другого его письма, гдѣ онъ пишетъ: „Обѣщаюсь вамъ все дѣлать безъ огласки“. Оболенскій на судѣ говоритъ, что онъ дѣйствовалъ согласно § 46 устава банка, но объясненіе это не выдерживаетъ критики, потому что если билеты были настоящіе, то зачѣмъ ихъ продавать изъ подъ полы? Заслуживаетъ вниманія и то, что когда кн. Оболенскій узналъ о крушениіи банка и о томъ, что все правление его заарестовано, то онъ, по показанію свидѣтелей, сильно волновался и даже хотѣлъ стрѣляться, и отъ него должны были отобрать револьверъ. Вѣдь если дѣянія честны, хороши, то зачѣмъ прибѣгать къ та-

кимъ мѣрамъ, какъ разставаніе съ жизнью, когда ничего дурного за тобою не было, когда жизни твоей не грозила уголовная кара. Это тревожное состояніе кн. Оболенскаго указываетъ, что онъ зналъ, чувствовалъ, что имъ тоже совершенъ рядъ преступленій по кронштадтскому банку. Нужно припомнить и то обстоятельство, что когда Шенъянъ былъ заарестованъ, то кн. Оболенскій послалъ къ нему Вейденгаммера и Стародубскаго просить не приметъ ли онъ всю вину на себя; но какую же вину Шенъянъ будетъ принимать на себя, если за кн. Оболенскимъ никакой вины нѣтъ? Кн. Оболенскій говоритъ, что онъ никогда объ этомъ не просилъ, что онъ съ кронштадтскимъ банкомъ отношеній непосредственныхъ не имѣлъ, а имѣлъ дѣло съ Шенъяномъ. Пускай же Шенъянъ скажетъ, что онъ къ кронштадтскому банку не подпускалъ кн. Оболенскаго, что вкладные билеты бралъ для себя и потомъ передавалъ князю, тогда кн. Оболенскій выйдетъ чистъ. Вотъ смыслъ его предложенія, но Шенъянъ не согласился и сказалъ, что если вмѣстѣ дѣла дѣлали, вмѣстѣ и отвѣтчили будемъ. Свидѣтельница Пергаментъ говоритъ, что князь долго ходилъ и около нея, прося скрыть истину и сказать, что онъ отношеній съ банкомъ никакихъ не имѣлъ, а это показываетъ, что князь сознавалъ всю преступность, всю неприглядность своихъ поступковъ. Рѣчь свою г. Саблинъ закончилъ слѣдующими словами: «выяснивши такимъ образомъ настоящее положеніе дѣла и указавъ вамъ гг. присяжные, какое участіе принимали Суздальцевъ и кн. Оболенскій въ кронштадтскомъ банкѣ, я позволю себѣ указать на то, что, собственно говоря, по положенію вещей, другого и быть никогда не могло. Разъ мы видимъ преступное сочетаніе банковскихъ современныхъ дѣльцовъ съ желѣзнодорожниками и интендантами, то понятно, что въ банкѣ не могло болѣе остаться ничего, кромѣ 502 руб. и двухъ билетовъ внутренняго займа.

«Выяснивши все, что сдѣлали подсудимые, я считаю мою задачу не оконченной, если бы не указалъ на тѣ тяжелыя послѣдствія отъ этихъ преступныхъ дѣйствій, которые произошли послѣ крушения кронштадтскаго банка; многія лица потерпѣли и въ томъ числѣ, многіе банки, но, слава Богу, ни одинъ изъ нихъ не рушился. Но не судьба банковъ занимаетъ меня, въ особенности не судьба александрийско-тульскаго банка, который соединился съ кн. Оболенскимъ въ лицѣ пр. пов. Стакурскаго, меня интересуетъ судьба тѣхъ людей, которые дѣйствительно пострадали, тѣхъ вкладчиковъ, которые несли въ банкъ свои сбереженія. Кто они были? Банковые дѣльцы, желѣзнодорожники? — Да, быть можетъ желѣзнодорожники, только строители не въ родѣ Ив. Ив. Сузальцева, а можетъ быть изъ тѣхъ, которые прибѣгали на Дворцовую площадь бунтовать что имъ жалованья не платятъ. Кто это, интенданцкіе подрядчики? — Нѣть, это люди, которые можетъ быть куска хлѣба не доѣдали, чтобы сберечь себѣ на старость сумму, достаточную для воспитанія дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ гражданъ, которые приносили бы пользу отечеству, но пользу такую, о которой не слыхали ни патріоты банковъ, ни желѣзнодорожники. Ихъ судьба меня интересуетъ и я прошу и васъ обратить на нее свое вниманіе. Но, кромѣ того, я позволю указать на самихъ подсудимыхъ. Минъ кажется опасно сказать о подсудимыхъ, что они расхитили кронштадтскій банкъ на законномъ основаніи. Если сказать имъ это, то къ нимъ присоединятся десятки другихъ лицъ и къ прежнимъ стремленіямъ прибавится еще увѣренность безнаказанности, развязности, смѣлости прибавится, и если теперь потерпѣвшихъ считаются сотни, тогда будутъ считаться тысячи».

Прис. повѣр. Пассоверъ высказалъ, что обвинение Сузальцева не такъ грозно, какъ представляется

съ первого раза. По постройкѣ боровичской желѣзной дороги министръ финансовъ допустилъ представление залоговъ вмѣсто наличныхъ денегъ вкладными билетами кронштадтскаго банка и не только смотрѣлъ на это сквозь пальцы, но въ то-же самое время зналъ очень хорошо, что эти билеты взяты были подъ векселя Сузальцева. Такимъ образомъ является большое противорѣчіе во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ: органъ администраціи — министръ финансовъ, находить возможнымъ отступленіе отъ закона, изложенного въ уставѣ общества боровичской желѣзной дороги, а другой органъ — прокурорскій надзоръ, привлекается за то-же самое на скамью подсудимыхъ. Необходимо также имѣть въ виду, что въ правленіе общества вступили членами два директора кронштадтскаго банка, на глазахъ которыхъ происходила вся операція постройки, и одинъ изъ нихъ, именно Шеньянъ, сознающій теперь, что эта операція была дутою, въ началѣ былъ совершенно другого мнѣнія о ней и допускалъ выдачу билетовъ подъ векселя, считая ихъ достаточнымъ обезпеченіемъ для банка. Первоначально такихъ билетовъ выдано было на 321,000 рублей, они лежали на храненіи въ государственномъ банкѣ, который потомъ возвратилъ ихъ въ кронштадтскій банкъ, откуда они были снова выпущены въ обращеніе, но кѣмъ — это осталось неизвѣстнымъ. Такова судьба первого выпуска. Въ рѣчи своей товарищъ прокурора доказывалъ, что общества боровичской желѣзной дороги не существовало, что акціи его не были напечатаны и такимъ образомъ государственный банкъ не могъ принять ихъ въ обезпеченіе выдачи ссудъ; затѣмъ онъ допускаетъ возможность выпуска временныхъ свидѣтельствъ на акціи, но считаетъ невѣроятнымъ выпускъ временныхъ свидѣтельствъ на облигациіи; но для разъясненія этихъ вопросовъ г. Пассоверъ рекомендуетъ представителю об-

винительной власти отправиться къ управляющему государственнымъ банкомъ, настоящему и бывшему, и съ своей стороны утверждаетъ, что если государственный банкъ счелъ возможнымъ принятие такихъ свидѣтельствъ въ обезпеченіе, то нельзя ставить въ вину Сузальцеву, что онъ придерживался того же взгляда, который усвоилъ себѣ государственный банкъ. Это финансое учрежденіе, разрѣшаюшая большую ссуду подъ вкладные билеты, тѣмъ самимъ подало примѣръ считать боровичское дѣло благонадежнымъ, благодаря чьему 1-го апрѣля 1877 года и состоялось открытие новой желѣзной дороги. Разобравъ до мельчайшихъ подробностей весь образъ дѣйствій Сузальцева по отношенію къ кронштадтскому банку, г. Пассоверъ остановился на слѣдующемъ вопросѣ: если уставъ банка разрѣшаетъ выдачу вкладныхъ билетовъ только подъ обезпеченія, то какъ же могло случиться, что онъ выдалъ Сузальцеву большую сумму безъ всякихъ обезпеченій и такимъ образомъ допустилъ большую неправильность? Но вѣдь это дѣло банка, по отношенію же къ Сузальцеву мы видимъ, что хотя его и приглашали вступить членомъ въ правление кронштадтскаго банка, но онъ отказался отъ этой чести потому, что не могъ контролировать дѣйствія банка, по отношенію къ которому онъ состоялъ контрагентомъ. Вотъ если бы Сузальцевъ принялъ сдѣланное предложеніе, то тогда онъ дѣйствительно явился бы отвѣтственнымъ за всѣ допущенные банкомъ неправильности по выдаче вкладныхъ билетовъ безъ всякаго обезпеченія; въ настоящее же время вся вина его состоитъ въ томъ, что онъ, по небрежности, взялъ этихъ билетовъ на 400,000 р. безъ всякаго обезпеченія. Вооружившись документами и сдѣлавъ подробній разсчетъ долга Сузальцева банку, г. защитникъ пришелъ къ тому несомнѣнному выводу, что Сузальцевъ заплатилъ все, за исключеніемъ 32,000 р., билетами

кронштадтскаго банка, которые очутились въ рукахъ трехъ частныхъ лицъ. Но по этимъ билетамъ вытекаетъ одна лишь гражданская отвѣтственность и тѣ лица, у которыхъ очутились билеты, пріобрѣтая ихъ или вѣрили въ кредитоспособность кронштадтскаго банка, а если не вѣрили, то, покупая билеты, рисковали получить по нимъ или не получить деньги изъ банка, и тутъ Сузальцевъ ровно не причемъ, такъ какъ они все брали на свой личный страхъ. Отвергая доводы обвинительной власти о томъ, что Сузальцевъ зналъ о несостоятельности банка и тѣмъ не менѣе вынудилъ банкъ выдать ему ссуду въ значительномъ размѣрѣ, г. Пассоверъ высказалъ, что глумленіе тварища прокурора надъ дѣломъ боровичской желѣзной дороги сдѣлано преждевременно, потому что оно не такъ уже дурно, какъ его представляютъ, и имѣетъ свою исторію, довольно поучительную. Въ основаніи этого предпріятія лежала мысль соединить маринскую систему у гор. Череповца съ николаевскою жел. дор., но эта мысль на первыхъ же порахъ потерпѣла неудачу и боровичская дорога не соединила съ николаевскою даже гор. Боровичей, отъ которого она отдѣляется рѣкою Мстой, такъ какъ на этой послѣдней не дозволили построить моста и сдѣлать конечную станцію въ самомъ городѣ. По мнѣнію г. Пассовера, ужъ если дано было согласие на это дѣло и допускались неизвѣстныя льготы, то его нужно было довести до конца, а не останавливаться на полдорогѣ. Впрочемъ, Сузальцевъ судится не за боровичское дѣло, а за то, что, зная о подложности вкладныхъ билетовъ кронштадтскаго банка, онъ сбывалъ ихъ, но въ этомъ отношеніи ни прокурорскій надзоръ, ни гражданскіе истцы не представили доказательствъ.

Гражданскіе истцы говорили немного. Изъ нихъ Семкинъ коснулся лишь общихъ мѣстъ учрежденія кронштадтскаго банка, его дѣятельности и той мрач-

ной картины толпы народа, собравшейся у лопнувшего банка, которая рѣкой проливала слезы отчаянія какъ за себя, такъ и за сиротъ, сбереженія которыхъ пропали безвозвратно.

Прис. повѣр. Бѣлецкій, предсѣдатель конкурса по дѣламъ о несостоятельности банка, раздѣляетъ подсудимыхъ на двѣ категории: на главныхъ и второстепенныхъ виновниковъ, и къ числу первыхъ всецѣло относить трехъ лицъ: Шенъяна, князя Оболенскаго и Сузdal'цева. Разсматривая дѣйствія каждого изъ нихъ въ отдѣльности, онъ заявилъ, что Шенъянъ, входя въ дѣло съ большими надеждами, бралъ деньги, имѣя въ виду возвратить ихъ, но вышло совсѣмъ иначе. Потерявъ на военномъ комиссіонерствѣ 40,000 руб., онъ хотѣлъ вернуть ихъ на операциіи съ боровичской желѣзною дорогою, но здѣсь былъ поставленъ Сузdal'цевымъ въ безвыходное положеніе и ради сдѣланыхъ уже потерпѣній втянулся въ дальнѣйшую расстрату, — Сузdal'цевъ вовлекъ кронштадтскій банкъ въ невыгодную и убыточную операцию. Вкладныхъ билетовъ за Сузdal'цевымъ оказалось на 400 т. рублей, выданныхъ безденежно, и вотъ, въ виду того, что «путемъ гражданскаго суда мы можетъ быть и не добьемся желательнаго для настѣнѣя, мы и явились сюда для опороченія этихъ вкладныхъ билетовъ на судѣ уголовномъ». Покончивъ съ этимъ вопросомъ въ смыслѣ безусловной доказанности фиктивной выдачи билетовъ, г. Бѣлецкій перешелъ къ сухарнымъ подрядамъ, относительно которыхъ доказывалъ то же самое. При этомъ онъ замѣтилъ, что князь Оболенскій добивался возврата своихъ векселей, подъ обеспеченіе которыхъ получалъ вкладные билеты, коихъ онъ представилъ на 1.460,000 руб., но конкурсъ отказалъ въ этомъ, въ интересахъ дѣйствительныхъ кредиторовъ. Князь Оболенскій, не получивши кредита въ Тулѣ, ввелъ въ сухарное дѣло Шенъяна, положе-

ніе котораго было весьма печальное, ему нужно было поддержать дѣло во что бы то ни стало, онъ дѣйствовалъ подъ угрозами князя Оболенскаго, засыпавшаго его массою телеграммъ съ приказаниемъ новой высылки вкладныхъ билетовъ, такъ что весь подрядъ былъ вынесенъ на плечахъ Шенъяна, „т. е. кронштадтскаго банка“. Въ заключеніе г. Бѣлецкій отказался отъ гражданскаго иска, какъ по отношенію къ Емельяннову, такъ и къ барону Фитингофу, который заплатилъ все до копѣйки.

Рѣчь присяж. повѣр. Шнеура, который нѣсколько разъ былъ остановливаемъ г. предсѣдателемъ, явилась вполнѣ контрастомъ къ высказанному г. Бѣлецкимъ, который по его словамъ, является представителемъ только избранныхъ конкурсомъ кредиторовъ. Г. Шнеуръ поставленъ въ совершенно иное положеніе, такъ какъ конкурсъ призналъ, что кредиторы на 2.500,000 руб. вкладныхъ билетовъ, представителемъ которыхъ является говорящій ораторъ, являются фиктивными и не имѣютъ права на удовлетвореніе изъ конкурсной массы, а должны убытки свои искать съ тѣхъ, которые имъ продали вкладные билеты. Оспаривая это положеніе, г. Шнеуръ высказалъ, что признаніе билетовъ подложными не соответствуетъ дѣйствительности. Эксперты и многие изъ свидѣтелей, вызванныхъ въ судъ, высказали, что выпускъ вкладныхъ билетовъ возможенъ при условіи, еслибы дѣла банка находились въ блестящемъ положеніи, еслибы у него сохранился основной капиталъ, гарантирующій означенный выпускъ. Преступность заключается не въ томъ, что банкъ выпускалъ свои вкладные билеты безъ всякаго обеспеченія, а въ томъ, что банкъ зарвался, что онъ, не имѣя денегъ вообще, выпустилъ массу вкладныхъ билетовъ, не имѣя права брать даже векселя въ обеспеченіе ихъ, такъ какъ онъ, на основаніи устава, обязанъ былъ въ это время ликвидировать свои дѣла.

По мнѣнію г. Шнеура, преступность банка вытекаетъ изъ растраты основного капитала, изъ опубликованія подложно составленныхъ отчетовъ и изъ принятія участія въ такихъ дѣлахъ, которыя не были разрѣшены банку его уставомъ. Вотъ почему присяжные засѣдатели на вопросъ о подложности вкладныхъ билетовъ должны дать отрицательный отвѣтъ, такъ какъ, по заявлению экспертовъ и свидѣтелей, здѣсь преступленія подлога нѣтъ. Затѣмъ, въ виду того, что г. предсѣдатель не далъ возможности развить его мысль въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ, г. Шнеуръ просялъ занести это обстоятельство въ протоколъ судебнаго засѣданія.

Прис. пов. Соколовъ уподобилъ кронштадтскій банкъ воздушному шару, на который сѣли члены правленія, съ Шенъяномъ во главѣ, и полетѣли сначала въ Петербургъ, а потомъ по всей Россіи искать клиентовъ для капитала, которому не было сбыта въ кронштадтѣ. За нихъ уцѣпились два постороннихъ лица—Сузальцевъ и князь Оболенскій, и такимъ образомъ явилась почва, на которой банкъ могъ работать.

Представитель интересовъ товарищества пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и Ораненбаумомъ, прис. пов. Потѣхинъ 1-й, проводилъ ту мысль, что операция со вкладными билетами была условною и допускалась лишь для излюбленныхъ лицъ.

Всѣ гражданскіе истцы выражали надежду, что ихъ хлопоты на судѣ увѣнчиваются успѣхомъ.

Прис. повѣр. Бобрищевъ-Пушкинъ заявилъ, что Шенъяна можно обвинять лишь въ неправильной выдачѣ ссудъ, но ни коимъ образомъ не въ растратѣ на свои личныя нужды, такъ какъ онъ всѣ деньги употребилъ на операциі, отъ которыхъ ожидалъ полученія выгоды. По мнѣнію г. защитника, въ военномъ коммиссіонерствѣ не было хищенія, а убытки произошли благодаря стеченію несчастныхъ обстоя-

тельствъ; точно также и относительно птиловской операциі. Что касается участія Шенъяна въ постройкѣ боровичской желѣзной дороги, то участіе въ этомъ предпріятіи не могло не показаться ему весьма выгоднымъ, да кромѣ того оно было вынужденное и дѣжалось подъ вліяніемъ убитаго капитала. Сухарная операциія тоже была выгодною, но тутъ на сценуявляется князь Оболенскій, который въ одномъ изъ писемъ къ Шенъяну говоритъ: «на одномъ кораблѣ не можетъ быть два капитана—я останусь одинъ и одинъ за все отвѣчу». И дѣйствительно, князь Оболенскій остался одинъ, но въ настоящее время онъ на этотъ корабль хочетъ посадить капитаномъ Шенъяна, „но едва ли это ему удастся“. Шенъянъ, по своей натурѣ, легкомысленно довѣрился князю Оболенскому и не положилъ ничего себѣ въ карманъ. Операциія вкладныхъ билетовъ съ точки зрѣнія Шенъяна не считалась противозаконною и, во всякомъ случаѣ, обстоятельства дѣла таковы, что присяжные засѣдатели могутъ признать фактъ подложности вкладныхъ билетовъ, но о виновности въ этомъ Шенъяна не можетъ быть рѣчи.

Прис. повѣр. князь Кейкуатовъ увѣряетъ, что Синебрюховъ тоже не положилъ въ свой карманъ ни одной копѣйки и если рѣшался и давалъ согласіе на предпріятія, то потому, что они въ его глазахъ представлялись болѣе или менѣе выгодными. Операциіи по боровичской желѣзной дорогѣ и сухарнымъ подрядамъ шли помимо Синебрюхова и по послѣднимъ онъ зналъ только то, что вкладные билеты выдавались князю Оболенскому лишь для реализаціи. Что касается главнаго обвиненія — растраты вкладовъ на храненіе, то при разрѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ обратить вниманіе на то положеніе, въ которомъ находился Синебрюховъ, и если онъ допускалъ временный залогъ этихъ цѣнностей, то дѣжалъ это подъ постоянными ободряющими заявленіями, что вотъ, вотъ надняхъ по-

лучатся большія суммы, тогда все снова будетъ приведено въ прежній порядокъ.

Прис. пов. Жуковскій. «Я право не знаю, гг. присяжные засѣдатели, такъ какъ я не финансистъ,— того, дѣйствительно ли русскіе банки представляютъ собою тотъ рычагъ кредита, посредствомъ котораго благоденствуетъ промышленность, какъ о томъ заявлялъ одинъ изъ товарищей прокурора, но знаю очень хорошо, что они представляютъ собою очагъ, у котораго только лѣнивый не нагрѣваетъ себѣ рукъ, и если видѣть, что дѣло пойдетъ хорошо, то къ сидящимъ за трапезою присасываются постороннія тѣльца и начинается общій процессъ высасыванія до тѣхъ поръ, пока не останется одна пустота, наполненная простыми вексельными бланками». По мнѣнію защиты, Ландгвагенъ стоитъ въ полосѣ умѣренной, между сѣверомъ и югомъ — онъ факты признаетъ, а виновность свою отрицаєтъ. Необходимо, однако же, сознаться, что техника банковскихъ операций представляется вопросомъ новымъ, въ которомъ ничего еще хорошенъко не установлено и въ силу этого какъ же сознаваться Ландгвагену въ томъ, въ чёмъ присяжные засѣдатели можетъ быть не найдутъ никакого преступленія. Обращаясь къ исторіи кронштадтскаго банка, г. Жуковскій высказалъ, что банкъ этотъ былъ сначала въ положеніи дремотной зѣвоты, для него требовалось оживленіе, и вотъ является Шенъянъ, лицо весьма опытное, пользовавшееся кредитомъ, которое и стало допускать нѣкоторыя операциія, оказавшіяся теперь рискованными, но въ то время признававшіяся предпріятіями весьма солидными, которыхъ могли служить для пользы государства. Защита съ своей стороны находитъ, что для благоденствія государства необходимы три элемента: пути сообщенія, достаточность хлѣба и приростъ населенія, который, однако же, въ операциіи банка не входилъ, но за то банкъ послу-

жилъ развитію двухъ первыхъ элементовъ: путемъ сообщенія — постройкою боровичской желѣзной дороги, достаточности хлѣба — фабрикаціею сухарей, вслѣдствіе чего и являлось полное благоденствіе. Ландгвагена обвиняютъ еще въ неправильномъ веденіи книгъ, но «возьмите какого угодно бухгалтера, и тотъ не будетъ въ состояніи провести по книгамъ правильность дѣла, когда вмѣсто денегъ лежать пустые вексельные бланки». Что касается составленія подложныхъ отчетовъ, то присяжные засѣдатели имѣли возможность ознакомиться на судѣ съ двумя балансами: черновымъ — правильнымъ и бѣловымъ — несогласнымъ съ первымъ; но спрашивается, чѣмъ же тутъ виновата низшая бухгалтерія, когда она должна была дѣлать то, что прикажутъ? По порученію Ландгвагена г. защитникъ заявляетъ, что кассиръ Бреме, бухгалтеръ Ланге и контролеръ Емельяновъ ни въ чёмъ не виноваты; самъ же Ландгвагенъ если и можетъ быть въ отвѣтѣ, то только за то, что задолжалъ банку 40,000 рублей.

Присяж. повѣр. Андреевскій установилъ тотъ фактъ, что хотя долгъ за Сутугинымъ числится 131,000 руб., но дѣйствительная сумма, которой онъ попользовался, была лишь 25,000 руб., взятые подъ обеспеченіе золотыми пріисками, изъ остальной суммы 81,000 руб. образовались по бланкамъ на векселяхъ, которые Сутугинъ имѣлъ несчастіе поставить, да кромѣ того на него насчитали 25,000%. Разбирая далѣе обстоятельства дѣла, г. защитникъ заявилъ, что Сутугина нельзя принимать ни за вора, ни за хищника, онъ является лишь несчастнымъ заемщикомъ. Что касается остальныхъ пунктовъ обвиненія, то нужно имѣть въ виду, что Сутугинъ никогда въ правлениі кронштадтскаго банка не былъ и затѣмъ онъ, на допросѣ у судебнаго слѣдователя, призналъ себя виновнымъ только въ небрежности, а на основаніи

рѣшенія кассаціоннаго сената по дѣлу Струсберга, члены правленія, небрежно относящіеся къ своимъ обязанностямъ никакой карѣ не подлежатъ. Во всякомъ случаѣ, для обвиненія Сутутина нѣть достаточныхъ уликъ и онъ долженъ быть оправданъ. Выражая надежду, что присяжные засѣдатели разрѣшать дѣло по совѣсти, г. Андреевскій сказалъ слѣдующее: «Кстати я вспоминаю, какъ еще недавно одинъ публицистъ дерзнулъ назвать судь присяжныхъ улицей. Но вопреки намѣреніямъ автора, я вижу въ этомъ словѣ не униженіе или поруганіе суда присяжныхъ, а такую характеристику его, въ которой мѣтко соединены едва ли не самыя дорогія черты этого суда. И правда: пусть вы — улица. Мы этому рады. На улицѣ свѣжий воздухъ; мы бываемъ тамъ всѣ, безъ различія, именитые и ничтожные; тамъ мы всѣ равны, потому что на глазахъ народа чувствуемъ свою безопасность; передъ улицей никто не позволить себѣ безстыдства; вспомнимъ и похороны, о которыхъ говорилъ вчера прокуроръ: когда вы по улицѣ провожаете близкаго покойника, незнакомые люди снимутъ шапку и перекрестятся... На улицѣ помогутъ заболѣвшему, подадутъ милостыню нищему, остановятъ обидчика, задержать бѣгущаго вора! Когда у васъ въ домѣ бѣда — грабежъ, убийство, пожаръ — куда вы бѣжите за помощью? На улицу. Потому, что тамъ всегда найдутся люди, готовые служить начальникамъ общечеловѣческой справедливости. Вносите къ намъ, въ наши суды эти начала... Приходите судить съ улицы, потому что самъ законодатель пожелалъ брать своихъ судей именно оттуда, а не изъ кабинетовъ и салоновъ».

Прис. повѣр. Коробчевскій доказывалъ, что баронъ Фитинггофъ никакой активной дѣятельности въ дѣлахъ банка не принималъ и не былъ посвященъ во всѣ тайны, иначе хотя бы на одномъ вкладномъ билетѣ, но все-таки фигурировала бы его подпись. Да

и сами товарищи прокурора заявили, что сильно сомнѣваются въ виновности этого лица. Если баронъ Фитинггофъ и воспользовался позаимствованіями, то онъ заплатилъ все до копѣйки.

Прис. пов. Тиктинъ обратилъ вниманіе на то, что въ правленіи Кронштадтскаго банка никакой инструкціи не было, порядокъ счетоводства зависѣлъ отъ членовъ правленія, а потому къ Ланге, поступившему простымъ счетчикомъ и исполнявшему въ точности приказанія членовъ правленія, не можетъ быть применена статья 354 улож. о наказ.

Прис. повѣр. Леонтьевъ и помощ. прис. пов. Соколовъ, защищавшіе Бреме, объяснили, что Бреме, какъ и Ланге и Емельяновъ, исполнялъ лишь то, что прикажетъ Шеньянъ, отъ котораго исходило направленіе всего дѣла.

Прис. повѣр. Мазаракій заявилъ, что показаніями свидѣтелей Ламанскаго и Цимсена удостовѣreno, что вкладные билеты есть ничто иное, какъ обязательство банка, и если ихъ принимаютъ въ другихъ учрежденіяхъ, то значить вѣрять банку, выдававшему ихъ. Другіе свидѣтели, въ томъ числѣ и товарищъ оберъ-прокурора первого департамента правительственно-шаго сената Бухе, говорили, что получили вкладные билеты подъ векселя. Эксперты съ своей стороны высказали, что весь секретъ заключается въ кредитоспособности извѣстнаго лица, а если это такъ, то о подлогѣ не можетъ быть и рѣчи, и обвиненіе Емельянова падаетъ само собою.

Прис. повѣр. Языковъ. Гг. присяжные засѣдатели! Я выслушалъ рѣчь второго представителя обвинительной власти, направленную, главнымъ образомъ, къ обвиненію князя Оболенскаго. Противъ него я сначала и представлю свои возраженія и скажу, что тонъ и направленіе самой рѣчи не могутъ быть объяснены требованіями существа дѣла, а были на-

правлены единственно къ тому, чтобы представить подсудимаго въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ. Вся первая часть рѣчи г. прокурора была преисполнена украшений, которыми прикрывалась бѣдность содержанія обвиненія. Представитель обвинительной власти слегка только коснулся судебнаго слѣдствія, забыть объ экспертизѣ, ссыпался на законы, но дѣлая попытки, по моему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрныя. Онъ два часа посвятилъ обвиненію, которое касалось нравственной личности подсудимаго и было направлено исключительно къ глумленію надъ нимъ. Но, по моему мнѣнію, позорить человѣка еще не значитъ обвинять. Я позволю себѣ разобрать цвѣты, или скорѣе сказать терпіи этого краснорѣчія и показать вамъ, что кроется за ними. Представитель прокурорскаго надзора началъ свою рѣчь съ того положенія, что напрасно обвиняемый оправдывается закономъ, то онъ по закону неправъ и видѣлъ какъ бы дерзость со стороны обвинителя, что онъ невѣрно сослался на законъ. Но представитель прокурорскаго надзора дѣлаетъ ссылку на законъ, да не на тотъ. Онъ не упоминаетъ вамъ о томъ, что обвиняемый, князь Оболенскій, частный человѣкъ, что онъ не служить, не принадлежитъ къ составу банка и что такимъ образомъ извѣстный законъ, который относится къ служащимъ, не можетъ быть примѣнимъ къ нему, какъ къ частному лицу. Между тѣмъ это вопросъ огромной важности. Что такое служебный подлогъ? Ложныя свѣдѣнія, включенныя въ какой либо документъ лицомъ, находящимся на службѣ, будуть служебный подлогъ, ложныя же свѣдѣнія, включенныя въ правильно составленный документъ, для частного лица не составляетъ преступленія подлога. Если представителемъ обвинительной власти была сдѣлана ссылка на законъ, направленная къ обвиненію обвиняемаго въ дерзости, въ завѣдомо ложной ссылкѣ на законъ, то онъ неправъ,

Законъ противъ г. прокурора, такъ какъ князь Оболенскій, ни служащей, ни повѣренный банка, а постороннее лицо. Между тѣмъ впечатлѣніе сдѣлано. Обвиняемый имѣеть видъ говорящаго завѣдомо неправду. Второе впечатлѣніе направлено было исключительно къ подрыву нравственного довѣрія къ человѣку, пользовавшемуся до суда хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Князь Оболенскій былъ съ рожденія и богатъ, и счастливъ. Въ 34 года онъ имѣль видный чинъ, былъ близокъ ко двору, былъ лично известенъ покойному Государю Императору, служилъ болѣе 10 лѣтъ предводителемъ дворянства; у него было прошлое, которымъ онъ имѣль основаніе гордиться и которое невольно вызывало состраданіе къ его настоящему положенію. Это состраданіе нужно было подорвать. Чѣмъ? Насмѣшкой. Смѣхъ, конечно, орудіе могущественное. Какъ же удобнѣе подсмѣяться надъ обвиняемымъ? и вотъ создается выраженіе «патріотической подрядчикъ». Перную часть рѣчи представитель обвиненія закончилъ тѣмъ, что онъ высказалъ: «въ слѣдующей части рѣчи я васъ познакомлю съ человѣкомъ, который изъ патріотизма предпринималъ сухарные подряды». Между тѣмъ замѣтьте, эти слова: «патріотической подрядчикъ» были произнесены не княземъ Оболенскимъ и не его защитою, а свидѣтелемъ. Это слово нечаянно вырвалось въ самомъ концѣ у свидѣтеля, котораго самъ обвиненіе лишаетъ всякаго довѣрія. Свидѣтеля спрашивали, какъ былъ выполненъ подрядъ? хорошо ли? и свидѣтель отвѣчалъ, что хорошо и настолько добросовѣстно, что онъ считалъ выполненіе подряда князя Оболенскаго патріотическимъ дѣломъ. Но слова эти такъ и слѣдовали бы оставить на отвѣтственности свидѣтеля. Притомъ какъ понималъ ихъ свидѣтель, можетъ быть только въ томъ, что солдаты не были окормлены гнилыми сухарями и что вообще по подряду не дѣжалось того, чѣмъ прославились другіе под-

рядчики. И такъ, сравненіе безъ всякаго основанія сдѣлано и впечатлѣніе получено. Начинается игра словами «патріотическій подрядъ», «патріотическій сухарь». Далѣе князь Оболенскій не былъ никогда интендантомъ; интенданты заслужили нехорошую славу въ прошлую войну, но князь Оболенскій имѣлъ касательство къ подрядамъ, отчего не называть его интендантомъ и не пріурочить его къ интендантству. И вотъ читаются депеши и письма, касающіяся Сестрорѣцкаго завода, подряда на ружья. Обвиненіе утверждаетъ, что подрядъ былъ принять въ 18 рубляхъ и говорить, что такимъ образомъ 6 или 7 рублей взято барыша на ружье. Но о подрядѣ на ружья нигдѣ ни слова нѣтъ и князь Оболенскій этого подряда не принималъ и никакихъ барышей не имѣлъ. Затѣмъ говорилось о сухаряхъ пшеничныхъ въ Варшавѣ. Князь возражалъ, что сухари въ Варшавѣ были пшеничные, прокуроръ говорить, что нѣтъ. Но развѣ князь Оболенскій обвиняется въ недоброкачественномъ исполненіи подряда, взятаго въ Варшавѣ, котораго онъ, кстати сказать, никогда не бралъ. Между тѣмъ цѣлая часть рѣчи представителя прокурорскаго надзора была посвящена именно разговорамъ о Сестрорѣцкомъ заводѣ, о сухаряхъ и заканчивалась игою на словахъ «патріотизмъ и сухари». Но и этого мало. Нужно представить обвиняемаго человѣкомъ коварнымъ. Представитель прокурорскаго надзора говоритъ, что князь Оболенскій безъ всякаго основанія очернилъ здѣсь предъ вами свидѣтеля Вейденгаммера, который, повидимому, составлялъ одинъ изъ столбовъ обвиненія, и потому г. прокуроръ принялъ его подъ свою защиту. Обвинитель говоритъ много о томъ, что свидѣтель—отсутствующій, и не могъ себя самъ защищать упомянулъ онъ о томъ, что выраженія князя Оболенскаго о Вейденгаммерѣ могутъ отразиться печально на участіи самого обвиняемаго. Кто же такой этотъ Вейденгаммеръ? Это чело-

вѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ близко стоявшій къ князю Оболенскому, знавшій, быть можетъ, его тайны, его семейное положеніе, пользуясь его довѣріемъ и имѣвшій отъ него полнѣйшую законную довѣренность. Этотъ человѣкъ имѣлъ бы право по закону прийти въ судъ и сказать: «Я ничего не знаю въ такихъ дѣлахъ, которыя мнѣ извѣстны лишь въ силу довѣренности». Но человѣкъ этотъ, изъ бѣдняка сдѣленный княземъ Оболенскимъ богатымъ, имъ же благодѣтельствованный, выливаетъ цѣлое море обвиненій противъ бывшаго своего довѣрителя, которому онъ былъ всегда обязанъ. Говорилъ онъ самъ по себѣ не правду и говорилъ ее о человѣкѣ, облагодѣтельствовавшемъ его. Князь Оболенскій принимаетъ на себя всю тяжесть того заключенія, которое высказалъ здѣсь свидѣтель Заринъ, служившій у него въ конторѣ. Заринъ—человѣкъ извѣстный, человѣкъ почтенный и онъ возмущенъ тѣмъ, что видѣлъ. Онъ не отступается отъ своихъ словъ и готовъ здѣсь на судѣ подтвердить, что это правда. Но это все ставится въ вину самому князю Оболенскому и, чтобы опозорить его, говорить, что это свидѣтель защиты. Я не могу такъ смотрѣть на свидѣтелей защиты, какъ смотрѣть представитель прокурорскаго надзора и, вообще, полагаю, что свидѣтелей нельзя сторонамъ опорочивать только потому, что они вызваны противуположною стороною—обвиненіемъ или защитою. Важно внутреннее значеніе свидѣтельскихъ показаній. Но недостаточно было представить князя Оболенскаго недобросовѣстнымъ подрядчикомъ, выставить его коварнымъ человѣкомъ, нужно еще обвинять его и въ мошенничествѣ, хотя въ обвинительномъ актѣ не говорится о мошенничествѣ и къ такому обвиненію защита не готовилась, да оно, впрочемъ, и не предъявляется, а о немъ говорится, такъ, кстати. Въ обвинительномъ актѣ дѣйствительно упоминаются извѣстные факты ка-

сающіеся риго-тукумскихъ акцій, но чтобы эти факты подводились подъ понятіе растраты и чтобъ тамъ содержалось слово „растратчикъ“, которое произнесъ здѣсь прокуроръ, относя его къ обвин. Оболенскому, защита не ожидала. Признаюсь, если васъ будутъ обвинять въ одномъ преступлениі и къ нему будутъ пристегивать другое, чтобы усилить первое, не достаточно сильное для достижениія желаемаго результата, то это явно будетъ идти въ разрѣзъ съ правосудіемъ, даже будетъ въ ущербъ правосудію, будетъ искажать истину, а не разъяснять ее. Это предисловіе касается эпизода съ риго-тукумскими акціями. Самое тяжелое время кронштадтскаго банка было въ декабрѣ 1878 года. Нѣкто Шапиро обратился къ Шеньяну съ просьбою реализировать акціи риго-тукумс. жел. дороги. Какія между ними были условія по этому предмету, это по дѣлу осталось неизвѣстнымъ. Шеньянъ, въ свою очередь, обратился съ просьбою къ князю Оболенскому о реализаціи тѣхъ же акцій. Князь Оболенскій самъ ихъ не реализуетъ, но поручаетъ это Вейденгаммеру. Для этого при дѣлѣ имѣется цѣлый рядъ депешъ и писемъ, касающихся этихъ акцій. Съ половины декабря Вейденгаммеръ пишетъ и телеграфируетъ Шеньяну.

31-го декабря 1878 выданы съ акціями росписки Вейденгаммеромъ и самая акція закладываются Вейденгаммеромъ 3-го января 1879 года; суммы, вырученныя за нихъ входятъ въ общую сумму о которой мѣсячныя отчеты посыпаются Шеньяну. Есть ли тутъ слѣды существованія какого-нибудь специального договора между княземъ Оболенскимъ и Шеньяномъ о реализаціи этихъ акцій? Нѣтъ, ничего подобнаго не было. Эти акціи присланы были въ общей суммѣ другихъ акцій, которые высыпались для сухарного дѣла и отчасти для платежа по обмѣну вкладныхъ билетовъ, которые въ это время предъявлялись въ кронштадтскомъ банкѣ. Свидѣтель Шапиро, первоначальный

собственникъ акцій, какъ отъ него ни добивались наши противники на вопросъ: кому онъ вѣрилъ, Шеньяну или князю Оболенскому, отвѣчалъ здѣсь, что онъ имѣлъ дѣло съ Шеньяномъ и вѣрилъ только ему. Со стороны защиты Шеньяна были возраженія по этому предмету. Она старалась доказать, что дѣло шло о другихъ акціяхъ, а не о тѣхъ, съ которыми выдана росписка 31 го декабря, что всѣ телеграммы и письма относятся къ другимъ акціямъ, именно къ слѣдующей партіи, которую Шеньянъ желалъ заложить. Но опять тутъ вышло смѣщеніе цифръ. Защита Шеньяна не обратила должнаго вниманія на то, что росписка относится къ декабрю 1878 года, а залогъ акцій совершонъ былъ лишь 1-го января 1879 года. Всѣ эти депеши и письма, на которыхъ были сдѣланы ссылки — относятся къ концу декабря 1878 года. О всѣхъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно, по риго-тукумскимъ акціямъ Оболенскаго, Вейденгаммера Шеньянъ былъ своевременно предупрежденъ. Но если бы и было какое-нибудь обвиненіе противъ князя Оболенскаго, въ обманѣ Шеньяна, а не Шапиро, то его нужно было предъявить раньше; нельзя предъявлять обвиненіе въ обманѣ на судѣ, тѣмъ болѣе, когда свидѣтель Шапиро удостовѣрилъ насъ здѣсь, что никогда обмануть Оболенскимъ не было. Было ли какое-нибудь доказательство того, что Шапиро былъ въ какихъ-нибудь договорныхъ отношеніяхъ съ княземъ Оболенскимъ? Ровно никакихъ. Если бы были договорныя отношенія между ними, то вѣдь были бы какіе-нибудь документы, остались бы какіе-нибудь слѣды. Если показаніе Шеньяна на столько важно, то почему по этому предмету не было составлено обвиненія? Не знаю для чего вводится этотъ инцидентъ обвиненіемъ: въ видѣ прибавки, или украшенія для того чтобы по возможности очернить личность подсудимаго и подорвать его довѣріе, его кредитъ, или же это сдѣлано для того, чтобы

возстановить другъ противъ друга двухъ обвиняемыхъ, Шенъяна противъ князя Оболенского и князя Оболенского противъ Шенъяна. Князь Оболенский имѣлъ бы, конечно, многое сказать противъ Шенъяна, потому что считаетъ его во многомъ виновникомъ своего положенія, но не говоритъ же онъ ничего объ этомъ, или говорить весьма мало. Давать очень особую вѣру показаніямъ обвиняемыхъ другъ противъ друга не слѣдуетъ. Почему непремѣнно обвиненіе вѣритъ Шенъяну? Я не представляль возраженій противъ многихъ показаній Шенъяна, потому что знаю, что всякий отнесется къ его показанію, какъ къ показанію подсудимаго. Но чего я рѣшительно не понимаю и не оправдываю, это сопоставленіе прокурорскимъ надзоромъ эпизода риго-тукумскихъ акцій съ открытымъ письмомъ, написаннымъ князю Оболенскому тульскими дворянами въ память его долгой службы, добрыхъ и полезныхъ дѣлъ; прокуроръ какъ бы удивлялся этому письму и ставилъ какъ бы въ вину обвиняемому появление письма здѣсь на судѣ. Но представитель прокурорскаго надзора забылъ вѣроятно, что губернскій предводитель дворянства по закону даетъ, если находить это нужнымъ, одобрительные аттестаты о поведеніи дворянства. Письмо могло быть изложено въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ, но во всякомъ случаѣ самое происхожденіе этого письма является согласно съ духомъ закона. Представитель обвинительной власти забылъ, что въ дворянскомъ обществѣ по закону предъ открытиемъ собранія читаются въ службѣ свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыхъ находятся подъ судомъ. Дворянство вообще имѣть корпоративныя условія, признанныя государствомъ, отъ которыхъ нельзѧ отрѣшиться. Если человѣкъ, служившій долго предводителемъ дворянства, обвиняется въ совершеніи проступка, который, по мнѣнію многихъ и многихъ лицъ, знающихъ его, представляется

невѣроятнымъ, получаетъ открытое письмо, подписанное сотнею лицъ — съ выраженіемъ довѣрія и уваженія, что тутъ худого? Подписавшіе такое письмо поддерживаютъ обвиняемаго съ нравственной стороны и оказываютъ его защитѣ тѣмъ сущее благодѣяніе. Отзывы лицъ, знающихъ прошлую службу обвиняемаго въ такомъ дѣлѣ какъ настоящее, имѣютъ огромное значеніе, что настоящее дѣло есть хотя и не служебное, а близко соприкасается съ служебнымъ. Князь Оболенскій несетъ всѣ тяжести служебнаго обвиненія будучи частнымъ лицомъ. По служебному дѣлу законъ обязываетъ читать о всякомъ чиновнику, преданномъ суду, его формуллярный списокъ, и онъ былъ прочтенъ здѣсь по моей просьбѣ. Слѣдовательно по закону нравственное прошлое человѣка должно быть принято въ соображеніе, точно такъ же, какъ принимается обвиненіемъ справка о прежней судимости обвиняемаго. Если князь Оболенскій имѣлъ несчастіе быть судимымъ и не представилъ бы тѣхъ удостовѣреній о своей личности, которыя были представлены, то онъ не могъ бы доказать свое прошлое, что онъ не тотъ обанкротившійся, зарвавшійся, недобросовѣстный спекуляторъ, разгуливавшій по узкой границѣ гражданскаго и уголовнаго права, котораго желаетъ представить въ немъ вамъ обвинительная власть. Князь Оболенскій пользовался уваженіемъ своихъ согражданъ, онъ выбирался въ предводители дворянства двухъ уѣздовъ, онъ, наконецъ несъ общественную службу, предсѣдательствовалъ въ съѣздахъ, въ рекрутскомъ присутствіи и участвовалъ въ дѣлахъ дворянской опеки, оказывалъ помощь вдовамъ сиротамъ, помогалъ многимъ и многимъ лицамъ. Если человѣкъ, выросший, родившійся, и дѣйствовавшій въ теченіе долгаго времени въ извѣстной мѣстности, представляетъ вамъ свидѣтельство о себѣ мѣстныхъ жителей, какъ можно относиться къ такому свидѣтельству съ недовѣріемъ, какъ можно сопоставлять особенно

открытое письмо, о которомъ идетъ рѣчь съ эпизодомъ объ риго-тукумскихъ акціяхъ въ томъ видѣ, какъ оно нарисовано обвиненіемъ? Я полагаю, гг. присяжные за- сѣдатели, что приемы подобнаго рода нисколько не разъясняютъ дѣла обвиненія, а только затѣмняютъ его.

Князь Оболенскій по большей части молчалъ, несмотря на всѣ обвиненія, сыпавшіяся на него; онъ не считалъ нужнымъ возражать Шенъяну по многимъ предметамъ, хотя можетъ быть эти возраженія принесли бы ему пользу. Но представитель обвинительной власти и тутъ заподозрилъ его — въ чёмъ? въ недостаточномъ великолѣпіи по отношенію къ Шенъяну, потому только, что защита Оболенскаго спросила одного изъ свидѣтелей — кассира и секретаря Шенъяна Абеля, сколько тотъ тратилъ въ годъ? И получилъ отвѣтъ, что 25,000 р. въ годъ. Прокурорскій надзоръ нашелъ эту цифру очень нормальною при миллионныхъ оборотахъ Шенъяна какъ онъ выразился. Въ виду этого прокуроръ строилъ цѣлый рядъ догадокъ и спрашивалъ: а сколько проживалъ князь Оболенскій? Изъ всѣхъ обвиняемыхъ одинъ Оболенскій представилъ несомнѣнныя доказательства того, что у него имущество есть, или покрайней мѣрѣ было, потому что онъ объявленъ теперь несостоятельнымъ должникомъ не болѣе, впрочемъ двухъ мѣсяцевъ назадъ. Незабудьте, что у него оказывается 65,000 руб. и находятся въ конкурсной массѣ, а въ 1874, 1875 годахъ, когда еще не послѣдовало знакомства князя Оболенскаго съ злополучнымъ кронштадтскимъ банкомъ, состояніе его было, конечно больше, оно простидалось вмѣстѣ съ женинѣмъ всего до шести тысячъ десят. земли, хотя и заложенныхъ. Не не вѣроятно слѣдовательно намѣтить, что состояніе его доходило до 250,000 руб. въ то время. Вамъ извѣстно, что имѣнія его были въ Богородскомъ и Епифановскомъ уѣздахъ и что въ этихъ мѣстахъ имѣнія вообще доходны.

Представитель обвинительной власти говорить вамъ что несостоятельность князя Оболенскаго объявлена въ 5.300,000 р., но при этомъ имъ упущенное было изъ виду обратить вниманіе ваше и на то, что изъ этихъ 5.300,000 р., 3.200,000 р. составляютъ претензію конкурснаго управления кронштадтскаго банка, основанную частію на тѣхъ вкладныхъ билетахъ, которые возвращены и тѣхъ векселяхъ, которые были представлены собственно въ обеспеченіе по тѣмъ же вкладнымъ билетамъ. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Здѣсь много говорилось о вкладныхъ билетахъ, которые, какъ полагалъ представитель обвиненія, реализовались по двугривенному за рубль. Князь Оболенскій отвергаетъ это. Но допустимъ, что это справедливо, тогда какимъ образомъ относиться къ тѣмъ лицамъ, которая платили по двугривенному, а желаютъ получить по рублю! Затѣмъ въ концѣ 1878 года, когда были приняты дѣйствительныя мѣры къ выкупу вкладныхъ билетовъ, сколько было выплачено лишнихъ процентовъ, такого рода денегъ, которая при нормальному положеніи дѣла никогда бы не были уплачены. Такъ что въ общей массѣ претензій, заявленныхъ конкурсу, найдется очень много искусственно преувеличенныхъ.

По окончаніи изложенія всѣхъ тѣхъ пунктовъ обвиненія которые были разобраны мною и которые, по моему мнѣнію, заключали въ себѣ обстоятельства, не относящіяся къ дѣлу, представитель прокурорскаго надзора заключилъ свою рѣчь выраженою имъ увѣренностью, что онъ выяснилъ вамъ обвиненіе, введенное противъ князя Оболенскаго. Между тѣмъ объ экспертизѣ онъ не сказалъ ни слова, о подлогѣ говорилъ въ самыхъ общихъ чертахъ, не разъяснилъ, что князь Оболенскій частный человѣкъ и что смысль служебнаго подлога едва ли можетъ относиться къ нему. Затѣмъ онъ старательно называлъ его сухарнымъ подрядчикомъ, стараясь пристегнуть его къ семье ин-

тендантовъ и къ тѣмъ банковымъ дѣльцамъ, которые возбудили въ послѣднее время негодованіе въ обществѣ. Все это должно было вѣроятно помогать обвиненію. Конечно, если на деревенской ярмаркѣ, гдѣ многого народу, закричать: «конокрадъ», то этимъ словомъ можно заставить убить самого невиннаго человѣка. Толпа бросится и разорветъ. Я думаю, что лѣтъ двадцать тому назадъ, когда у насъ въ Петербургѣ была эпидемія пожаровъ, то достаточно было указать на улицѣ, крикнуть на человѣка: «поджигатель», чтобы онъ погибъ. Я полагаю точно также въ настоящее время не безопасно усиливать обвиненіе, привязывая человѣка къ банковому дѣлу, въ которомъ онъ былъ случайнымъ участникомъ!

Переходя ко второй части своихъ возраженій, я долженъ, гг. присяжные засѣдатели, прежде всего обратить ваше вниманіе на нѣсколько судопроизводственныхъ вопросовъ, касающихся настоящаго дѣла и имѣющихъ огромную важность. Въ обвинительномъ актѣ указаны тѣ статьи закона, на основаніи которыхъ обвиняется князь Оболенскій. Это статьи 1690 и 1697, въ одной изъ которыхъ говорится о подлогахъ въ крѣпостныхъ актахъ и закладныхъ. Слѣдовательно князь Оболенскій обвиняется какъ за составленіе подложныхъ нотаріальныхъ актовъ, по вопросу о вкладныхъ билетахъ. Подводить вкладные билеты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подъ понятіе подложныхъ нотаріальныхъ актовъ, весьма трудно. Очевидно, если князь Оболенскій не обвиняется на основаніи прямого закона, то обвиняется по аналогіи. Вторая судопроизводственная особенность заключается въ томъ, что князь Оболенскій обвиняется какъ соучастникъ лицъ, которыхъ обвиняются въ служебномъ подлогѣ, какъ директора банка. Судебная практика установила, что хотя члены правленія и судятся какъ чиновники, но предаются суду какъ частныя лица, въ обыкновенномъ

порядкѣ. Особый порядокъ преданія суду, установленный для должностныхъ лицъ, по отношенію къ нимъ не примѣняется, не примѣнялся онъ, слѣдовательно, и для князя Оболенскаго. Въ настоящее время это имѣть огромное значеніе, такъ какъ князь Оболенскій преданъ суду только потому, что преданы суду директора кронштадтскаго банка. Между тѣмъ, особый порядокъ преданія суду составляетъ своего рода привилегію и нѣкоторую защиту для обвиняемаго. Виновность чиновника опредѣляется и взвѣшивается прежде всего его начальствомъ, и потомъ уже судебнou властю. Что это есть защита, вы поймете, конечно, въ особенности въ такомъ дѣлѣ какъ настоящее, въ которомъ самое событие преступленія составляетъ вопросъ очевидно спорный. Если бы дѣло пошло сначала къ начальству въ министерство финансовъ, то тамъ сказали бы, какъ дѣла дѣлались; финансовая власти разрѣшили бы вопросъ вкладныхъ билетахъ, о законности ихъ и о незаконности выдачи этихъ билетовъ подъ векселя и безъ векселей, и этотъ тяжелый для вашей совѣсти вопросъ явился бы у насъ разрѣшеннымъ до суда. Мы бы стояли на твердой почвѣ. И такъ, значитъ этого особыго порядка преданія суду, ограждающаго обвиняемаго въ служеб. преступленіяхъ, въ семъ дѣлѣ не было соблюдено. Затѣмъ въ самомъ обвиненіи существуетъ странность, это его неправомѣрность. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что вы не могли не обратить вниманія на то, что много лицъ показывали въ качествѣ «свидѣтелей» передъ вами по такимъ предметамъ, которые составляютъ единственное обвиненіе противъ кн. Оболенскаго. Вы видѣли лицъ, которые являлись здѣсь на судѣ, но слышали, и про другихъ лицъ, бывшихъ въ виду у прокурорскаго надзора въ то время, когда составлялся обвинительный актъ. Лица эти совершили однородныя съ обвиняемымъ дѣйствія и тѣмъ не менѣе не были привлечены къ дѣлу какъ обвиняе-

мыя. — Мало того, г. прокуроръ выбралъ и между членами правленія безъ всякаго видимаго основанія. Напримѣръ Сутугинъ, который завѣдывалъ въ Петербургѣ всѣмъ счетоводствомъ по сухарной операциі Шенъяна и князя Оболенскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и членомъ правленія кронштадтскаго банка, онъ не обвиняется въ соучастії, точно также, какъ и баронъ Фитинггофъ. Я, разумѣется, не говорю это въ смыслѣ желанія отягчить ихъ участіе, да и не могу этого сдѣлать, такъ какъ противъ нихъ обвиненія по вкладнымъ билетамъ не предъявлено, но я указываю, только на различія между лицами, сдѣланныя обвиненіемъ, которыя могутъ быть объяснены только произволомъ или ошибкою. Князь Оболенскій—частный человѣкъ—обвиняется, какъ соучастникъ въ служебномъ подлогѣ, выразившемся въ выпускѣ вкладныхъ билетовъ. Но что нужно для того, чтобы связать князя Оболенскаго съ членами правленія кронштадтскаго банка, какъ участника? Объ этомъ обвиненіе опять-таки ничего не говоритъ. Я знаю, что могутъ быть дѣла такого рода, гдѣ обвиняются частныя лица въ соучастії въ служебномъ преступленіи. Представьте себѣ, что кто-нибудь подговариваетъ и подкупаетъ судебнаго слѣдователя, чтобы онъ составилъ ложный протоколь, очевидно будетъ судиться какъ участникъ въ служебномъ подлогѣ. Тотъ кто подговариваетъ казначея сдѣлать растрату казенныхъ денегъ, будетъ участникомъ въ растратѣ, за которую будетъ судиться казначеемъ. Но въ настоящемъ дѣлѣ о какомъ либо подговорѣ или подкупѣ нѣть ни слова. Князь Оболенскій обвиняется совершенно по другой статьѣ закона; онъ обвиняется въ выпускѣ вкладныхъ билетовъ, зная, что они были подложны. И такимъ образомъ для обвиненія князя Оболенскаго главнымъ образомъ должно быть доказано два положенія, а именно: что вкладные билеты были подложны, но кромѣ того, что онъ, сбывая, ихъ зналъ

за достовѣрное, что они дѣйствительно подложны. Обвиненіе въ настоящее время выяснило то, что было мнѣ не ясно по обвинительному акту. Обвиненіе выказалось здѣсь, что для него «подложны безразлично всѣ вкладные билеты, выданные не за наличныя деньги. Подъ векселями послѣдовала такая выдача, или безъ векселей,—для обвиненія не составляетъ разницы. На предварительномъ же слѣдствіи говорилось только о подложности вкладныхъ билетовъ, выданныхъ безъ обеспеченія, т. е. безъ векселей. Я утверждаю, что если съ такой точки зрѣнія смотрѣть на вкладные билеты и доказывать ихъ подложность, то подложнымъ явится всякое свидѣтельство, въ которомъ пишется, что деньги получены сполна, между тѣмъ какъ выданы не деньги, а вексель. Въ заемномъ письмѣ также пишется, что наличныхъ денегъ отдано столько-то, между тѣмъ, заемное письмо выдается и, какъ это можетъ быть, полученъ товаръ, а не деньги по разсчету, за услугу и пр.. Въ купчей крѣпости также пишется, что деньги всѣ сполна получены, въ закладной также, тогда какъ иногда деньги и не должны получаться и документъ выданъ по раздѣлу или другому случаю. Во всякомъ рода денежнѣмъ документѣ говорится, что деньги получены, которыя на самомъ дѣлѣ не получались; весь вопросъ въ валютахъ, а валюта можетъ быть и не деньги. Въ настоящее время экспертиза говорила, что вообще вкладной билетъ для третьаго лица является уже несомнѣнно подлиннымъ и обязательнымъ, если онъ, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, подписанъ членомъ правленія, бухгалтеромъ и кассиромъ. Экспертъ, тайн. совѣтникъ Сущовъ, говорилъ, что дѣйствительно вкладные билеты банка могутъ быть выданы подъ учетъ векселей. Все дѣло, какъ онъ выразился, въ кредитоспособности лица, которое выдаетъ вексель. Разумѣется объ этомъ обвиненіемъ упомянуто не было, но дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ люди, имѣвшіе гораздо болѣе скромное со-

стояніе чѣмъ князь Оболенскій, учитали свои векселя подъ вкладные билеты и несомнѣнно, что вкладные билеты выдавались подъ ихъ векселя, что это было извѣстно правительству и въ извѣстномъ случаѣ разрѣшалось. Словомъ хорошо ли это или дурно, вредно—это другой вопросъ; но ясно, что это вопросъ темный, не разъясненный, и что объясненіе его здѣсь идетъ не законодательнымъ путемъ, а уголовнымъ. Не лучше ли было прежде спросить мнѣнія и заключенія министерства финансовъ и уже съ готовымъ взглядомъ на дѣло прийти къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели. Какое же положеніе защиты, долженствующей доказывать, что такія дѣла дѣлались гласно и открыто. Вѣдь вамъ извѣстно, что это дѣлалось. Безполезно доказывать, что день—день и ночь—ночь. Выдавались вкладные билеты не за наличныя деньги, но подъ учетъ векселей, не только здѣсь въ Петербургѣ, но и вездѣ, по всей Россіи; дѣлалось это съ вѣдома властей, а иногда и по прямому ихъ разрѣшенію. Люди должностные, которые обѣ этомъ здѣсь показывали, не отвергаютъ, подобного обстоятельства, но говорятъ уклончиво. Что сказали бы тѣ жѣ лица, если бы ихъ спрашивали не подъ угрозою, какъ здѣсь, а на предварительномъ слѣдствіи, какъ начальство, лишь для разъясненія неопредѣленного предмета. Я думаю, что они говорили бы и свободнѣе и откровеннѣе. Полагаю, что въ рукахъ прокурора были всѣ средства разъяснить вопросъ о вкладныхъ билетахъ инымъ путемъ, чѣмъ онъ былъ разъясненъ, разъяснить путемъ законодательнымъ, но недавать повода подсудимому говорить теперь, что его обвиняютъ въ томъ, что всѣ дѣлали, что дѣлалось завѣдомо со стороны лицъ должностныхъ и ставить ему не только въ вину, но и въ преступленіе, что не только терпѣлось, но въ иныхъ случаяхъ и прямо разрѣшалось правительствомъ. Вотъ все, что я желалъ сказать относительно вкладныхъ билетовъ вообще. Но

затѣмъ вѣдь князя Оболенского винить и въ томъ, что онъ реализировалъ эти вкладные билеты. Но обѣ этомъ поговоримъ послѣ. Надо вспомнить сначала, какъ князь Оболенскій получалъ эти вкладные билеты. Въ 1874 году кронштадтскій банкъ сдѣлался предметомъ нашествія компаніи дѣльцовъ, взявшихъ банкъ подъ свое покровительство; первымъ ихъ дѣйствиемъ было то, что они взяли изъ него всѣ наличныя деньги, которая находились въ кассѣ банка; одни взяли ихъ для себя, другіе для другихъ—словомъ сказать въ періодъ съ 1874 до 1876 года, касса банка была вполнѣ опустошена по отношенію наличныхъ денегъ. До 1876 же года князь Оболенскій не имѣлъ никакого знакомства ни съ кронштадтскимъ банкомъ, ни въ частности съ компаніею его заправителей. Во главѣ банка стоялъ Шеньянъ, человѣкъ, который выроюсь, такъ сказать съ малыхъ лѣтъ на биржѣ, въ дѣлахъ биржевыхъ, занимался ими, понималъ торговлю до тонкости, но занимался не столько правильно, спокойною торговлею, сколько рискованными спекулятивными дѣлами. Шеньянъ, по словамъ слышанныхъ нами свидѣтелей, получилъ въ наслѣдство отъ отца, долгу въ 100,000 р. и экспедиторскую контору. Съ долгомъ постоянно продолжалъ свою дѣятельность. Экспедиторство давало 10—15,000 въ годъ. Но другія дѣла его шли несчастливо и дефицитъ скоро былъ около 300,000 руб. Онъ потерялъ на Шіерерѣ, на Эрберѣ и другихъ; потерялъ на боров.жел.дорогѣ, на военномъ комиссіонерствѣ. И при этомъ тратилъ на себя, по словамъ его личного секретаря Абеля, не менѣе 25,000 р. въ годъ. Таково было положеніе Шеньяна въ 1876 году, когда онъ познакомился съ княземъ Оболенскимъ. Съ другой стороны, возьмите: кто такой былъ князь Оболенскій? Князь Оболенскій—дворянинъ Тульской губерніи, богатый человѣкъ, получившій богатство по наслѣдству, служившій успѣшно, дослужившійся въ тридцать четыре года

до статского советника, шталмейстера, отъ рожденія окруженный всѣми благами жизни, и вообще человѣкомъ скорѣе способнымъ проживать деньги, чѣмъ наживать ихъ. Князя здѣсь желаютъ представить какимъ-то отчаяннымъ спекуляторомъ. Это невѣрно. До 1875 года онъ ни съ кѣмъ никакихъ дѣлъ не имѣлъ. Первое его дѣло, которое втянуло его вообще въ не свойственную ему дѣловую сферу, было дѣло постройки рижско-вяземской желѣзной дороги. Онъ жела лъ, чтобы эта дорога прошла чрезъ его имѣніе. Вотъ что вызвало князя Оболенскаго къ этому дѣлу и сдѣлало его подрядчикомъ.

Были люди, которые нашли выгоднымъ привлечь его къ этому дѣлу, и онъ согласился, потому что дорога эта проходила чрезъ его имѣніе; онъ нажилъ тутъ известную сумму. У него были угольныя копи и онъ сталъ заниматься этимъ дѣломъ, какъ помѣщикъ.

Таковы два промышленные дѣла, которыми онъ занимался, таковы были его спекулятивныя дѣйствія до 1877 г., до тѣхъ поръ, когда онъ взялъ сухарный подрядъ. Для человѣка, глядящаго на дѣло не предубѣжденно, я думаю, ясно, что князь Оболенскій сдѣлалъ большую ошибку, взявъ этотъ подрядъ, потому именно, что онъ не представляется такимъ аферистомъ, какимъ желаетъ выставить его обвиненіе. Оболенскій не могъ выполнить этого подряда съ выгодою для себя при честномъ отношеніи къ дѣлу. Подрядъ нужно было окончить въ четыре мѣсяца, надо было выстроить множество зданій, сдѣлать разныя заготовки и за ту цѣну, которую онъ взялъ, надо было возить сухари до границы. Убытки оказались громадные. Для человѣка не знающаго, не понимающаго, никогда такихъ дѣлъ не ведшаго естественнымъ послѣдствіемъ были тѣ разорительные убытки, которые и понесъ Оболенскій. Были у него служащіе

люди достойные довѣрія, на которыхъ онъ могъ положиться, эти не нажились, а другіе, на которыхъ онъ также полагался, нажились въ ущербъ дѣлу. Я долженъ возразить здѣсь Шеньяну, утверждавшему, что это дѣло, т. е. сухарное, потому дало убытки, что имъ занимался Оболенскій, а что гдѣ онъ не занимался, оно дало барыши, хотя и небольшие. Оно такъ и не такъ. Дѣло должно было дать убытки само по себѣ, но не только вслѣдствіе незнанія и неумѣнія Оболенскаго, такъ подрядъ сухарный въ Бухарѣстѣ, котораго не касался Оболенскій, далъ убытку около 200,000 р., имъ же завѣдывалъ Шеньянъ. Слѣдовательно, я не думаю, чтобъ дѣло это было такое выгодное, такъ легко давало возможность нажить огромныя деньги. Судебное слѣдствіе не дало намъ ясныхъ данныхъ, почему князь Оболенскій взялъ этотъ подрядъ, но для меня важно установить то положеніе, что князю Оболенскому былъ данъ подрядъ и что онъ уже взялъ къ себѣ Шеньяна въ компаніоны, какъ человѣка болѣе его понимающаго дѣло. Скажите, есть ли основаніе предположить, что если бы князь Оболенскій зналъ дѣйствительное положеніе кронштадтскаго банка, онъ обратился бы къ Шеньяну въ 1877 г. Онъ человѣкъ богатый, берущій двухмилліонный подрядъ, за который дѣльцы дали бы ему отступного и стали бы исполнять какъ другіе, т. е. выигрывать на недоброкачественности сухаря и дѣлать продѣлки. Какая была ему выгода идти къ Шеньяну, если бы онъ зналъ, что кронштадтскій банкъ представляетъ одну руину, пустую лавочку, въ которой торговали для прилива. Какая ему была радость обогатить банкъ, отдать ему дѣло, если и невыгодное въ сущности, то выгодное по наличнымъ деньгамъ, которыхъ причитались по положенію изъ казны. Если вспомнить, что вкладные билеты выдавались въ сущности подъ такое обезпеченіе, какъ подрядъ въ 800 тысячъ пудовъ по 2 р. 55 к.

за пудъ, то Шенъянъ по сухарному подряду получиль около миллиона рублей наличныхъ денегъ за билеты. Затѣмъ быль взять и другой подрядъ, за который также Шенъянъ получилъ наличныхъ денегъ изъ интенданства около миллиона руб.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ быль взять этотъ подрядъ пополамъ съ Шенъяномъ. Дѣйствительно князь Оболенскій имѣлъ разсчетъ на то, что помошь будетъ получаться вкладными билетами банка, онъ зналъ, что это дѣжалось на всѣхъ подрядахъ и что банкъ вполнѣ обеспечилъ его векселями, потому что никто не имѣлъ права сказать тогда, что векселя его ничего не стоять. Въ 1876 г. онъ имѣлъ состояніе наличными въ 250—300 тыс. за всѣми долгами. Обвиненіе говоритъ, что это не такъ, что онъ не имѣлъ ничего. Можно сказать что угодно, но мы на основаніи свидѣтельскихъ показаній, которыя говорять о фактахъ, относящихся до 1877 г. Если у человѣка, который, какъ утверждаютъ, употребилъ средства для скрытія имущества, осталось, по оцѣнкѣ присяжнаго попечителя недвижимаго и движимаго имущества теперь на 65,000 р. по самой низкой цѣнѣ, что нѣть ничего невѣроятнаго, что въ то время, т. е. въ 1876 году, средства у него были гораздо значительнѣе, вчтвѣро примѣрно больше. Я утверждаю, что если бы рѣчь о большей или меньшей состоятельности Оболенскаго была поднята раньше, она была бы приведена въ извѣстность на предварительномъ слѣдствії, то теперь можно было бы все сказать опредѣленно, а не ставить нась въ такое положеніе, что я буду признавать одно, а прокуроръ совершенно иное и мы будемъ спорить безъ конца. Здѣсь говорилось о томъ, что въ 1878 г., по свидѣтельству Ламанскаго, князю Оболенскому была выдана большая ссуда изъ государственного банка подъ обеспеченіе имѣнія его, или его жены. Но свидѣтель Ламанскій тутъ же разъ-

яснилъ, что имѣніе, подъ которое была выдана ссуда 60,000 р., продано съ публичнаго торга, такъ что оно въ счетъ имущества, о которомъ шла рѣчь въ нынѣшнемъ судебнѣмъ засѣданіи, идти не можетъ. Первый подрядъ быль взять княземъ Оболенскимъ съ Шенъяномъ и быль порученъ Трузе. Изъ депешъ, которыя здѣсь были прочитаны вы видите, что Трузе быль на «ты» съ Шенъяномъ и собственно онъ быль управляющимъ дѣла, а не князь Оболенскій. Всѣ операциіи сосредоточивались въ Москвѣ, а на князь Оболенскомъ лежала только материальная часть. Подрядъ этотъ быль оконченъ въ срокъ, но разсчетъ между компаніонами не былъ оконченъ. Второй подрядъ начался тогда, когда разсчетъ съ Оболенскимъ по первому подряду не былъ приведенъ къ окончанію. Все это, разумѣется, мало казалось бы имѣть отношенія къ настоящему дѣлу, но я по неволѣ долженъ сказать этого, потому что разборъ этихъ обстоятельствъ вошелъ въ составъ обвинительного акта. Въ теченіе периода выполненія первого сухарного подряда выдавались вкладные билеты, которые реализовались княземъ Оболенскимъ въ Тулѣ, Орѣ и Москвѣ и реализовались всегда подъ его собственной ответственностью, потому что князю Оболенскому вѣрили, т. е. вѣрили, разумѣется, его имѣніямъ. Если бы онъ былъ въ то время человѣкомъ безъ средствъ, то кто бы давалъ ему деньги за эти билеты. Нѣть ни одного факта въ дѣлѣ, который показывалъ, чтобы кто нибудь изъкладчиковъ, изъ диконтеровъ не зналъ сущности тѣхъ билетовъ, которые онъ покупалъ, не зная ихъ стоимости, или того, чтобы они выдавались банкомъ на векселя. Мы имѣемъ даже доказательство тому, что государственный банкъ самъ пріобрѣталъ ихъ по 70 и 72 к. за рубль. Нельзя не признать слѣдовательно, что князь Оболенскій, реализуя билеты подъ своей ответственностью, имѣлъ основаніе поступать такъ, по-

тому что онъ владѣлъ имѣніемъ и считалъ себя въ правѣ надѣяться въ началѣ предпріятія на окончаніе подряда съ извѣстною выгодою. Второй сухарный подрядъ былъ не оконченъ, вслѣдствіе заключеннаго мири, всѣ дѣйствія подрядчиковъ были прекращены и начался споръ между казною и подрядчиками, по разсчетамъ за то, что было подрядчикомъ сдѣлано; за сохраненіе сухарей, сверхъ уплаты рабочимъ и т. п. Эта остановка повліяла вредно на дѣло и еще болѣе спутала разсчеты князя Оболенскаго и Шенъяна, которые, къ сожалѣнію, вели вмѣстѣ съ тѣмъ и множество другихъ дѣлъ. Тогда начался быстрый обмѣнъ вкладныхъ билетовъ, особенно съ августа 1878 г. Тогда-то, въ октябрѣ 1878 г. были заложены билеты въ Смоленскѣ, въ Витебскѣ и въ Минскѣ нѣкіимъ Бирулемъ, который былъ рекомендованъ Оболенскому Маллеромъ, агентомъ Шереметьева. Бируля этотъ Ѳэдиль и реализировалъ билеты, при чемъ о дѣйствіяхъ своихъ въ Смоленскѣ и другихъ городахъ увѣдомлялъ депешами Шенъяна. Депеши эти были здѣсь прочитаны. Я не вижу, въ чёмъ этотъ залогъ можетъ относиться къ вопросу о подлогѣ. Положимъ, что билеты были реализованы дешево, но что же изъ этого. Если бы вамъ жаловались, что были введены въ заблужденіе этими билетами, но подобныхъ жалобъ никѣмъ не заявлено. Очевидно, что разсчеты между Шенъяномъ и княземъ Оболенскимъ запутались особенно вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ дѣлу Шенъяна. Намъ извѣстно, какъ Шенъянъ занимался дѣлами кронштадтскаго, котораго онъ былъ, по его собственнымъ словамъ, хозяиномъ. Самъ онъ въ Кронштадтѣ не жилъ, получалъ оттуда и посыпалъ туда деньги и билеты, сосчитывался же въ четыре мѣсяца разъ. Какой же тутъ можетъ быть порядокъ въ счетоводствѣ. Эксперты опредѣлили сумму вкладныхъ билетовъ, взятыхъ княземъ Оболенскимъ подъ росписки, только здѣсь

на судѣ, на предварительномъ слѣдствіи этого сдѣлано не было и ему ставилось на счетъ $2\frac{1}{2}$ мил. необезпеченныхъ и не возвращенныхъ вкладныхъ билетовъ. Разсчетъ этотъ въ 2 миллионахъ сдѣлали по книгамъ второй сухарной операций тульской конторы по книгамъ кронштадтскаго банка, тогда какъ въ дѣлѣ находились прямые документы, росписки князя Оболенскаго. То, что росписки Оболенскаго на вкладные билеты найдены въ дѣлахъ Шенъяна, имѣетъ громадное значеніе и подтверждаетъ справедливость того, что князь Оболенскій говорилъ: «Я съ банкомъ имѣлъ случайная дѣла, давалъ векселя, получалъ вкладные билеты и ихъ возвратилъ обратно. Но все сухарное дѣло я велъ съ Шенъяномъ, а не съ банкомъ. Отъ Шенъяна я получалъ билеты и ему посыпалъ векселя и наличныя деньги. — Шенъянъ получалъ деньги изъ интендантства и велъ разсчеты съ банкомъ». Слова Оболенскаго подтвердились экспертизою, признавшей, что изъ книгъ кронштадтскаго банка не видно, чтобы банкъ имѣлъ какое либо отношеніе къ сухарному подряду. Вкладные билеты не всегда одновременно обмѣнивались на векселя, но и дѣжалось такимъ образомъ, что князь Оболенскій подписывалъ бланки и передавалъ ихъ по требованіямъ Шенъяна, передававшаго ихъ Ландгвагену, который выписывалъ эти бланки по мѣрѣ надобности. Дѣжалось это такимъ образомъ потому, что Оболенскій не жилъ въ Петербургѣ. Онъ выдавалъ впередъ на сумму, которую требовалъ отъ него Шенъянъ, бланки или векселя. Дѣло Шенъяна было заботиться о томъ, чтобы суммы выдаваемыхъ затѣмъ билетовъ соответствовали суммѣ полученныхъ бланковъ. Мы заговорили о бланкахъ и невольно приходится сказать нѣсколько словъ о значеніи бланковъ, ибо тѣ 750,000 р. бланковъ, подписанныхъ Оболенскимъ и найденныхъ въ кассѣ, признаны теперь недѣйствительными. Бланки эти недѣй-

ствительны теперь, но, когда они выдавались Оболенскимъ, они всегда могли имѣть значение векселя для него. Не вина Оболенского, что текстъ остался непрописаннымъ по небрежности. Тѣ прописанные векселя, которые теперь заявлены противъ него конкурсомъ кронштадтского банка на 600 т., были выданы точно также, какъ и тѣ 750, которые остались не прописанными по забывчивости Шенъяна. Если вы написали бланки, вы предоставили право написать текстъ какой угодно. Этотъ документъ всегда будетъ для васъ обязательенъ и нѣть средства, которое могло бы этотъ документъ опровергнуть. Тотъ фактъ, что бланки остались невписаными по небрежности, нельзя ставить въ вину князю Оболенскому, они снимаются съ него ответственность за вкладные билеты, необеспеченные будто бы на 750.000 руб.

Затѣмъ не маловажно такъ же указаніе экспертизы относительно того, что векселя съ бланками Оболенского и Шенъяна въ теченіе 1877 и 1878 гг., проведенныхъ по книгамъ банка насчитываются до громадной цифры въ 2,886,000 рублей. Нельзя не признать въ виду этихъ цифръ, что Оболенскій имѣлъ основаніе считать себя выдававшимъ достаточное количество векселей по числу взятыхъ имъ билетовъ. Экспертиза признала также, что вкладныхъ билетовъ взято было княземъ Оболенскимъ лично на 2.000,000 и что таковыхъ было продано Вейденгаммеру, какъ повѣренному Оболенского, на 500,000. Изъ этого числа на миллионъ были возвращены по роспискамъ, а на полтора миллиона находятся здѣсь, на столѣ. Билеты эти представлены въ конкурсъ въ обмѣнъ на векселя, но они не приняты. Экспертиза установила эти факты, на основаніи единственныхъ документовъ, въ которыхъ признаетъ значение защиты, т. е. на основаніи росписокъ. Какое же право, на основаніи своихъ собственныхъ книгъ, имѣть говорить Шенъянъ, что Оболенскій не воз-

вратилъ въ банкъ на миллионные суммы тогда какъ изъ собственоручныхъ росписокъ Шенъяна найденныхъ въ кассѣ банка, видно, что онъ взялъ вкладныхъ билетовъ на 3 миллиона рублей. Мы составили счетъ возвращенныхъ билетовъ Оболенскимъ и пришли къ заключенію, что онъ возвратилъ и выкупилъ ихъ на большую сумму, чѣмъ взялъ, а куда дѣвались вкладные билеты на 500,000 руб., т. е. на ту разницу, которую составляютъ билеты, взятые Шенъяномъ изъ банка (3 миллиона р.) и билеты взятые Оболенскимъ и Вейденгаммеромъ у Шенъяна (2.500,000 р.)? Это невыяснено. Слѣдуетъ помнить также, что экспертиза признала здѣсь уплату до 400,000 р., которая значилась переводомъ Оболенскимъ за вкладные билеты Шенъяну. Сверхъ всего къ дѣлу представлены Оболенскимъ на 350,000 различныхъ квитанцій и переводовъ, которые выдавались разными провинціальными кредитными учрежденіями, свидѣтельствующими объ уплатѣ упомянутыхъ суммъ Оболенскимъ за билеты. Вѣдь это не одна вексельная бумага, а сотни тысяч рублей. Господа присяжные засѣдатели прибавятъ къ этому имѣнія, проданныя съ публичного торга все за тѣ же билеты и прибавятъ къ этому 2.000,000 руб. наличными, полученными за сухарный подрядъ Шенъяномъ. Денежки хороши! Экспертиза намъ выяснила здѣсь, что 720,000 наличныхъ денегъ, въ теченіе 1878 и 1879 гг. были переданы Шенъяномъ въ кронштадтскій банкъ. Вѣдь это онъ же говоритъ, что дефицитъ отъ подряда былъ, спрашивается откуда же онъ бралъ эти деньги. Вѣдь въ то же время онъ несъ убытки по множеству другихъ дѣлъ, проживалъ самъ 25,000 р. въ годъ. Откуда же брались деньги на покрытие всѣхъ этихъ расходовъ? Оставь онъ эту сумму т. е. 720,000 руб. въ дѣлѣ, не пришлось бы выпускать столько билетовъ и неоконченный расчетъ былъ бы покрытъ и настоящаго дѣла бы не было. При такомъ положеніи дѣлъ, счетовъ, и разсчетовъ, я невольно

спрашиваю себя: отчего Шенъянъ ставить себя въ такое положение относительно Оболенского, будто онъ, опытный банковый дѣлецъ, былъ увлеченъ не дѣльцомъ помѣщикомъ въ невыгодную сдѣлку и что банкъ былъ увлеченъ къ погибели Оболенскимъ. Неужели Оболенскій можетъ быть уподобленъ коварному обольстителю, а кронштадтскій банкъ неопытной дѣвицѣ. Мне кажется не трудно решить, кто кого увлекъ. Едва ли князь Оболенскій могъ увлечь кронштадтскій банкъ, который утратилъ свою невинность слишкомъ давно. До знакомства Шенъяна съ княземъ Оболенскимъ въ банкѣ ничего не оставалось кромѣ вывѣсокъ.

Теперь я перехожу къ существеннѣйшей части моей защиты, касающейся того, зналъ ли, могъ ли знать князь Оболенскій о томъ, что реализуетъ вкладные билеты подложные, преступные.

Можно доказывать всякие факты, но есть такія обстоятельства, которыя сами по себѣ такъ общезвѣстны, что не требуютъ доказательствъ. Къ числу такихъ относится и тотъ фактъ, что вкладные билеты повсемѣстно, въ Петербургѣ выдавались подъ векселя и реализовались, и никто никогда не возбуждалъ досего времени вопроса объ ихъ подложности. Я обратилъ вниманіеваше на этотъ предметъ потому, что вамъ надо ставить свой приговоръ о виновности человѣка въ зависимости отъ того, могутъ ли быть вообще вкладные билеты признаны подложными или нѣтъ. Вамъ въ первый разъ приходится слышать подобное обвиненіе и въ нашей практикѣ первый разъ подобный вопросъ доходитъ до суда. Какимъ же образомъ обвиняемый могъ знать, что онъ участникъ подлога, когда вокругъ него дѣлали открыто то же, что и онъ и никто никогда не возбуждалъ вопроса не только о преступности, но даже о предосудительности подобнаго рода дѣйствія. Какимъ образомъ частный человѣкъ могъ знать, что дѣлается въ банкѣ? Законъ не могъ руководить его дѣйствіями. Прямого закона на этотъ слу-

чай нѣть и вамъ въ первый разъ придется разрѣшать вопросъ о виновности кн. Оболенскаго не на основаніи точнаго закона, а по сомнительной аналогіи. Мне придется сказать однако нѣсколько словъ о тѣхъ доказательствахъ, имѣющихъ въ дѣлѣ, касающихся вопроса вкладныхъ билетовъ подъ векселя и оправдывающихъ кн. Обол. въ отношеніи предположенія, что онъ могъ знать, что совершаеть преступленіе. Я могу сказать, на основаніи свидѣтельскихъ показаній Баранова и другихъ, что то присутственное мѣсто, которое находится всего ближе къ банковому дѣлу, кредитная канцелярія и министръ финансовъ, не только знали, но допускали выдачу вкладныхъ билетовъ подъ учетъ векселей. Если же не такъ, то почему же обвиненіе не спросило министра финансовъ? Этотъ запросъ могъ быть сдѣланъ официальнымъ путемъ, вопросъ этотъ былъ бы дебатированъ въ министерствѣ и намъ не пришлось бы разбирать его теперь. Мы знаемъ, что боровическая дорога получила официальное разрѣшеніе представить залогъ на сумму нѣсколькихъ сотъ тысячъ вкладными билетами кронштадтскаго банка. Мы знаемъ также объ официальномъ разрѣшеніи кредитною канцеляріею представленія вкладныхъ билетовъ на 700 т. Самсоніевскому заводу. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о знаніи кредитною канцеляріею выпуска вкладныхъ билетовъ подъ векселя, ибо зачѣмъ было испрашивать разрѣшенія на представление вкладныхъ билетовъ, когда у лицъ, нуждавшихся, въ залогахъ были наличные деньги. Наконецъ и покупка государственнымъ банкомъ въ 1877 г. вкладныхъ билетовъ кроншт. банка по 70 коп. за рубль фактъ также знаменательный. Какія же улики въ знаніи о подложности билетовъ? Противъ всѣхъ нашихъ объясненій, обвиненіе ставить причину письмо отъ 13 июня 1878 г., въ которомъ кн. Оболенскій пишетъ Шенъяну: «обѣщаю реализировать вкладные билеты безъ огласки». Въ этомъ обѣщаніи

дѣлать тайно, обвиненіе видѣть сознаніе преступности дѣйствія. Минѣ кажется, что тутъ нѣтъ никакой улики. Если продаются какія нибудь цѣнныя бумаги, то это по большей части дѣлается безъ огласки. Для того чтобы реализовать бумаги выгодно, огласка всегда бесполезна, всегда излишня. Если будетъ извѣстно, что выпущено много бумагъ на продажу, то цѣнность ихъ всегда падаетъ. Общая сумма вкладныхъ билетовъ, которые были выпущены кронштадтскимъ банкомъ, которые фигурировали въ разныхъ дѣлахъ была велика и огласка могла понизить кредитъ банка. Таково единственное письмо, въ которомъ обвиненіе желало найти улику въ томъ, что кн. Оболенскій зналъ, что совершаеть незаконное дѣло. Но мнѣ кажется, что взять на миллионы вкладныхъ билетовъ, трудно скрыть эту операцию. Оболенскій никогда не скрывалъ того, что дѣлалъ и не имѣлъ причины скрывать этого. Затѣмъ ему ставится въ улику еще то, что онъ въ депешахъ называетъ вкладные билеты «зелеными», «красными»; они были такого цвета, слѣдовательно въ этихъ названіяхъ нельзѧ видѣть что нибудь особенного, точно также, какъ нельзѧ видѣть что нибудь преступное въ названіи трехрублевыхъ кредитныхъ билетовъ — зелеными, и десятирублевыхъ — красненькими бумажками. Кромѣ того кн. Оболенскій не могъ знать о критическомъ положеніи дѣль кронштадтского банка до самого конца 1876 г. Вѣдь и госуд. банкъ въ 1876 и 1877 гг. оказалъ кредитъ на 500 или 600,000 р. кронштадтскому банку. Если это государственное учрежденіе считало себя въ правѣ оказывать кредитъ — а кредитъ давался кронштадтскому банку подъ учетъ представленныхъ имъ векселей въ формѣ ссуды, какъ же могъ кн. Оболенскій, частный человѣкъ, знать, что это учрежденіе въ дурномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что когда онъ вступилъ въ отношенія съ кронштадтскимъ банкомъ, онъ имѣлъ право и

основаніе считать свое дѣло, т. е. подрядъ сухарей выгоднымъ, да таковыми и считали его члены правленія, которые разсчитывали, что Шеньянъ наживется на подрядѣ и поправить дѣла банка. Я полагаю, что вы неможете признать, что кн. Оболенскій имѣлъ представление о преступности дѣйствій, которыя совершаель реализаціе билетовъ. Если вы признали бы реализацію билетовъ подъ учетъ векселей сдѣлкой недозволенной закономъ, то не можете признать, что кн. Оболенскій съ достовѣрностью зналъ о незаконности такого рода дѣйствій и, слѣдовательно, совершилъ бы преступленіе.

Минѣ остается сказать еще о гражданскомъ иску. Здѣсь представлено много иску, вытекающихъ изъ разныхъ основаній. Главнымъ образомъ предъявлены иски по вкладнымъ билетамъ, составляющимъ предметъ обвиненія. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что главный истецъ — конкурсное управление кронштадтского банка признавало и признаетъ подлежащими удовлетворенію по соразмѣрности изъ массы, всѣ вкладные билеты, выданные подъ учетъ векселей и проведенные по книгамъ банка. Такъ что взглядъ конкурснаго управления находится въ противорѣчіи съ обвиненіемъ. Г. Герардъ получилъ изъ конкурса свой вексель обратно, представивъ вкладной билетъ, также дѣлали гг. Барановъ и Шапиро; дѣлали и другіе. Представитель Черногоріи предъявляетъ здѣсь иску на 7 билетовъ. Изъ нихъ 2 признаны конкурснымъ управлениемъ и отнесены къ 1-му роду 2-му разряду, одинъ опровергается, какъ безвалютный. Такова одна часть гражданскихъ истцовъ, представившихъ основанія не вкладные билеты, но юридическая основанія иска, которая расходится съ обвиненіемъ. Что же касается другой части гражданскихъ истцовъ, то они касательства къ кн. Оболенскому имѣть не могутъ, такъ какъ относятся къ растратѣ вкладовъ на храненіе и кн. Оболенскому не можетъ быть поставлено даже въ нравственную, не

только въ юридическую вину, что онъ принималъ косвенное участіе въ расхищениі кронштадтскаго банка, потому что въ то время, когда онъ познакомился съ банкомъ, въ немъ почти ничего небыло и банкъ разсчитывалъ поправиться на средства кн. Оболенскаго. Это признается въ обвинительномъ актѣ.

Въ копіи обвинительного акта, выданной Оболенскому, сказано: въ 1878 г. банкъ существовалъ растратою вкладныхъ билетовъ. Я, признаюсь, не могъ признавать правильности такого юридического опредѣленія, какъ «растата вкладныхъ билетовъ», которые признаются обвиненіемъ «подложными». Но дѣло въ томъ, что для меня важно признаніе обвиненіемъ, отсутствія въ кассѣ банка какихъ либо наличныхъ денегъ съ 1876 г. Это доказываетъ только то, что дѣятели кронштадтскаго банка ничего, кромѣ убытковъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не имѣли и что имъ нужно было чѣмъ нибудь восполнить свои недочеты, а выполняли они эти убытки изъ дѣлъ кн. Оболенскаго, отъ котораго это скрывали до тѣхъ поръ, пока было возможно скрывать.

Что касается главнаго истца, главнаго противника кн. Оболенскаго, повѣренного конкурснаго управлѣнія кронштадтскаго банка, то я долженъ сказать, что его выгода дѣйствительно находится въ прямой зависимости отъ признанія подложными вкладныхъ билетовъ. Это разомъ сократитъ претензіи на $2\frac{1}{2}$ мил. по вкладнымъ билетамъ, которые конкурсъ считаетъ по всей вѣроятности рубль за рубль, потому что иначе не могло быть несостоятельности кн. Оболенскаго на 5,000,000 р. Можно сказать: зачѣмъ это такъ? Но выгоды конкурса еще не достаточная причина, чтобы гражданское дѣло превращать въ уголовное. Раздѣляться въ одинъ разъ со всѣми вкладными билетами, признавъ ихъ подложными здѣсь, на судѣ уголовномъ, можетъ быть очень пріятно и удобно для конкурса,

но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы споръ о дѣйствительности вкладныхъ билетовъ, въ порядкѣ уголовномъ, который въ настоящее время предъявляетъ конкурсное управлѣніе, представлялся правильнымъ и законнымъ. Споръ Оболенскаго съ конкурснымъ управлѣніемъ по вкладнымъ билетамъ, да и вообще всѣ претензіи частныхъ лицъ къ конкурсному управлѣнію должны бы были быть разобраны въ судѣ гражданскомъ. Тамъ настоящее ихъ мѣсто. Тамъ эти споры и разбирались до сихъ поръ. Вы слышали отъ свидѣтелей и видѣли изъ документовъ, что конкурсъ предъявилъ на 650,000 р. векселей къ кн. Оболенскому. Векселя эти были выданы Оболенскимъ взамѣнъ вкладныхъ билетовъ. И въ коммерческомъ судѣ и въ сенатѣ производились дѣла между Оболенскимъ и конкурсомъ банка. Оболенскій просилъ только о зачетѣ вкладныхъ билетовъ за векселя. Конкурсъ спорилъ противъ этой просьбы, основываясь на томъ, что вкладные билеты были неправильно проведены по книгамъ и несоответствовали векселямъ. Дѣла эти производились и въ коммерческомъ судѣ и сенатѣ, и были рѣшены въ пользу конкурса. Но во всѣхъ этихъ спорныхъ дѣлахъ ни въ коммерческомъ судѣ, ни въ сенатѣ не говорилось о подлогѣ. Взглядъ конкурса былъ слѣдовательно соблюденъ и безъ уголовнаго дѣла. Почему же въ такомъ порядкѣ не могутъ быть разъяснены и другія дѣла по вкладнымъ билетамъ? Самая претензія конкурса въ настоящемъ видѣ представляется не совсѣмъ простою и ясною.

Несомнѣнно видно изъ дѣла, что изъ средствъ кн. Оболенскаго было уплачено до 400,000 р. наличными кронштадтскому банку предъявленные за билеты, но между тѣмъ эти деньги не принимаются въ расчетъ конкурсомъ; не принимаются и другія 350 т., которыхъ уплачены Оболенскимъ въ разныя провинціальныя учрежденія за счетъ банка. Конкурсъ получилъ

отъ интенданства за счетъ кн. Оболенского до 30,000 р. они не принимаются въ разсчетъ. Все это убытки невозвратимые для Оболенского. Наконецъ слѣдуетъ вспомнить и о мировой сдѣлкѣ, которая проэкттировалась между конкурсомъ и Оболенскимъ и о тѣхъ $1\frac{1}{2}$ миллионахъ, которые выкуплены Оболенскимъ и лежать здѣсь на столѣ. Конкурсъ согласился возвратить всѣ векселя Оболенскому и получить съ него $1\frac{1}{2}$ мил. выкупленныхъ вкладныхъ билетовъ, но онъ требовалъ еще 30,000 р. наличными изъ интенданства. Оболенскій требовалъ наличные деньги себѣ; изъ-за этого пункта разошлась и вся мировая. Если бы она была заключена, не было бы дѣла, а не состоялась она изъ за спора о 30,000 р., который тѣмъ не менѣе конкурсъ получилъ и не ставитъ въ счетъ Оболенскому, а требуетъ теперь съ него по векселямъ 600,000 р. и не признаетъ вкладныхъ билетовъ. При такомъ положеніи взаимныхъ счетовъ и разсчетовъ трудно признать въ дѣлѣ характеръ уголовный.

Въ концѣ концовъ нельзя не припомнить словъ Шеньяна, сказанныхъ здѣсь на судѣ: «Если бы князь Оболенскій возвратилъ билеты и выдалъ векселя, ну, тогда я бы остался ему долженъ 120,000 руб. или больше. Я не настаиваю, однако, на томъ, кто кому долженъ, потому что въ настоящемъ судопроизводственномъ порядкѣ рѣшительно невозможно выяснить тѣ разсчеты, которые касаются большого дѣла, миллионовъ, непризрачныхъ, но дѣйствительно полученныхъ изъ интенданства Шеньяномъ. Были ли они сполна истрачены на сухарное дѣло — намъ неизвѣстно. Невольно все-таки приходитъ на память экспертиза, свидѣтельствующая о томъ, что 720,000 р. наличныхъ денегъ были уплачены Шеньяномъ банку въ 1878—1879 гг. Я повторяю, что по отношению къ вкладнымъ билетамъ князь Оболенскій дѣйствовалъ добросовѣстно по отношению къ себѣ, онъ думалъ, что дѣлалъ вещь законную.

Прокурорскій надзоръ сначала ставилъ ему въ вину, что его векселя количественно недостаточно обезпечивали вкладные билеты; кн. Оболенскій старался доказать противное и доказалъ это; потомъ вдругъ обвиненіе измѣнилось, ему стали говорить, что хотя векселей и было бы достаточно, но подлогъ все-таки существуетъ, независимо отъ количества векселей. Чему держаться, я теперь ужъ не знаю. Въ настоящее время нами было доказано, что векселей было выдано на сумму достаточную, что были даны и бланки, найденные въ банкѣ на 750,000 и что не вина Оболенскаго, если правление не прописало ихъ, что, наконецъ, выдавались и наличные деньги, и что затѣмъ вкладные билеты были совершенно правильные по формѣ. Все это доказано, но прокуроръ все-таки продолжаетъ обвинять князя Оболенскаго. Я уже указалъ вамъ, гг. присяжные, что закона, прямо относящагося къ настоящему случаю, нѣть, что вамъ представляется необходимымъ разрѣшить по отношению къ вкладнымъ билетамъ и законности ихъ выдачи подъ векселя, такъ сказать, законодательный вопросъ. Между тѣмъ, для правильного разрѣшенія всякаго судебнаго уголовнаго дѣла необходимо прежде всего законъ, который бы предусмотрѣлъ то преступное дѣяніе, за которое преслѣдуется обвиняемый. Я хорошо знаю князя Оболенскаго и имѣю право утверждать, что ему бы и не пришло въ голову брать и реализовать вкладные билеты, если бы былъ ясный законъ, который бы указывалъ ему въ подобномъ дѣяніи служебный подлогъ. Самый ходъ предварительного слѣдствія указываетъ на неправильность обвиненія. Въ теченіе всего предварительного слѣдствія дѣло принимало самая противоположная направленія. Говорю объ этомъ со словъ подсудимаго Оболенскаго, высказанныхъ здѣсь на судѣ передъ вами и которымъ нѣть причины не довѣрять. Въ теченіе 2 лѣтъ Оболенскій допрашивался какъ свидѣтель и, не взирая на

домогательства конкурса, судебная власть не находила въ дѣйствіяхъ Оболенского ничего преступнаго. Прокурорскій надзоръ не находилъ возможнымъ составить обвинительного акта. Потомъ съ 1881 года все круто вдругъ измѣнилось и въ тѣхъ же обстоятельствахъ прокурорскій надзоръ сталъ видѣть преступленіе. Я не могу не питать увѣренности, что почтенный представитель обвинительной власти, требующій отъ васъ, гг. присяжные, осужденія князя Оболенского, искренно убѣждень въ его виновности и въ преступности его дѣйствій. Но я теперь видѣлъ и то, что другія судебнага власти въ тѣхъ же обстоятельствахъ не видѣли ничего преступнаго. Наконецъ, я видѣлъ дѣйствія другихъ правительственныехъ мѣстъ и лицъ (государственный банкъ, кредитная канцелярія), направленныя къ поощренію въ иныхъ случаяхъ тѣхъ самыхъ дѣйствій, которыя преслѣдуются какъ преступленіе въ настоящемъ дѣлѣ. При такомъ положеніи вещей, какъ русскій гражданинъ, я не могу не чувствовать глубокаго смущенія, какъ намъ дѣйствовать, какъ же поступать, чтобы не впасть въ гибельную ошибку? Гдѣ же законъ, ограждающій свободу гражданина? Всякий законъ долженъ быть ясенъ, это его необходимое условіе, если онъ касается даже самыхъ мелочныхъ условій жизни — ширины улицы или освѣщенія черныхъ лѣстницъ. Но тѣмъ болѣе долженъ быть ясенъ законъ уголовный, отъ которого зависятъ жизнь, свобода, благосостояніе, имущество гражданъ. Законъ уголовный долженъ быть видною оградою, поставленной на опасномъ мѣстѣ, а не капканомъ, подброшеннымъ на большой дорогѣ. Я полагаю, гг. присяжные, что если бы былъ ясный законъ, то настоящаго дѣла не было бы. Нельзя ставить въ упрекъ князю Оболенскому, что онъ обманывалъ людей. Если бы это была правда, то изъ Тулы, гдѣ онъ жилъ, родился, дѣйствовалъ какъ общественный дѣятель и гдѣ слѣдовательно его ближе всего знали, не

явились бы голоса защиты. Сто десять уважающихъ себя лицъ, съ губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ, зная и прошлое Оболенского, не отказали ему въ нравственной поддержкѣ, высказавъ ему свое довѣріе и уваженіе въ открытомъ письмѣ. Вспомните заключительныя слова этого письма: «Внѣшнія обстоятельства могли сложиться неблагопріятно для васъ, но мы пребываемъ увѣрены, что иамѣрено вы не могли совершить недостойный поступокъ. Дай Богъ поселить вамъ тѣ же убѣжденія въ вашихъ судьяхъ!» Я быль бы очень счастливъ, еслибы мнѣ удалось быть вѣрнымъ передатчикомъ ихъ чувствъ и вселить въ васъ это убѣженіе!

Присяжныи повѣренныи князь Урусовъ. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Когда защита на пятнадцатый день судебнаго засѣданія является передъ вами, когда ей предстоитъ повторить въ сущности соображенія, только-что выслушанныя вами по этому предмету, вы поймете, на сколько ея задача затруднительна. Мнѣ приходится, такъ сказать, подбирать крохи и осколки, которые остались отъ защиты князя Оболенского, и преподносить вамъ эти осколки, стараясь составить изъ нихъ одно цѣлое.... Вы поймете, гг. присяжные засѣдатели, что вполнѣ сознавая то утомленіе, которому вы подверглись, и то утомленіе, которому подвергаются судьи, моя задача должна ограничиться тѣмъ, чтобы испросить у васъ вниманія, хотя на небольшой промежутокъ времени. Если я съумѣю заставить васъ выслушать меня безъ видимаго утомленія, это будетъ для меня наградою и успѣхомъ, — на большее я и не претендую. Все, здѣсь происходившее, должно было создать въ васъ одно убѣженіе, что здѣсь судятся лица, участвовавшія въ погибшемъ банкѣ и судятся еще двое постороннихъ. Я думаю, если у васъ это впечатлѣніе должно было явиться съ самаго начала судебнаго слѣдствія, если вы думали, что въ теченіе

процесса выяснится виновность этихъ двухъ постороннихъ лицъ, то теперь, когда насталъ пятнадцатый день засѣданія, а доказательствъ виновности ихъ все еще нѣтъ, то нужно полагать, что и на пятнадцатый и на семнадцатый ихъ не будетъ. И дѣйствительно, я не разъ спрашивалъ себя, какая причина необычайной продолжительности настоящаго процесса. Я думаю, что одна изъ главныхъ причинъ заключается въ томъ, что къ процессу уголовному пристегнуто нѣчто вовсе не уголовное: такъ, какъ привѣсокъ какой-то, для красоты. Къ вопросу уголовному, который подлежитъ вашему разсмотрѣнію, напр. виновны ли директора въ растратѣ ссумъ банка, въ безпорядкѣ по счетной части, къ вопросамъ простымъ, въ которыхъ управление банка признало себя виновнымъ, притянуть за волоса вопросъ совершенно другой, вопросъ гражданскій. Напр. расчеты князя Оболенского съ Шенъяномъ, кто изъ нихъ кому долженъ и сколько? или другой вопросъ: состоитъ ли князь Оболенскій у конкурса банка въ долгу или, какъ утверждаетъ князь Оболенскій, конкурсъ банка ему долженъ? Развѣ здѣсь мѣсто для разбора подобныхъ расчетовъ, для которыхъ у насъ есть совершенно другіе залы суда. Вотъ недалеко отсюда, въ этомъ же этажѣ помѣщается IV, V, VI отдѣленіе окруж. суда, вотъ туда пожалуйте, тамъ можно разобраться; туда приносятся документы, тамъ выслушиваются объясненія сторонъ, и если недовольны решениемъ, то отправляются въ судебнную палату. Въ двухъ инстанціяхъ, осмотрительно, съ документами въ рукахъ, безъ запальчивости и укорительныхъ выражений — такъ-то судять дѣла гражданскія. Затѣмъ, въ нашемъ дѣлѣ есть еще вопросы коммерческие; для нихъ есть опять новое зданіе на Фонтанкѣ, въ коммерческомъ судѣ — тамъ разбирайтесь! А недовольны идите въ IV департаментъ сената. На все свои порядки есть. Скажите, зачѣмъ же въ III-мъ уголовномъ отдѣленіи суда,

гдѣ рѣшаются вопросы о наказуемости людей, вдругъ разбираются вопросы гражданскаго и коммерческаго права? Если нельзя требовать отъ представителей прокуратуры, какъ не специалистовъ гражданскаго права, чтобы они излагали вполнѣ безукоризненно свои воззрѣнія на спорные вопросы, то можно желать и требовать, чтобы присяжныхъ засѣдателей не утруждали расчетами по документамъ и книгамъ, которые велись кое-какъ, которые частью представлены въ судѣ, частью исчезли. Можно бы выразить желаніе, чтобы сомнительные и спорные вопросы не рѣшались съ плеча, безъ дальнихъ справокъ и чтобы рискованные выводы недолгихъ размышеній не выдавались за безспорныя истины, на основаніи которыхъ «требуютъ» отъ васъ обвинительного приговора, какъ будто можно его требовать! Я сказалъ, что въ данномъ дѣлѣ есть двоякаго рода вопросы: уголовные и гражданскіе, и послѣдняя моя надежда заключается въ томъ, что въ заключительномъ словѣ предсѣдательствующаго въ засѣданіи, раздастся наконецъ авторитетное разъясненіе различія этихъ вопросовъ. Можетъ быть вамъ будетъ указано, гг. присяжные засѣдатели: вотъ эти вопросы подлежатъ вашему разрѣшенію, а вотъ эти-то счеты, кто кому долженъ, это — вопросы посторонніе и вы можете не принимать ихъ во вниманіе при опредѣленіи вины подсудимыхъ. Дѣйствительно, гг. присяжные засѣдатели, если вы примѣните этотъ упрощенный взглядъ къ дѣлу, то для васъ самъ собою рядъ подсудимыхъ распадется на двѣ группы. Въ одной вы увидите дѣятелей банка, въ другой постороннія фигуры заемщиковъ, подмалеванныя гдѣ-то на углу полотна, и вы увидите, что слить ихъ во едино невозможно, это было бы то же самое, что привлекать пассажировъ поѣзда, который подвергся крушенню, къ ответственности за это крушенніе, наравнѣ съ машинистомъ и начальствомъ дороги, или ловить на улицѣ

проходихъ, обвиняя ихъ въ томъ, что слишкомъ близко подходили къ лопнувшему банку. Это пріемъ искусственный, незаконный, пріемъ, который, нужно надѣяться, не будетъ часто повторяться у насъ въ судахъ, потому что если разовьется такая практика, то нужно думать, что для цѣлей и достоинства правосудія въ будущемъ оно особенной службы не сослужить. И такъ я говорю, что здѣсь двѣ группы подсудимыхъ, и если вы внимательнѣе присмотритесь къ нимъ, то увидите, что группа банковыхъ дѣльцовъ въ свою очередь распадается на двѣ. Вы видите, что на верхнемъ концѣ скамы размѣстился персоналъ правленія, рядомъ съ нимъ персоналъ подчиненныхъ, исполняющихъ приказаніе начальства. Между той и другой группою случайно попался художникъ, музыкантъ, непринадлежащій ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: ни къ группѣ управляющихъ, ни къ группѣ управляемыхъ и не имѣющій никакого понятія о банковыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ разобраться въ настоящемъ дѣлѣ не представляется особенного труда; но совершенно иное дѣло, если вы станете на почву, на которую вѣсъ пригласилъ послѣдовать за нимъ товарищъ прокурора. Если вы хотите разобраться въ гражданскихъ отношеніяхъ этихъ лицъ, хотите на себя взять роль суды и, какъ говорили вамъ нѣкоторые изъ гражданскихъ истцовъ, если вы захотите рѣшать вопросы, не касающіеся виновности, то вы натолкнетесь на не-примиримья противорѣчія. Правда, у васъ могутъ остаться въ памяти нѣкоторыя цифры, но съ этимъ недостаточнымъ багажемъ пускаться въ путь было бы крайне рискованно. Можетъ быть вы припомните, что по заключенію экспертовъ, билеты, выданные на предъявителя 3-го февраля, однимъ членомъ записаны на имя Оболенскаго на 1.300,000 р., тогда какъ изъ дѣла видно, что билеты брались не въ одинъ разъ, выдавались князю Оболенскому подъ особыя расписки и притомъ подъ надлежащее обезпеченіе, подъ векселя.

Если же они записывались разомъ на такую громадную сумму, которая не соответствуетъ остальнымъ документамъ въ дѣлѣ, то отсюда можно заключить, что счетоводство по операциіи вкладныхъ билетовъ велось кое-какъ. Операциіи записывались когда Богъ на душу положить и все дѣло вообще со стороны банка велось спустя рукава. Или вспомните, напр., по книгамъ Сутутина о сухарной операциіи значится за конецъ января на Оболенскаго однимъ числомъ выдача 900,030 вкладныхъ билетовъ. И замѣтьте, что все это записывается за нѣсколько дней до краха банка. Съ другой стороны вы слышали, что конкурсъ банка требуетъ съ Оболенскаго 2.300,000. Но вы, конечно, помните, что предсѣдатель конкурса, присяжный повѣренный Бѣлецкій объяснилъ намъ, что князь Оболенскій предлагалъ конкурсу принять отъ него на полтора миллиона вкладныхъ билетовъ и просилъ возвратить ему на эту сумму его векселей. Казалось бы, что можетъ быть справедливѣе этого требованія. Однако предсѣдатель конкурса Бѣлецкій, онъ же и гражданскій истецъ, отвѣтилъ князю Оболенскому отказомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти вкладные билеты будто бы составляютъ продуктъ преступленія. Но это пустая отговорка. Вѣдь предметъ уголовного разслѣданія не самый билетъ, а фактъ его выдачи. Разъ билеты выданы подъ векселя, а я вамъ возвращаю билеты, то вы должны мнѣ возвратить векселя. Позвольте намъ разсчитаться, какъ вы разсчитались съ Герардомъ и другими. Гг. присяжные, я, конечно, не допускаю мысли, чтобы здѣсь былъ интересъ лицъ, завѣдующихъ конкурсомъ, хотя они получаютъ известный процентъ съ массы. Я допускаю, что здѣсь дѣйствуетъ неудержимое, безкорыстное желаніе угодить правосудію, вслѣдствіе этого необмѣненные вкладные билеты лежать здѣсь на столѣ вещественныхъ доказательствъ. А прис. повѣр. Потѣхинъ въ то же время скорбить, что на его душѣ лежитъ 2.300,000 руб.

нашего долгу, когда ему, какъ бывшему куратору конкурса, такъ легко было бы уговорить г. Бѣлецкаго облегчить его страданія. Изъ всѣхъ безконечныхъ счетовъ и расчетовъ Оболенскаго, для меня выясняются только иѣкоторые отдѣльные моменты, но я не буду утруждать васъ выясненіями и выкладками и только попрошу позволенія коснуться одного вопроса. Здѣсь говорилось нѣсколько разъ, что князь Оболенскій представилъ на 750,000 р. вексельныхъ бланковъ и что эти бланки никакой цѣны не имѣютъ. Этотъ фактъ нельзя забыть, онъ чрезвычайно хорошо рисуетъ, какъ смотрѣло правленіе кронштадтскаго банка на свои обязанности и на интересы банка. Когда вы выдаете на себя обязательство въ видѣ вексельного бланка и ставите на немъ свою подпись, то пока не прописанъ текстъ, онъ дѣйствителенъ, но если прописанъ текстъ, онъ дѣлается для васъ безспорнымъ документомъ. Вексель будетъ протестованъ и по немъ будутъ взыскивать деньги. Слѣдовательно, эти бланки 750,000 руб. были вполнѣ обязательнымъ документомъ для князя Оболенскаго. Развѣ онъ могъ угадать, что Ландвагенъ не удосужится самъ и даже не потрудится заставить писца прописать эти тексты. Теперь вы оцѣните гг. присяжные, насколько было основательно замѣчаніе защитника Ландвагена, что лучше было бы, если бы князь Оболенскій прислалъ намъ три мѣры каменного угля, чѣмъ эти ничего не стоящія бланки. А я скажу: лучше было бы Ландвагену найти нѣсколько свободныхъ минутъ и пополнить эти бланки текстомъ. Тогда кронштадтскій банкъ имѣлъ бы лишнихъ 750,000 р. въ рукахъ. А вѣдь это почти миллионъ, который, конечно, пригодился бы банку въ конкурсъ князя Оболенскаго. Итакъ, вотъ въ какомъ мы положеніи находимся, какъ мы разберемся въ гражданскихъ дѣлахъ и во взаимныхъ претензіяхъ. Не лучше ли оставить ихъ просто, оставить въ сторонѣ и перейти къ вопросамъ

чисто уголовнымъ. Когда дѣло доходитъ до уголовныхъ вопросовъ, то вы замѣтили, что происходило на судѣ. Всѣ сваливаютъ съ себя отвѣтственность на двухъ лицъ: князя Оболенскаго и Суздальцева, и говорятъ, что это они виноваты, они соблазнили иѣкоторыхъ директоровъ банка и вовлеки ихъ въ такія невыгодныя сдѣлки. Сразу это кажется чрезвычайно страннымъ. Почему? Вѣдь эти лица простыя заемщики, которые по закону не могутъ знать и дѣйствительно не знали подробностей банковыхъ операций, такъ какъ уставъ банка § 46 предписываетъ сохраненіе коммерческой тайны. Заемщики тутъ причемъ? И кто станетъ дѣлать дѣла съ такимъ банкомъ, который заявить своему заемщику, что положеніе его отчаянное и безвыходное? Впрочемъ, ожесточеніе противъ князя Оболенскаго объясняется совершенно иначе. Два съ половиной года князь Оболенскій былъ только свидѣтелемъ по этому дѣлу, но вотъ наступилъ какой-то несчастный день и князь Оболенскій, который наканунѣ легъ спать полноправнымъ гражданиномъ, проснулся уголовнымъ преступникомъ, хотя ничего въ это время не совершилъ, хотя никакого факта къ дѣлу не прибавилось. Почему же ему стала угрожать отвѣтственность за мошенничество? Что же онъ сдѣлалъ въ это время? Да ровно ничего. Какимъ же образомъ онъ былъ вчера невиннымъ человѣкомъ, а сегодня оказался настолько виновнымъ, даже такимъ преступникомъ, съ которымъ представитель обвинительной власти совершенно несогласится, третируетъ его, сравнивая прямо съ ворами и мошенниками. Что же измѣнилось? Да измѣнился взглядъ прокурорского надзора, больше ничего, факты остались тѣ же самые. Дѣлать нечего. Вы знаете, что заключеніе обвинительной камеры, къ сожалѣнію, нельзя обжаловать отдельно отъ кассаціи. Мы преклоняемся передъ этимъ заключеніемъ, но считаемъ его неправильнымъ и будемъ это доказывать всѣми представленными намъ

способами. А пока позвольте указать вамъ на примѣръ гражданского дѣла, неправильно поставленного на уголовную почву. Представте себѣ, что передъ вами за рѣшѣткой сидѣлъ человѣкъ. Читаютъ обвинительный актъ: такой-то обвиняется въ томъ, что занявъ у такого-то деньги и выдавъ вексель, обѣщалъ ему уплатить въ такой-то срокъ, но по наступленіи этого срока не уплатилъ. Признаете ли вы себя виновнымъ? Нѣтъ. Я занялъ деньги и выдалъ вексель. Это дѣло гражданское. И вотъ обвинитель доказываетъ, что обвиняемый дурной человѣкъ, что и прежнѣе то его поведеніе было предосудительное, нечестное, преступное. Подсудимый, конечно, смущенъ, растроянъ, сбитъ съ толку. Минутами ему кажется: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не преступникъ ли я? Онъ защищается какъ можетъ, противорѣчить самъ себѣ и все твердитъ, что дѣло гражданское, что у него нѣтъ денегъ, но что онъ заплатить и что тутъ нѣтъ преступленія? Ему отвѣ чаютъ: гражданское оно или уголовное это другой вопросъ, который до гг. присяжныхъ не касается, а вотъ лучше разберемъ вашу прошлую жизнь. И разбираютъ и позорятъ ее, эту прошлую жизнь, позорятъ сколько угодно, и замѣтьте, безъ всякаго отношенія къ предмету обвиненія, позорятъ потому, что опозореннаго, нравственно убитаго человѣка легче обвинить, чѣмъ честнаго. Положеніе такого не исправнаго плательщика, гг. присяжные кажется безвыходнымъ и примѣръ мой, спѣшу прибавить, фантастической; но если присмотрѣться къ нему попристальнѣе, то право это фантастическая исторія представляеть много сходнаго съ дѣломъ о князѣ Оболенскомъ. Онъ заемщикъ банка, оказавшійся неисправнымъ плательщикомъ на неизвѣстную впрочемъ сумму. Но всю вину сваливаютъ на князя Оболенскаго; Шенъянъ сознавая свою вину въ погибели банка, Шенъянъ «хозинъ дѣла», хочетъ такъ сказать, цѣною обвиненія князя

Оболенскаго облегчить свое положеніе. Другой союзникъ обвиненія, повѣренный банка, ведетъ свою линію. Съ его точки зрѣнія здѣсь главные виновники три лица: Шенъянъ, князь Оболенскій и Суздальцевъ. Виновность Шенъяна отвергать нельзя, такъ какъ онъ самъ въ ней сознался, но почему виновны Суздальцевъ и князь Оболенскій? Да потому, что это лица, съ которыхъ можно что нибудь взять. Это естественно съ точки зрѣнія гражданскихъ истцовъ; но грустно видеть, что Шенъянъ дѣлаетъ то же самое. А почему? Я думаю, что это объясняется пребываніемъ Шенъяна въ тюрьмѣ, где развиваются недобрые инстинкты. Сваливать свою вину на другаго—черта не особенно красивая, но вѣдь въ уголовномъ судѣ приходится считаться не съ добродѣтелями, а со слабостями. Но оставимъ это и обратимся къ положительнымъ доказательствамъ въ дѣлѣ. Къ числу ихъ относится экспертиза. Когда мы разбираемъ на судѣ уголовномъ вопросы гражданскіе, мы обыкновенно встрѣчаемъ необходимость во всемъ, что касается техники банковыхъ дѣлъ, обращаться къ людямъ свѣдущимъ, къ экспертизѣ. Вы слышали гг. присяжные засѣдатели, что авторитетный представитель экспертовъ тайный совѣтникъ Сушковъ даваль вамъ объясненія, которыя, можно сказать, разбили обвиненіе въ прахъ и послѣ экспертизы отъ обвиненія остался одинъ призракъ, ибо все обвиненіе было основано на томъ, что билеты подложны. На этомъ удивительномъ недоразумѣніи построено и обвинительный актъ что же теперь осталось отъ этого обвинительного акта? Эксперты сказали, что билеты, выданные подъ учетъ векселя, не могутъ считаться подложными. Этого достаточно чтобы разрушить всѣ выводы обвиненія. На основаніи 739 ст. уст. уг. с. законъ не дозволяетъ прокурору увеличивать обвиненіе. Но этотъ законъ платонический и, не взирая на экспертизу, позабывъ о ней, обвиненіе продолжаетъ утверждать, что вкладные билеты тѣ самыя,

которые покупались государственнымъ банкомъ, подложны. Но какъ же быть съ экспертизою, съ свидѣтелями? Обвиненіе обошло это затрудненіе, оно просто промолчало экспертизу. Затѣмъ обвиненіе смѣшило двѣ вещи: вклады на храненіе и вклады для обращенія изъ процентовъ. Если бы обвиненіе своевременно ознакомилось съ уставомъ кронштадтскаго банка, оно нашло бы, что это двѣ совершенно различныя операциі: приемъ на храненіе—одна, а приемъ вкладовъ—другая. Уставъ былъ вамъ прочитанъ и обстоятельство это столь важное, столь отчетливо выясненное моими сотоварищами по защите, конечно, не могло укрыться отъ вашего вниманія. Обращаясь къ тому же уставу, обвиненіе могло бы убѣдиться, что и правительство смотрить на эти операциі совершенно различно. Такъ напр. въ § 26 сказано, что билеты банка на внесеніе денежныхъ вкладовъ принимаются въ залогъ по операциямъ по цѣнамъ, которыя будутъ установлены министромъ финансовъ. Но если цѣны на вкладные билеты устанавливаются ежегодно, также какъ и на акціи, то очевидно, что вкладные билеты вовсе не представляютъ собою какую то незыблемую наличность въ кредитныхъ билетахъ ибо министръ финансовъ не можетъ же ежегодно опредѣлять сумму кредитныхъ билетовъ. Г. прокуроръ какимъ-то образомъ просмотрѣлъ это обстоятельство и все время утверждалъ, будто каждый покупатель, у которого есть такой вкладной билетъ, убѣженъ что онъ покупаетъ наличныя деньги. Вотъ что значитъ, когда обвиненіе теряетъ почву и чувство дѣйствительности. Какъ оно не сообразило, что если бы дѣйствительно частные люди покупали эту наличность, то какъ же они могли давать двугривенный за рубль. Я привожу слова обвинителя, хотя онъ и въ данномъ случаѣ допустилъ небольшую неточность: двугривенного за рубль никто не платилъ, а реализація билетовъ проходила при потери двадцати, тридцати копѣекъ, что

не совсѣмъ одно и то же. Ясно, что вкладные билеты покупались, какъ акціи банка и котировались различно. Смѣшивъ приемъ на храненіе, съ приемомъ на вклады, обвиненіе сочло себя совершенно окрѣпшимъ и смѣло доказывало подложность билетовъ, помимо экспертизы, такъ сказать обходилась собственными, домашними средствами, не стѣсняясь ни уставомъ, ни свидѣтелями. Въ объясненіяхъ обвиненія вкрадлось также смѣшеніе понятій о безденежности и подложности. Прокурорскій надзоръ полагаетъ, что если обязательство безденежно, то оно подложно, и даже провозглашаетъ такой принципъ, что всякая неправда въ документѣ, есть подлогъ. Такое опредѣленіе невѣрно и не соответствуетъ закону о не служебномъ подлогѣ; не всякая, а только злонамѣренная неправда входитъ въ составъ преступленія подлога. Провозглашеніе юридическихъ афоризмовъ такого рода по меньшей мѣрѣ рисковано. Напр. въ текстѣ рублевой ассигнаціи сказано, что выдается золотой рубль, но золотого рубля нѣтъ и онъ не выдается. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, ни чтобы рублевый билетъ былъ подложный, ни чтобы онъ былъ безденежный. И такъ, въ обвиненіи господствуетъ смѣшеніе понятій: вкладовъ на храненіе и вкладныхъ билетовъ, безденежность и подложность. Однако, въ этомъ вся суть дѣла. Васъ, гг. присяжные засѣдатели, спросятъ подложны вкладные билеты или нѣтъ? По этому вопросу, можно сказать, что судебнѣе слѣдствіе представляетъ богатый матеріалъ и я распределѣлъ этотъ матеріалъ на восемь доказательныхъ пунктовъ. Вотъ они. Во-первыхъ, я припоминалъ, что двое гражданскихъ исцевъ, которые имѣютъ вкладные билеты, кажется, на сумму 320,000 р., гг. Шнеуръ и Михайловъ признаютъ, что билеты не подложны. Это мое первое сображеніе. Вѣдь какія-нибудь причины у нихъ есть къ такому заключенію. Правда, имъ не удалось объяснить, почему они отвергаютъ подложность, но

все-таки они успѣли выразить весьма ясно, что билеты считаются дѣйствительными. Другое мое соображеніе такое: Есть статья 27, въ уст. гр. суд., которая говоритъ, что когда въ уголовномъ дѣлѣ встрѣчаются гражданскіе вопросы, еще не разрѣшенные гражданскимъ судомъ, напр., когда опредѣленіе преступности дѣянія зависитъ отъ свойства несостоительности обвиняемаго (а здѣсь какъ разъ есть вопросъ о свойствѣ несостоительности князя Оболенского по его еще неоконченному конкурсу), то разсмотрѣніе уголовнаго дѣла пріостанавливается до разрѣшенія спорнаго вопроса судомъ гражданскимъ. На основаніи статьи 27 (я прошу занести эту часть моего объясненія въ протоколь), я полагаю, что въ виду производящагося конкурса о несостоительности князя Оболенского, въ виду того, что свойство этой несостоительности не опредѣлено, въ виду наконецъ производящагося въ общемъ собраніи сената дѣла по спору о безденежности вкладныхъ билетовъ Кронштадтскаго банка, я полагаю, что настоящее дѣло подлежало бы пріостановленію, впредь до разрѣшенія спорныхъ гражданскихъ вопросовъ въ подлежащемъ судѣ: Представьте себѣ, что судъ присяжныхъ скажетъ, «билеты подложны», а сенатъ признаетъ ихъ неподложными, подлежащими зачету. Или судъ присяжныхъ признаетъ билеты подложными, а конкурсъ скажетъ: несостоительность князя — несчастная, а его билеты уплатить слѣдуетъ. Вѣдь это будетъ противорѣчие. Вогъ почему мой второй выводъ такой: пока судъ гражданскій не рѣшилъ, что билеты подложны, для насть этотъ вопросъ представляется сомнительнымъ т. е. такимъ, который слѣдуетъ разрѣшить не въ пользу обвинителя, а противъ него. Третімъ доказательствомъ въ нашу пользу является экспертиза, я на нее уже ссылался. Четвертое доказательство это свидѣтели и притомъ свидѣтели совершенно своеобразные. Напримѣръ, свидѣтель Ба-

рановъ, который явился сюда и въ присутствіи товарища прокурора заявилъ, что онъ дѣлалъ съ вкладными билетами тѣ же операции, что и князь Оболенскій. Нужно же быть послѣдовательнымъ. Это показаніе свидѣтеля Баранова, по моему мнѣнію слѣдовало занести въ протоколъ, дабы впослѣдствіи возбудить противъ Баранова уголовное преслѣдованіе, потому что, если уже посадили на скамью подсудимыхъ одного, то слѣдуетъ посадить и другого, совершившаго тоже самое. Такое соображеніе всецѣло примѣнено и къ свидѣтелю Герарду и ко всѣмъ остальнымъ, которые получали вкладные билеты кронштадтскаго банка подъ векселя. Между тѣмъ оказывается, что всѣ эти лица остались свободными, а князь Оболенскій, говорившій на предварительномъ слѣдствіи тоже самое, что и эти свидѣтели, посаженъ на скамью подсудимыхъ. Спрашивается, гдѣ же тутъ справедливость? Вѣдь показаніе гг. Баранова, Герарда и друг. съ точки зрењія г. прокурора ничто иное, какъ, «явка съ повинною». Почему же оно не занесено въ протоколь? Судить, такъ ужъ всѣхъ судить! А не всѣхъ — значитъ дѣйствія князя Оболенскаго не преступны даже въ томъ случаѣ, если бы они были только сомнительны. Но по моему и сомнительного въ нихъ ничего нѣть и это также исторія, что уголовное дѣло о неплатежѣ въ срокъ по векселю. И такъ вотъ уже три соображенія противъ подложности билетовъ. Затѣмъ есть еще соображеніе практическаго свойства. я говорю объ убѣждениіи, державшемся въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ судебнѣмъ вѣдомствѣ, что князь Оболенскій въ этомъ дѣлѣ представляется только свидѣтелемъ, значитъ его дѣйствія въ такой долгій промежутокъ времени не представлялись преступными, и всѣ операции съ вкладными билетами имъ нисколько съ самаго начала не скрывались. Итакъ, я заключаю, что если кто два съ половиной года предварительного слѣдствія не былъ преступни-

комъ, то существует относительная вѣроятность въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ невиновенъ. Вѣдь нельзя такъ долго заблуждаться въ такомъ вопросѣ, какъ вѣроятность въ преступности. Если она сомнительна, то она не доказана. Но еще лучшимъ доказательствомъ неподложности билетовъ служить практика конкурснаго управления по дѣламъ кронштадтскаго банка. Эта практика обращаетъ на себя особенное вниманіе. Если бы конкурсное управление считало билеты, выданные подъ учетъ векселей, подложными, то не могло дѣлать по нимъ уплаты, или выдавать ихъ обратно въ обмѣнъ векселя, а между тѣмъ конкурсъ уплатилъ по этити билетамъ Герарду, виленскому банку и купцу Андрѣеву, признавъ, что эти билеты правильно задебитованы по книгамъ, а когда обратился съ тѣмъ же князь Оболенскій, представившій на полтора миллиона билетовъ и просилъ о выдачѣ ему на ту же сумму его векселей, то что сдѣлалъ конкурсъ? Конкурсъ отказалъ. Итакъ, конкурсъ производилъ свободный разборъ: одни билеты принималъ, другие браковалъ. Между тѣмъ въ протоколѣ занесено заявленіе гражданскаго истца, что онъ вполнѣ присоединяется къ прокурору по вопросу о подложности вкладныхъ билетахъ. Какже это?

Вѣдь прокуроръ призналъ всѣ билеты подложными, а конкурсъ не всѣ. Какие же билеты правильно задебитованы, а какие неправильно, того судъ уголовный разрѣшить не можетъ. И такъ, явное противорѣчіе, въ которое впалъ гражданскій истецъ, изобличаетъ шаткость обвиненія и гражданскаго иска по вопросу о подложности. Чѣмъ же руководствовался конкурсъ при распределеніи, правыхъ отъ виновныхъ, чѣмъ? Конечно, своими выгодами; выгодами кредиторовъ и конкурснаго управления. Такъ вотъ гдѣ мы должны искать разрѣшенія нашихъ сомнѣній. Вопросъ о законѣ рѣшаеть вклады. И вотъ какъ строятся обвиненія. Вѣдь все, что происходитъ здѣсь, будетъ напечатано. Все это

прочтется и читатели скажутъ: что же это, въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ мы живемъ? Гдѣ ограждающіе насть законы? Занимая деньги въ банкѣ, обязаны ли мы знать это тайны или не обязаны? Неуплативъ въ срокъ, что мы — неисправные должники или уголовные преступники? Слѣдующій мой аргументъ заключается въ томъ, что въ 26-й ст. устава кронштадтскаго банка, которую я вамъ прочелъ, вы видите, что вкладные билеты котируются министромъ финансовъ выше и ниже, смотря по обстоятельствамъ. Странное представление имѣютъ нѣкоторые о кредитныхъ операцияхъ банка, если полагаютъ, что деньги, внесенные подъ вкладные билеты, попадаютъ въ какую-то замуравленную кубышку, изъ которой ихъ нельзя вынимать и въ которой онъ вѣчно хранится въ наличности. Изъ какихъ же средствъ платить банкъ $\%$ по вкладамъ? Банкъ оперируетъ этими деньгами, а всякая операція заключается въ себѣ рискъ, т. е. возможность потери. Всякій банкъ дѣлаетъ обороты, иные удаются, иные нѣтъ. Во всѣхъ отчетахъ сбрасывается со счетовъ тысячи, десятки тысячъ рублей на потери, на учетъ векселей и по другимъ операціямъ. Наконецъ послѣднее мое соображеніе то, что самъ государственный банкъ покупалъ вкладные билеты кронштадтскаго банка по 70 к. за рубль, а никто не являлся сюда гражданскими истцами отъ государственного банка. А если это такъ, если они не признавались подложными государственнымъ банкомъ, то намъ въ настоящее время разсуждать объ этомъ не приходится. Покончивши съ этимъ вопросомъ, у насъ остается еще одинъ вопросъ, но онъ почти падаетъ самъ собою. Это вопросъ о завѣдомости. Конечно, если билеты неподложны, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, знать ли князь Оболенскій о подложности, но если бы даже они были подложны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ обѣ этомъ зналъ, что онъ сбывалъ «завѣдомо-подложные билеты», какъ сказано

въ обвинительномъ актѣ. Представимъ себѣ примѣры. Я заемщикъ банка, я лицо частное. Какъ я могу отвѣтить за дѣйствія правленія? Я получаю билетъ изъ банка. Правильно онъ составленъ или нѣтъ, это дѣло не мое, это дѣло тѣхъ, кто выдаетъ билетъ. Я могу имѣть интересъ въ томъ, чтобы получить этотъ документъ. Мой кредитъ можетъ быть поколебленъ. Я нуждаюсь. Оказывать мнѣ кредитъ или отказывать — это дѣло банка, это его отвѣтственность, а не моя. Моя отвѣтственность передъ нимъ гражданская. Но можно ли себѣ представить, что Шеньянъ открылъ князю Оболенскому всѣ тайны банка? открылъ ему, что съ 1876 года банкъ былъ уже несостоятелъ и только держался путемъ фальшивыхъ отчетовъ. Да кто же сталъ бы при такихъ условіяхъ вступать въ дѣла съ банкомъ. Зачѣмъ? Чтобы совершить преступленіе? Развѣ это небезсмысленно? Какой бы кредитъ ни былъ у князя Оболенского, но вѣдь былъ кредитъ, если былъ у князя сухарный подрядъ на 3 миллиона. Для чего было ему завѣдомо отдавать все банку фиктивному, банку, прямо идущему къ уголовному финалу? Какъ хотите, это непонятно. Чѣмъ доказывается обвиненіе завѣдомость подлога? Обвиненіе чувствуетъ, что это самый слабый пунктъ и вместо доказательствъ, ссылается на два-три обрывка писемъ, на телеграммы, ничего въ сущности не доказывающія. Остальное же восполняется восклицаніями. Я долженъ сказать, что здѣсь повторяется очень обыкновенное явленіе — оптическій обманъ для лицъ, стоящихъ за пюпитромъ обвиненія, которое почему-то называется трибуною — изъ-за этого пюпитра все представляется въ другомъ видѣ, все окрашено уголовнымъ отѣнкомъ: коммерческая тайна.

«Наши», «зеленая» — воровской жаргонъ! Нѣсколько человѣкъ сидятъ вмѣстѣ на скамье подсудимыхъ — очевидно шайка. Люди являются съ незапятнаннымъ прошлымъ — нужно запятнать это прошлое: очевидно, что

съ колыбели въ нихъ назрѣвали преступные инстинкты. И здѣсь произошло тоже самое. Билеты учитываются, продаются безъ огласки, чтобы не уронить ихъ цѣну, продаются «изъ подъ полы» восклицаетъ обвинитель, какъ будто есть обычай въ торговомъ мірѣ провозглашать громогласно: у меня-де есть такія-то бумаги, приходите, покупайте! И здѣсь обвиненіе игнорируетъ жизнь, и здѣсь оно является несвѣдущимъ по всѣмъ вопросамъ дѣйствительной жизни торгового міра. Я увѣренъ, что эти заблужденія обвиненія вполнѣ добросовѣтны; да иначе и быть не можетъ: живя въ сторонѣ отъ дѣйствительности, знакомясь съ торговыми дѣлами на судѣ уголовномъ, неудивительно, если для прокуратуры все окрашивается въ уголовный отѣнокъ. Но уголовная призма вовсе не пригодна для правильнаго изученія экономическихъ явлений и финансовыхъ операций. На судѣ непозволительно отождествлять слова банковскій дѣлецъ и желѣзнодорожный — съ бранными эпитетами и въ размашистыхъ обобщеніяхъ все решать сплеча этими эпитетами, кое-какъ и не справляясь съ доказательствами. Между тѣмъ въ уставѣ банка есть § 46, по коему предсѣдатель, члены правленія и всѣ служащіе въ банкѣ обязаны хранить вътайнѣ все касающееся дѣлъ банка, поэтому я нахожу, что на основаніи писемъ Оболенского къ Шеньяну вовсе нельзя выводить для Оболенского завѣдомости того факта, что банкъ спекулировалъ и оказывалъ кредитъ свыше своихъ средствъ, что банкъ велъ отчаянную игру. Отношенія кн. Оболенскаго къ банку характеризуются отвѣтомъ экспертовъ на вопросъ: какая связь установлена по книгамъ между сухарными подрядами и кронштадтскимъ банкомъ? эксперты отвѣтили: связи никакой. Съ кѣмъ же велъ кн. Оболенскій сухарную операцию? Съ Шеньяномъ. Шеньянъ былъ его компаніономъ, Шеньянъ получалъ деньги изъ интендантства, Шеньянъ доставалъ деньги изъ кронштадтскаго банка. Какъ директоръ,

онъ могъ знать и знать, какія средства у банка, но какъ директоръ—онъ не могъ сообщать о томъ Оболенскому, человѣку постороннему для банка, и заинтересованному въ его дѣлахъ только какъ заемщикъ. Отношенія кн. Оболенского къ Шеньяну чисто дѣловаго характера, само собою разумѣется не должны были принимать характеръ полной дружеской откровенности и искренности, а тѣмъ менѣе преступной солидарности. Но разъ обвиненіе задалось мыслью видѣть во всемъ преступленіе, оно ухватывается за всякую мелочь. Билеты реализовались въ разныхъ городахъ «по всей Россіи», спѣшить заявить обвиненіе, не стѣсняясь преувеличеніями! Очень понятно, что когда приходится реализовать бумаги на значительную сумму, то удобнѣе это дѣлать не въ одномъ мѣстѣ, чтобы избытокъ предложенія не сбить цѣны. Замѣчу мимоходомъ, что желаніе придать этому обстоятельству нѣкоторую картинастость вовлекло обвиненіе въ маленькие промахи. Пересматривая списокъ разныхъ городовъ, я наталкиваюсь въ обвинительномъ актѣ на городъ Александровскъ. Что это за городъ? Справляемся съ дѣломъ — оказывается, что это Александріско-Тульскій банкъ или «Рязанскій банкъ» — можно подумать банкъ въ Рязани, но не Тульское ли это отдѣленіе рязанскаго банка? Это, конечно, мелочи и я на нихъ не настаиваю. Въ такомъ большомъ дѣлѣ легко ошибиться и я менѣе всякаго претендую на безошибочность. Но вотъ нѣсколько иного рода ошибки — ошибки болѣе грустныя. Я говорю о приемахъ, которые были употреблены для опороченія подсудимыхъ, при столь тяжкомъ обвиненіи. Я очень хорошо понимаю, что было бы непозволительнымъ педантствомъ требовать, чтобы всѣ обвинители придерживались одинаковыхъ установленныхъ формъ и приемовъ. Я допускаю, что иногда живое слово обвиненія переходитъ въ страстную рѣчь, однако всему же есть мѣра и граница.

Дѣлу правосудія служить и обвиненіе и защита, каждому возможно увлеченіе, но увлеченіе, страсть, болѣе естественны со стороны того, кто, выбиваясь изъ силы, защищается, чѣмъ со стороны того, кто призываетъ на виновныхъ кару идущую отъ громадной силы государства. Сознаніе этой силы должно бы, казалось, внушать спокойствіе, обдуманность. Служа правосудію въ качествѣ присяжного повѣренного по мѣрѣ силь своихъ, я не могу не дорожить судебными учрежденіями и я спрашиваю себя: неужели обвиненіе будетъ соотвѣтствовать интересамъ и достоинству, если оно начинается съ такого приема, который нельзя иначе назвать, какъ шельмованіемъ подсудимаго. Неужели князь Оболенскій заслужилъ такое обращеніе? Неужели только потому, что князь Оболенскій по своему положенію, по своей карьерѣ, представляется лицомъ нѣсколько выдающимся — слѣдуетъ безнаказанно его позорить? Неужели это достойно и справедливо? Тутъ, гг. присяжные, невольно дѣлается страшно за каждого изъ насъ, за самого себя страшно. Вѣдь со всякимъ можетъ случиться, что его по невѣрному пониманію закона предадутъ суду. И что же? Его доброе имя, репутація родственниковъ, знакомые, друзья все, что никакого отношенія къ дѣлу не имѣть, все, чѣмъ живеть человѣкъ, все, что любить, — все это считается представителемъ обвинительной власти удобнымъ материаломъ для шельмованія и злословія. Тутъ мы должны душевно, горячо протестовать! Мы молчали, выслушивая сравненіе съ мошенниками, разбойниками, приписывая все это оптическому обману, риторическимъ увлеченіямъ обвинителя. Но мы не можемъ болѣе молчать, когда дѣло касается нравственныхъ интересовъ подсудимаго, когда безъ всякой надобности начинаютъ бить по лучшимъ, святымъ чувствамъ человѣка. Что для князя Оболенского, какъ русскаго, всего дороже, какъ не родина? Чѣмъ утратилъ онъ право быть патріотомъ, любить свое

отечество, а прокуроръ считаетъ возможнымъ коснуться даже этой святыни человѣка!.. Это невозможная вещь! противъ этого надо протестовать. Нельзя допустить, чтобы позорилось, топталось въ грязь это священное для каждого человѣка чувство! И пока свободный голосъ защиты не заглушенъ, онъ протестуетъ и будетъ протестовать противъ такого приема и не только во имя поруганной человѣческой личности, но и во имя самого правосудія. Да, господа присяжные засѣдатели, чувство дѣйствительности утрачивается; при одностороннемъ обвиненіи, вещи принимаютъ какія-то призрачныя очертанія. Вы, слышали филиппику противъ спекуляціи. Я согласенъ, что торговля банковыми билетами не красивая черта нашего времени, но что же дѣлать? Все спекулируетъ. Что такое банкъ? что такое биржа? Биржа,—развѣ не большой игорный домъ, гдѣ законъ допускаетъ коммерческія игры, а практика превращаетъ ихъ въ азартныя? Но какъ, даже въ картахъ, разграничить коммерческую игру отъ азартной игры? Развѣ не спекулируетъ государственный банкъ? Развѣ кредитъ не родной братъ спекуляції? Развитіе кредита, развитіе предпримчивости влечетъ за собою спекуляцію. Удачная спекуляція одобряется всѣми, а неудачная считается преступною; но какъ ни вредна спекуляція, вообще она необходимое зло нашего промышленного вѣка. Но есть другая спекуляція и она вреднѣе:—это спекуляція на инстинкты, на зависть, на озлобленіе противъ подсудимаго. Сидятъ нѣсколько человѣкъ на скамье подсудимыхъ: противъ двухъ-трехъ есть улики, противъ другихъ совсѣмъ нѣтъ, а ихъ всѣхъ обвиняютъ разомъ, говоря: спасите кредитъ, накажите расхитителей! А кто расхитители, въ чемъ расхищеніе — этого не объясняютъ. Авось, не разберутъ присяжные. Авось, возьмутъ, да всѣхъ огуломъ и засудятъ. Можетъ же по-

пачься такой составъ, который не будетъ особенно вникать въ дѣло и тогда — обвиненіе пройдетъ. Вотъ это обвиненіе на авось есть тоже спекуляція и самая нежелательная, самая опасная. И если бы этой спекуляціи приходилось дать имя, я назвалъ бы ее игрою на повышеніе... Но довольно. Я постарался доказать то, въ чемъ вы, вѣроятно, убѣдились и безъ меня, то, что обвиненіе князя Оболенскаго въ сбыть завѣдомо подложныхъ будто бы билетовъ — не состоятельно и сводится къ разсчетамъ еще неоконченнымъ въ порядке гражданского судопроизводства. Отвѣтственность за операциію со вкладными билетами ложеть всецѣло на администрацію банка и по закону, составляетъ ея тайну. Князь же Оболенскій, какъ заемщикъ, пристегнутъ къ дѣлу безъ всякаго законнаго основанія. Изъ обвинительного акта приходится вычеркнуть все то, что относится къ князю Оболенскому. Приходится сдѣлать это во избѣженіе крупной судебной ошибки. Но въ этомъ обвинительномъ актѣ есть эпиграфъ невидимый, но который чувствуется: «честнымъ людямъ — угроза!»

Стороны помѣнялись горячими возраженіями, въ которыхъ было внесено много страстности и личныхъ попрековъ.

Затѣмъ подсудимымъ было предоставлено послѣднее слово, которымъ они всѣ воспользовались, причемъ Шеньянъ просилъ не винить сослуживцевъ его и подчиненныхъ банка, такъ какъ онъ, бывшій хозяинъ банка, одинъ виноватъ во всемъ. Князь Оболенскій съ своей стороны высказалъ слѣдующее: «Крайне тяжело говорить за себя вообще, и еще тяжелѣе говорить въ данную минуту. Мнѣ кажется защита моя выяснила мои отношенія къ кронштадтскому банку и къ товарищамъ по несчастію. Самое судебное слѣдствіе выяснило ихъ. Я никогда не отрицалъ, гг. присяжные, что я дѣлалъ операциіи съ вкладными биле-

тами, реализировалъ ихъ, но я не считалъ да не считаю и сейчасъ преступлениемъ, что получалъ ихъ подъ векселя. Я не признаю себя виноватымъ въ томъ, что нанесъ какой-либо ущербъ банку. Своимъ товарищамъ по несчастію я не дѣлаю упрековъ. Я напротивъ скажу, что Сутугинъ велъ операциі съ большими порядкомъ, но по первой операциі мнѣ не былъ данъ отчетъ, и вотъ причина, почему я отказывался выдать векселя. Я не признавалъ этого долга. Что мнѣ сказать еще? Я потерялъ состояніе, потерялъ положеніе общественное, я потерялъ все. Я въ настоящее время объявленъ несостоятельнымъ должникомъ по тѣмъ бланкамъ, которые ставилъ Шеньяну. Я уже несу ответственность гражданскую, но тяжелую, я подъ арестомъ и мнѣ грозятъ два года быть заключеннымъ за мою неосторожность. Если счастіе улыбнется моимъ товарищамъ по несчастію, — чего я отъ души желаю, — они пойдутъ домой свободные и веселые съ легкимъ сердцемъ, а я? я вернусь въ тюрьму. Я потерялъ все. Одно, что я еще не потерялъ — это мое доброе имя, оно въ вашихъ рукахъ и отъ васъ вполнѣ зависить его возстановить. Я ввѣряю себя вашему правосудию вполнѣ, гг. присяжные засѣдатели, и какой бы вы приговоръ ни вынесли, я приму его съ покорностью».

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было постановлено 35 вопросовъ о виновности каждого изъ подсудимыхъ. Стороны сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія, причемъ присяжный повѣренный Потѣхинъ, къ которому присоединились гг. Бѣлецкій и Михайловъ — просилъ постановить вопросъ, о мошенничествѣ, но въ этомъ судь ему отказалъ.

Затѣмъ послѣдовало резюме предсѣдатель суда А. М. Кузьминскаго, который высказалъ:

«Гг. присяжные засѣдатели! Настало время исполнить ваше назначеніе: задача ваша тяжела и трудна. Но, какъ бы она ни была тяжела, вы должны ее вы-

полнить и вы выполните ее разумно и честно! Дѣло, по которому вамъ предстоитъ произнести приговоръ, имѣть преимущественнымъ предметомъ своимъ обвиненіе въ преступленіяхъ, составляющихъ нарушенія постановленій о кредитѣ. Судебное разсмотрѣніе такого рода дѣлъ сопряжено всегда съ большими трудностями, вытекающими главнымъ образомъ изъ крайне малой распространенности въ обществѣ свѣдѣній о кредитѣ и служащихъ ему учрежденіяхъ; общество знакомится съ дѣятельностью кредитныхъ установленій или, по крайней мѣрѣ, тогда, какъ вступаетъ съ ними въ дѣловую сношенія, или когда какая либо крупная кража гомерическихъ размѣровъ или растрата банковыхъ суммъ невольно останавливается на себѣ его вниманіе; оно успокаивается когда этимъ явленіямъ произнесенъ справедливый приговоръ. Для того чтобы преодолѣть трудности, о которыхъ я вамъ только-что сказалъ, позвольте предложить вамъ слѣдующій практическій пріемъ: При обсужденіи предложенныхъ на разрѣшеніе ваше вопросовъ задайтесь тѣмъ, чтобы отдать существенные обстоятельства дѣла отъ второстепенныхъ; этимъ путемъ вы установите то, что имѣть въ дѣлѣ рѣшающее значеніе, и тогда частности придутъ вамъ на помощь, чтобы еще ярче освѣтить ту или другую сторону извѣстнаго вопроса. Главный и существенный вопросъ, который подлежитъ вашему разрѣшенію, вопросъ, которымъ, я увѣренъ, вы задавались съ самаго начала разсмотрѣнія настоящаго дѣла, состоить въ томъ, было ли крушениѳ кроншт. ком. банка послѣдствиемъ злоупотребленій? Хотя вопросъ этотъ въ такой формѣ и не поставленъ на ваше разрѣшеніе, но миновать его нельзя, потому что недостаточно того, что банкъ погибъ, надо решить, что онъ потерпѣлъ крушеніе отъ злоупотребленій извѣстныхъ лицъ. Для того чтобы правильно разрѣшить этотъ существеннѣйшій въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ, необходимо хотя въ общихъ чер-

такъ знать, что такое банкъ и какова сфера его дѣятельности. Изъ высушанныхъ вами на судебномъ слѣдствіи заключеній экспертовъ, этихъ людей свѣдущихъ въ вопросахъ финансовыхъ, политico-экономическихъ и бухгалтерскихъ, вы могли заключить, что главная и, можно даже сказать, единственная задача банка состоитъ въ томъ, чтобы найти, привлечь деньги и помѣстить ихъ; когда банкъ достигнетъ этой цѣли, когда онъ превлекаетъ капиталы дѣйствительно существующіе, составляющіе плодъ народныхъ сбереженій и помѣщаетъ, направляетъ ихъ на цѣли производительныя, тогда онъ является могучимъ средствомъ для развитія экономического благостоянія и приносить ту пользу, которую отъ него ожидаетъ государство и общество. Но насколько велика польза кредитныхъ установлений при нормальной ихъ дѣятельности, на столько становятся они опасны и вредны, когда уклоняются отъ нея, когда обороты банковъ основаны на какихъ - нибудь рискованныхъ предпріятіяхъ и когда вообще дѣятельность ихъ принимаетъ характеръ спекулятивный. Въ виду общегосударственного значенія банковъ, правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что въ нихъ дѣлается: оно регулируетъ ихъ, опредѣляетъ размѣры ихъ дѣятельности, и такое вмѣшательство съ его стороны выражается въ изданіи для каждого банка особаго устава. До 1872 года уставы банковъ издаваемы были не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ, но закономъ 31 мая этого года предоставлено было министру финансовъ разрѣшать открытие банковъ и утверждать для нихъ уставы по образцамъ существовавшихъ уже четырехъ коммерческихъ банковъ; въ такомъ именно порядке послѣдовало открытие кронштадтскаго коммерческаго банка и утвержденіе 10 июня 1872 г. его устава. Уставъ этотъ имѣть такое же значеніе, какъ если бы онъ былъ изданъ въ законодательномъ по-

рядкѣ: это прямо вытекаетъ изъ закона 31 мая 1872 года, предоставившаго министру финансовъ надлежащія по этому предмету полномочія, а также изъ предписанія ст. 2178 т. X. ч. 1 зак. гражд., гласящей, что правленіе акціонерной компаніи, каковою является кронштадтскій коммерческій банкъ: «распоряжается дѣлами и капиталами компаніи не иначе, какъ на основаніи ея устава». Я остановился на этомъ предметѣ для того, чтобы указать вамъ на значеніе для каждого банка его устава; онъ имѣть для него силу закона и потому всякое отступленіе отъ устава должно быть разсматриваемо, какъ нарушеніе закона. Познакомивъ васъ, хотя нѣсколько поверхностно, съ задачею банка и съ значеніемъ его устава, я имѣль въ виду предоставить вамъ возможность сличить нормальную дѣятельность банка вообще съ тѣми порядками, которые существовали въ кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ и привели лицъ, служившихъ въ немъ, къ тому, чтобы отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ на судѣ уголовномъ. Я могу теперь перейти къ обстоятельствамъ дѣла. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, скажу нѣсколько словъ о той системѣ, въ которой были разслѣдованы обстоятельства настоящаго дѣла на судебнѣмъ слѣдствіи, и о томъ, на сколько эта система можетъ быть сохранена при обсужденіи предложенныхъ на разрѣшеніе ваше вопросовъ. Задача судебнаго слѣдствія состояла въ томъ, чтобы представить ясную картину того, что дѣжалось въ кронштадтскомъ банкѣ со времени вступленія въ составъ его правленія въ концѣ 1874 года новыхъ лицъ. Вы, безъ сомнѣнія, помните, что по свидѣтельству нѣсколькихъ лицъ, стоявшихъ тогда близко къ банку, дѣла его находились въ такомъ положеніи, что если-бы ликвидировать ихъ, то потеря была бы только на обзаведеніе; было, впрочемъ, указано на то, что директоръ банка Дружининъ въ 1874 году нѣсколько произвольно распорядился одной суммой,

но вѣдь отецъ его заплатилъ ее, такъ что банкъ никакихъ потерь тогда не понесъ. Мы перешли затѣмъ къ разсмотрѣнію состоянія банка 3 февраля 1879 года, когда онъ былъ закрытъ и въ кассѣ его оказалось всего 502 руб. наличными деньгами и нѣсколько выигрышныхъ билетовъ, а въ пассивѣ многомилліонный долгъ. Дальнѣйшій ходъ судебнаго слѣдствія былъ посвященъ изслѣдованію въ хронологическомъ порядкѣ остальныхъ операций банка, которая въ общей ихъ сложности привели его отъ состоянія, если не блестящаго, то сноснаго, къ полному крушенню. Разсмотрѣвъ въ началѣ личные счеты членовъ правленія банка, указавши на сдѣланныя ими и разрѣшенныя ими другъ другу позаимствованія изъ кассы банка, мы постепенно переходили отъ одной операции, въ которой принималъ участіе кронштадтскій банкъ, къ другой и подробно изслѣдовали постройку боровичской желѣзной дороги, военное коммиссіонерство, путоловскіе ссуды и сухарные подряды. Источниками для веденія этихъ предпріятій служили сначала основной капиталъ банка, потомъ ссуды изъ государственного банка, далѣе вкладные билеты, а когда и этотъ послѣдній источникъ, свойства которого мы въ своемъ мѣстѣ разсмотримъ, оказался сомнительнымъ, явились вклады на храненіе, растрата коихъ составила предметъ особаго обвиненія. Въ концѣ судебнаго слѣдствія мы разсмотрѣли порядокъ веденія счетоводства и отчетности и выслушали свидѣтелей, показывавшихъ о нравственныхъ свойствахъ подсудимыхъ, ихъ состоятельности и т. п. Вотъ въ какомъ порядкѣ собранъ былъ материалъ, на основаніи котораго вамъ предстало разрѣшить предложенные вамъ вопросы; вы лишены возможности обсудить этотъ материалъ по группамъ, по каждой операциіи особо, ибо вы призваны произнести приговоръ не о результатахъ операций, а о виновности подсудимыхъ въ извѣстныхъ преступленіяхъ, фактические признаки кото-

рыхъ опредѣлены въ вопросахъ; такимъ образомъ вамъ нужно распределить этотъ материалъ по обвиненіямъ и обсудить, что изъ него относится къ тому или другому вопросу. Постараюсь обличить вашу задачу, постепенно указывая, при объясненіи вопросовъ, какія данныя имѣютъ отношенія къ каждому изъ нихъ. Вопросы поставлены вамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ обвинительные пункты изложены въ обвинительномъ актѣ; первые четыре имѣютъ предметомъ своимъ обвиненіе членовъ правленія и директора банка въ растратѣ основного капитала. Прежде чѣмъ говорить вамъ объ относящихся къ этому обвиненію обстоятельствахъ дѣла, о которыхъ я вообще буду вамъ говорить лишь на столько, на сколько это представится необходимымъ для возстановленія того, что не вѣрно изложено было сторонами, объясню вамъ, что такое растрата и какіе существенные ея признаки. Вамъ нужно установить служебное положеніе лицъ, которая обвиняются въ этомъ преступленіи и то, что они въ качествѣ довѣренныхъ лицъ кронштадтскаго банка призваны были оберегать принадлежащія банку цѣнности; затѣмъ что въ нарушеніе этихъ обязанностей они израсходовали, растратили эти цѣнности на свои потребности, на свои предпріятія. Третій наконецъ признакъ служебной растраты состоить въ опредѣленіи того, возвращена или нѣтъ растроченная сумма и когда—до или послѣ обнаруженія ея. Здѣсь возникаетъ вопросъ: возможна ли растрата основного капитала при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ привлечены за нее подсудимые, не представлять ли изъ себя основной капиталъ такой фондъ, который постоянно долженъ находиться въ оборотѣ и растрата котораго такимъ образомъ можетъ быть определена лишь, когда предпріятіе, поглотившее его, приведено къ концу; пока предпріятіе не окончено, говорили вамъ, нельзя сказать, что капиталъ растроченъ, такъ какъ результаты неоконченной операциіи еще не

видны. Оценивая это заявление, вы сопоставите его съ тою статьею прочтеннаго вами устава кронштадтскаго коммерческаго банка, которая предписывает ликвидировать дѣло банка, коль скоро потеря его превышает четверть основного капитала, и на основаніи этихъ законовъ вы рѣшите, въ какой степени уважительно указаніе на невозможность растраты основного капитала. Намъ, впрочемъ, придется возвратиться къ этому источнику оборотовъ банка при разсмотрѣніи слѣдующихъ вопросовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ обвиненіе въ злонамѣренномъ разрѣшеніи ссудъ. Преступленіе это предусмотрѣно стат. 1155 улож., содержаніе которой слѣдующее: чиновники и должностныя лица государственныхъ кредитныхъ установлений, общественныхъ и частныхъ банковъ за неправильныя злонамѣренныя дѣйствія въ производствѣ ссудъ съ ущербомъ для того установлѣнія, въ которомъ они служатъ и т. д. Разсмотримъ законные признаки этого преступленія. Здѣсь опять служебное положеніе членовъ правленія банка, въ силу котораго они обязаны оберегать интересы банка — признакъ для васъ не новый; слѣдующій состоить въ неправильныхъ преднамѣренныхъ дѣйствіяхъ по производству ссудъ. Какъ вы его опредѣлите, если вы не знакомы близко съ финансовыми оборотами, на чемъ остановитесь вы, чтобы рѣшить, что такая-то ссуда правильна или такая-то неправильна? Мне кажется, что всего осторожнѣе было бы стать вами на почву устава кронштадтскаго банка и съ этой точки зрѣнія обсудить, при какихъ условіяхъ вообще ссуды могли быть разрѣшаемы. Прежде всего уставъ требуетъ, чтобы правленіемъ банка была опредѣлена кредитоспособность кредитующагося лица, и вами на судебнѣмъ слѣдствїи были читаны и предъявлены многие журналы правленія, изъ которыхъ вы могли заключить, насколько это требованіе было выполнено. Затѣмъ, уставомъ запрещена выдача ссудъ подъ за-

логъ векселя и безъ векселей, и вы также имѣли предъ собою богатый матеріалъ, для того чтобы рѣшить, въ какой мѣрѣ соблюдено было это запрещеніе. Третій признакъ — ущербъ для того кредитнаго установлѣнія, въ которомъ эти лица служили. Признакъ этотъ, я полагаю, бесспоренъ, если, конечно, устранить возможность ущерба случайнаго. Экспертиза представила вамъ свои выводы относительно результатовъ тѣхъ операций, на которыхъ выдаваемы были ссуды: изслѣдованные нами операции военнаго коммиссіонерства, путловской постройки боровичской желѣзной дороги окончились долгами банка, приблизительно въ триста, полтораста и двѣсти тысячъ. Но, быть можетъ, было время, когда эти предпріятія подавали основательную надежду на то, что они принесутъ банку выгоды? Не можетъ ли отвѣтомъ на это послужить то, что общество боровичской желѣзной дороги объявлено несостоятельнымъ должникомъ на 3,880,000 р. Относительно военнаго коммиссіонерства вы слышали, что когда оно задолжало банку 40,000, а выгоды, ожидавшіяся отъ этого предпріятія, стали сомнительными, предполагалось покончить съ нимъ, но большинство, съ Синебрюховымъ во главѣ, рѣшило продолжать его, пока долгъ не возросъ до 300 т. Подумайте, не выразилось ли въ этомъ случаѣ спекулятивное направлѣніе банка, которое, въ связи съ нарушеніемъ устава, не можетъ ли составить въ вашихъ глазахъ тотъ необходимый признакъ преступленія, который, въ прочитанной мною статьѣ, названъ «злонамѣренными и неправильными дѣйствіями въ разрѣшеніи ссудъ». Въ этомъ же вопросѣ 5-мъ и слѣдующихъ за нимъ одинаковыхъ четырехъ, имѣющихъ предметомъ своимъ именно это обвиненіе, упоминается о личныхъ позаимствованіяхъ, которые производились членами правленія изъ суммъ банка и разрѣшались ими другъ другу. Я снова долженъ сослаться на экспертизу, подробно изложившую

предъ вами, какихъ размѣровъ достигли личные долги членовъ правленія: эксперты признали, что вексельный портфель кроншт. ком. банка представлялся особенно несостоятельнымъ, потому что онъ былъ исключительно наполненъ векселями членовъ правленія, и указали, сколько каждый изъ нихъ былъ долженъ банку. Но я до сихъ поръ еще не объяснилъ вамъ значенія экспертизы, не смотря на то, что уже нѣсколько разъ останавливалъ на ней ваше вниманіе. Значеніе ея въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему,—большое. Какъ въ самомъ дѣлѣ безъ нея могли бы мы разобраться въ этой массѣ книгъ, счетовъ и документовъ? Экспертами въ настоящемъ процессѣ являются лица, свѣдущія въ области наукъ и практики финансовой и политico-экономической, а также въ бухгалтеріи. Мы слышали ихъ выводы и должны отдать имъ справедливость въ томъ, что выводы эти отличались точностью и определенностью—этими несомнѣнными признаками истиннаго знанія. Но достаточно ли такихъ внѣшнихъ признаковъ для того, чтобы по достоинству оцѣнить экспертизу? Какое нужно мѣрило, чтобъ определить ея достовѣрность? Въ экспертизѣ слѣдуетъ отдать фактическую сторону отъ тѣхъ выводовъ, которые вамъ предлагаются и которые составляютъ приложеніе известныхъ научныхъ данныхъ къ обстоятельствамъ дѣла, обнаруженнымъ на судѣ; обстоятельства дѣла устанавливаются исключительно вами и вы единственные судьи, опредѣляющіе ихъ достовѣрность. Такимъ образомъ, прежде всего надо решить, дѣйствительно ли тѣ факты, изъ которыхъ эксперты черпаютъ свои заключенія, представляются доказанными и соответствуютъ ли ихъ выводы тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они дѣлаются. При оцѣнкѣ самыхъ выводовъ полезно, конечно, обсудить, имѣютъ ли они характеръ безспорныхъ и несомнѣнныхъ положеній научныхъ, или же составляютъ только болѣе или менѣе удачныя предпо-

ложенія. Условиемъ, можно сказать, внѣшнимъ, которымъ опредѣляется достовѣрность экспертизы, служить также и то, согласны ли эксперты въ своихъ заключеніяхъ. Объясненія мои о значеніи экспертизы не должны однако стѣснять свободное сужденіе ваше о ней, такъ какъ вы оцѣниваете ее одинаково съ другими доказательствами исключительно по убѣжденію вашей совѣсти, объясненія мои вообще не болѣе какъ совѣты, которые вы вольны принять или отвергнуть. По составленнымъ вамъ вопросамъ, кающихся обвиненій въ растратѣ и злонамѣренномъ разрѣшеніи ссудъ, мнѣ остается еще дать одно объясненіе, относящееся, говоря юридическимъ языкомъ, къ объекту преступленія; здѣсь было указано на то, что оба эти преступленія имѣли предметомъ своимъ основной капиталъ, изъ котораго разрѣшаемы были ссуды и который независимо отъ него былъ затраченъ; такимъ образомъ два преступленія направлены къ одной и той же цѣли: къ похищенію и истощенію ссудами одного и того же основного капитала. Это какъ бы кто сказалъ намъ, что у кого нибудь похищена вещь и одинъ говорилъ бы, что ее украли, а другой—отняли, ограбили. Нѣть ли тутъ недоразумѣнія? Вамъ надо обсудить, дѣйствительно ли растрата и неправильное разрѣшеніе ссудъ имѣли предметомъ одинъ и тотъ же капиталъ, поглощенный этими двумя способами въ одно и то же время, и не пошелъ ли весь этотъ капиталъ на ссуды; тогда, конечно, нѣть мѣста растратѣ; если же, наоборотъ, вы признаете, что основной капиталъ былъ растраченъ, а обвиненіе не указало вамъ на то, чтобы позаимствованія и ссуды разрѣшались изъ другого фонда, то, очевидно, что это послѣднее обвиненіе должно пасть, ибо не логично было бы признавать при такихъ условіяхъ оба обвиненія доказанными. По этимъ двумъ обвиненіямъ привлечены къ отвѣтственности лица, входившія въ составъ правленія:

Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгвагенъ и Сутугинъ по обвиненію въ злонамѣренныхъ ссудахъ и бар. Фитингофъ. Степень участія этихъ лицъ, по выводамъ прокурорскаго надзора, представляется совершенно одинаковой. Такое положеніе подсудимыхъ по отношенію къ первымъ тремъ ими и не оспаривается: они не отвергаютъ того, что принимали дѣятельное участіе въ операцийахъ банка и давали по этому предмету подробныя объясненія, повторять которыхъ нѣтъ надобности; но иное, по ихъ словамъ, было положеніе Сутугина и Фитингофа; Сутугинъ не занималъ такого виднаго положенія, какъ они: онъ былъ исполнителемъ, былъ тѣмъ, куда его ставили, не вмѣшиваясь въ распорядительную часть и не принимая участія въ обсужденіи того, на сколько правильны и выгодны тѣ предпріятія, въ которыхъ вступалъ банкъ; если затѣмъ на счетъ Сутугина числился личный его долгъ банку, то объясняется это тѣмъ, что онъ бралъ взаймы на операциіи, въ которыхъ участвовалъ, а не для своихъ выгодъ. Таково объясненіе Сутугина и его защиты. Предположимъ, что вы согласитесь съ этими доводами и не остановитесь исключительно на томъ положеніи, что колѣ сколько онъ былъ членомъ правленія, то долженъ отвѣтить за всѣ его дѣйствія. Вы, какъ суды совѣсти, безъ сомнѣнія имѣете право обсуждать вопросъ о виновности не съ одной формальной точки зрѣнія: для васъ цѣль и побужденія могутъ имѣть большое значеніе, и потому вамъ важно знать, какое было, сравнительно съ другими, участіе Сутугина и Фитингофа въ дѣлахъ банка, дѣйствительно ли онъ протягивали руки къ банковому сундуку? Относительно Фитингофа само обвиненіе нѣсколько смягчилось и не указывало вамъ на активное участіе его въ судьбахъ банка, а гражданскій истецъ отказался даже отъ всякой къ нему претензіи. Самъ Фитингофъ, а равно и остальные члены правленія говорятъ, что онъ совершенно былъ чуждъ

дѣлъ банка; правда, у него тоже былъ личный долгъ въ 1,940 р., но какъ только онъ былъ поставленъ ему въ улику по обвиненію въ томъ, что онъ въ ущербъ интересамъ банка неправильно разрѣшалъ себѣ и другимъ членамъ правленія ссуды, онъ поспѣшилъ заплатить свой долгъ, и такимъ образомъ, сдѣлавъ все, что было въ его власти, чтобы снять съ себя это обвиненіе. Останавливая ваше вниманіе на этихъ обстоятельствахъ, очерчивающихъ положеніе, которое Сутугинъ и Фитингофъ занимали въ составѣ правленія кронштадтскаго банка, я увѣренъ, что обсудивши ихъ, вы произнесете имъ совершенно правильный и справедливый приговоръ. Переходу теперь къ вопросу о вкладныхъ билетахъ, на которомъ всего больше останавливалось судебнное слѣдствіе; разногласіе между сторонами было по этому предмету вполнѣ: одни доказывали, что билеты эти подложны, что лица, составлявшія ихъ, виновны въ подлогѣ, а пользовавшія ими—въ соучастіи въ подлогѣ. Съ другой стороны вы слышали совершенно противоположный взглядъ: вамъ говорили, что билеты эти дѣйствительны, что это осуществленіе кредита, что вкладные билеты не болѣе, какъ гражданская сдѣлка, изъ которой могутъ только возникать гражданскія отношенія и, наконецъ, что такого рода оборотъ разрѣшены правителстvомъ. Разнорѣчіе, какъ вы видите, коренное. Изъ чего же оно возникаетъ? Изъ понятія ли о подлогѣ, или изъ своеобразного взгляда на финансовые обороты? Разсмотримъ вопросъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Что такое подлогъ и какие существенные его элементы? Подлогомъ признается извращеніе или искаженіе истины, сдѣланное въ документѣ противъ желанія, или безъ согласія того лица, которому этотъ документъ можетъ нанести ущербъ и притомъ однимъ изъ способовъ, который составляетъ предметъ особаго опредѣленія закона уголовнаго; сообразно съ этимъ, подлогъ можетъ состоять

или во внѣшнихъ измѣненіяхъ въ документѣ, какъ то: подчисткѣ цифръ, буквъ, поддѣлкѣ подписи, почерка и т. п. или въ измѣненіи внутренняго содержанія документа, т. е. помѣщеніи въ немъ ложнаго удостовѣренія о томъ, что въ дѣйствительности не происходило. Знаетъ ли нашъ законъ этотъ юридический видъ подлога? Ст. 362 Ул., къ признакамъ которой относить обвинительный актъ составленіе вкладныхъ билетовъ, говоритъ о помѣщеніи въ актѣ или документѣ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. И такъ, извращеніе истины, на основаніи нашего уголовнаго закона, можетъ выражаться въ помѣщеніи ложныхъ свѣдѣній въ документѣ. Для наличности подлога нужно, чтобы такія ложныя свѣдѣнія были помѣщены съ цѣлью извлечь противозаконную выгоду, т. е. такую выгоду, которая можетъ быть получена не иначе, какъ путемъ нанесенія другому материальнаго вреда. Но можно нанести другому вредъ и не принести себѣ никакой пользы, и это вовсе не необходимо въ подлогѣ, ибо достаточно одного стремленія извлечь для себя противозаконную выгоду, совершенно независимо отъ того, достигнута ли эта цѣль. Такимъ образомъ для определенія законнаго состава преступленія вовсе не важно то, что нѣкоторые подсудимые раззорились въ тѣхъ операціяхъ, которыя они вели на вкладные билеты. Иначе долженъ быть поставленъ вопросъ по отношенію къ наносимому другому лицу ущербу: необходимо, чтобы извращеніе истины нанесло бы ему дѣйствительный вредъ или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы силу его причинить; съ этой точки зрењія могутъ спросить: такъ какъ кронштадтскій коммерческій банкъ, выдавая вкладные подложные билеты, направлялъ этотъ подлогъ противъ самого себя, то можетъ ли тутъ быть рѣчь о такомъ ущербѣ? Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разграничь правленіе банка отъ самаго банка. Кронштадтскій банкъ есть компанія, состоящая изъ лицъ, вла-

дѣющихъ акціями; правленіе же банка—только исполнительный его органъ; всѣ потери банка ложатся на компанію, а не на правленіе; обязательство уплатить вкладъ по выданному билету принимаетъ банкъ, а не правленіе; слѣдовательно, если вкладъ сдѣланъ не былъ, а обязательство на него выдано, то страдаетъ отъ этого не правленіе, а банкъ—акціонерная компанія. Я не говорю уже о третьихъ лицахъ, получающихъ эти билеты, въ увѣренности, что они по нимъ получать по наступленіи срока вклада; вопросъ о нихъ возникъ бы при обвиненіи въ мошенничествѣ. И такъ, наличность ущерба есть, ибо отвѣтственнымъ по вкладнымъ билетамъ лицомъ является акціонерная компанія—банкъ, а не правленіе его, выпускавшее эти билеты. На этомъ я и могъ бы покончить объясненія по вопросу о томъ, соотвѣтствуютъ ли вкладные билеты кронштадтскаго коммерческаго банка законному понятію о подлогѣ, но защита приглашаетъ васъ на почву бытовую, на почву финансовыхъ предпріятій и это обязываетъ меня перенестись на нее. Защита утверждаетъ, что вкладные билеты вовсе не удостовѣряютъ того, что по нимъ была внесена въ банкъ извѣстная сумма денегъ государственными кредитными билетами; что за выдачей вкладного билета прячется сдѣлка другого рода, заключающаяся въ томъ, что, учтя въ банкѣ вексель, извѣстное лицо не беретъ денегъ, а вноситъ ихъ въ кассу банка и получаетъ вкладной билетъ на причитающуюся ему сумму. Защита говоритъ, что выпускъ вкладныхъ билетовъ составляетъ операцию, разрѣшенную министерствомъ финансовъ, и въ подтвержденіе этого ссылается на то, что обществу Боровичской желѣзной дороги дозволено было внести залоги вкладными билетами въ государственный банкъ въ размѣрѣ 50% акціонернаго капитала, тогда какъ слѣдовало внести ихъ налачными деньгами. Давая такое разрѣшеніе, продолжаетъ защита, министръ фи-

нансовъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что вкладные билеты выданы будутъ не на внесенные въ банкъ наличныя деньги, ибо, въ противномъ случаѣ, какая надобность была бы ходатайствовать о разрѣшеніи того, что и такъ дозволено. Въ виду того толкованія, которому подвергается разрѣшеніе, данное министромъ финансовъ, я считаю нужнымъ возстановить передъ вами въ истинномъ свѣтѣ содержание этого документа, прочтеннаго на судебнѣмъ слѣдствіи: оно заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе обществу боровичской желѣзной желѣзной дороги представить 50% акціонерного своего капитала вкладными билетами кронштадтскаго коммерческаго банка. Въ документѣ этомъ ничего не говорится о томъ, что вкладные билеты могутъ быть выпущены кронштадтскимъ банкомъ подъ какую либо другую цѣнность, кроме наличныхъ денегъ, такъ что все сказанное вами по этому предмету защищено должно быть отнесено въ область догадокъ, умѣстность которыхъ въ отношеніи распоряженій высшаго правительственаго лица и въ вопросѣ столь серьезнымъ вы взвѣсите по достоинству. Если однако допустить, что разрѣшеніе министра финансовъ уполномочивало кронштадтскій банкъ выпустить вкладные билеты безъ наличныхъ денегъ, то, казалось бы, это наименьше требование, которое къ такому разрѣшенію могло быть предъявлено, это опредѣлить—чѣмъ же должны были быть замѣнены деньги? Къ этому вопросу относится также показаніе свидѣтеля Цимсена, бывшаго директора особой канцелярии по кредитной части, отвергавшаго то, чтобы разрѣшонъ былъ выпускъ вкладныхъ билетовъ безъ денегъ, но защита полагаетъ, что Цимсенъ могъ этого и не знать, ибо, по ея мнѣнію, будто не все то извѣстно въ министерствѣ финансовъ, что проектируется въ финансовой мірѣ. Наконецъ, вызванный защитою эксперть Сушковъ показалъ, что выпускъ вкладныхъ билетовъ подъ векс-

сель только тогда можетъ быть признаваемъ операцией терпимою, когда во 1-хъ опредѣлена кредитоспособность лица выдавшаго вексель, и во 2-хъ цѣна выданныхъ вкладныхъ билетовъ соотвѣтствуетъ наличности кассы въ тотъ день, когда билеты выпущены: если выпущено на 20,000 р. билетовъ, то вся эта сумма должна находиться въ банкѣ. Указывали вамъ также на то, что операция эта практикуется во всѣхъ банкахъ и свидѣтельствовать объ этомъ призванъ былъ Барановъ; на предложенный ему вопросъ, онъ хотя сначала и сказалъ, что можетъ отвѣтить только путемъ исключенія тѣхъ банковъ, которые ихъ не выдавали, но заявилъ потомъ, что стѣсняется болѣе подробнѣ говорить объ этомъ предметѣ, потому что онъ можетъ компрометировать тѣхъ лицъ, до которыхъ касается. Этимъ исчерпываются данные, на основаніи которыхъ можетъ быть признано то, что вкладные билеты выпускаемы были всѣми банками безъ денегъ. Защита объясняла вамъ, кроме того, что вкладной билетъ есть простое долговое обязательство банка, такое же обязательство, какъ вексель, счетъ, сохранная расписка, и что всѣ возникающія изъ этого обязательства и отношенія подлежать разбирательству суда гражданскаго. Нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія, вытекающаго изъ того, что обязательство по вкладному билету выдается правленіе, тогда какъ отвѣтствуетъ по немъ банкъ? Во всякомъ случаѣ все, что касается гражданскаго характера этого дѣла, которымъ, какъ выразился одинъ изъ гражданскихъ истцовъ, всѣ пугаютъ, составляютъ вопросъ, неподлежащій вашему разрѣшенію — вопросъ юридической. Вамъ также говорили, что въ этомъ дѣлѣ возникаютъ такие вопросы, въ зависимости отъ разрѣшенія которыхъ судомъ гражданскимъ находится самое возбужденіе уголовнаго преслѣдованія. Одинъ изъ подсудимыхъ, напр. князь Оболенскій, сказалъ, что онъ выдалъ векселей на всю сумму полученныхъ

имъ вкладныхъ билетовъ, Шенъянъ отвергаетъ это; следовательно, возникаетъ споръ о достаточности обвинений, представленныхъ по вкладнымъ билетамъ,— споръ, которого судъ уголовный разрѣшить не можетъ. Имѣеть ли этотъ споръ какое-нибудь значение при разрѣшении вопроса о подложности вкладныхъ билетовъ? Въ основании выдачи вкладныхъ билетовъ, безъ представления наличныхъ денегъ, лежитъ предположение о такомъ оборотѣ, при которомъ, какъ сказали эксперты, лица, имѣющія получить подъ учетъ векселя известную сумму денегъ, оставляютъ ее въ банкѣ и получаютъ вкладной билетъ; следовательно учесть долженъ предшествовать получению вкладного билета, и въ кассѣ находится та сумма, на которую онъ выданъ. О какомъ же обезпеченіи можетъ быть рѣчь, когда полученные подъ учетъ векселя деньги оставлены въ банкѣ? Изъ чего же возникаетъ вопросъ о достаточности обезпеченія, когда не векселя, а деньги лежать въ кассѣ банка? Гражданскому или торговому суду, который, по мнѣнию защиты, только и былъ бы компетентнымъ въ разрѣшении этихъ вопросъ, дѣлать тутъ нечего; но, если бы даже и признать, что дѣло имѣеть характеръ исключительно гражданскій, то признать это составляетъ обязанность нашу, вы же призваны разрѣшить вопросъ фактическій о томъ, доказано ли, что изъ кронштадтскаго банка съ 1876 по 1879 г., за недостаткомъ наличныхъ средствъ, выпускаемы были вкладные билеты составленные по установленной формѣ, но заключавши въ себѣ ложное удостовѣреніе о внесеніи въ банкѣ непоступавшихъ туда денежныхъ вкладовъ, взамѣнъ которыхъ были представлены векселя, или же билеты выдавались и безъ векселей. Если вы утвердительно отвѣтите на этотъ вопросъ, защита не лишена будетъ права представить суду свои соображенія объ отсутствіи въ этомъ дѣяніи признаковъ пре-

ступленія и судъ долженъ будетъ войти въ обсужденіе этого вопроса. При разрѣшении этого 10-го вопроса, касающагося исключительно событія преступленія, равно какъ и при разрѣшении всякаго другого вопроса, вы можете дать ограничительный отвѣтъ, выдѣливъ изъ него то, что вы признаете доказаннымъ. Такъ вы быть можетъ найдете, что доказанъ только выпускъ билетовъ, подъ векселя, или наоборотъ—безъ векселей, и сообразно съ этимъ вы изложите свой отвѣтъ, прибавивъ къ словамъ «да, доказано» то ограничение, которое по вашему убѣждѣнію будетъ вытекать изъ признанныхъ вами доказанными обстоятельствъ дѣла.

Полагаю, что по вопросу о событіи преступленія мною разсмотрѣны всѣ тѣ данные, которыя къ нему относятся, и что вы не встрѣтите никакого затрудненія при разрѣшении его, тѣмъ болѣе, что объясненія мои весьма мало прибавили къ тому, что, я увѣренъ, составляетъ результатъ вашихъ личныхъ наблюденій во время судебнаго слѣдствія и преній сторонъ.

Слѣдующіе за 10-мъ вопросомъ 11, 12 и 13 вопросы касаются виновности лицъ, которая въ составѣ правленія банка дѣлали распоряженія о выпускѣ вкладныхъ билетовъ. Вопросы эти такъ же, какъ и другіе, касающіеся виновности подсудимыхъ въ выпускѣ вкладныхъ билетовъ и со участія въ этомъ, будутъ подлежать разрѣшению вашему лишь въ томъ случаѣ, если вы признаете событіе преступленія доказаннымъ. Лицами, которая по обвинительному акту распоряжалась выпускомъ билетовъ, были Шенъянъ, Синебрюховъ и Ландгвагенъ; они, какъ вы слышали, не отвергаютъ того, что дѣлали это, а Ландгвагенъ, что и подписывалъ билеты въ качествѣ директора банка, но говорятъ, что операция эта разрѣшена была министерствомъ финансовъ. Такимъ образомъ они признаютъ фактъ, но отрицаютъ его преступность и тѣмъ самымъ свою виновность. Послѣ тѣхъ разъясненій,

которая я уже вамъ далъ по вопросу о событии преступлени, вопросъ о виновности сводится къ тому, сознавали ли подсудимые преступность своихъ распоряженій по выпуску вкладныхъ билетовъ, въ которые включены были завѣдомо для нихъ ложныя свѣдѣнія о принятіи наличными деньгами вклада, не только въ дѣйствительности не поступавшаго, но и несоответствовавшаго даже наличности кассы банка въ моментъ выдачи билета. Если, съ одной стороны, нельзя не принять во вниманіе, что люди, посвятившиі себѣ этимъ новымъ операциемъ, не могли не понимать истинного значенія того порядка выпуска вкладныхъ билетовъ, который практиковался въ кронштадтскомъ банкѣ, и отдавать себѣ вѣрный отчетъ въ томъ, на сколько онъ соотвѣтствовалъ интересамъ банка и съ тѣмъ вмѣстѣ представлять опасность для постороннихъ лицъ, принимавшихъ ихъ за дѣйствительные, разсчитывая безпрепятственно получить по нимъ означенный въ нихъ вкладъ,—то съ другой—необходимо также обсудить и то, дѣйствительно ли они находились въ заблужденіи, относительно дозволенности такого оборота, въ какой степени основательно было такое предположеніе и можетъ ли оно быть признано такимъ обстоятельствомъ, которое въ вашихъ глазахъ уничтожаетъ ихъ отвѣтственность. Законъ уголовный караетъ злую волю, выражившуюся въ какомъ либо дѣйствіи, и потому, чтобы признать подсудимыхъ виновными, вамъ надо признать, что она руководила ими. Слѣдующіе три вопроса, 14, 15 и 16, касаются подсудимыхъ Ланге, Бреме и Емельянова и также имѣютъ предметомъ обвиненія въ выпускѣ вкладныхъ билетовъ, которые они подписывали: первый въ качествѣ бухгалтера, второй кассира и третій — контролера; отъ обвиненія по послѣднію отказался прокуроръ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Емельяновъ хотя и подписывалъ билеты, какъ контролеръ, но обязанностей этихъ въ

дѣйствительности не несъ, а былъ тѣмъ же бухгалтеромъ, занимаясь веденіемъ извѣстныхъ порученныхъ ему книгъ банка. Отказъ прокурора отъ обвиненія Емельянова не избавляетъ судъ отъ обязанности поставить вамъ вопросъ о немъ, а вѣсъ разрѣшить его. Обсуждая вопросъ о виновности Бреме и Ланге, вамъ придется установить разницу, которая существовала въ служебномъ положеніи этихъ лицъ и Емельянова; они объясняли, что хотя вкладные билеты и были ими подписываемы, но они считали себя обязанными дѣлать это, такъ какъ за неисполненіе отданного имъ распоряженія они могли подвергнуться удаленію отъ должностей, представлявшихъ для нихъ единственное средство существованія. Вы, гг. присяжные засѣдатели, на основаніи житейского своего опыта и не только разсудкомъ, но и сердцемъ опѣните объясненія подсудимыхъ, обсудите это состояніе зависимости подсудимыхъ въ связи съ тѣмъ положеніемъ закона, что приказаніе никого не обязываетъ совершать преступленія; вы также зададитесь и тѣмъ вопросомъ: какія противозаконныя выгоды извлекли они изъ своего дѣянія; признать таковыми можно развѣ только то жалованье, которое они хотѣли сохранить и которое, впрочемъ, при истощеніи кассы, не особенно исправно уплачивалось имъ; указаній же на стремленіе достигнуть другихъ выгодъ—сдѣлано не было.

Вопросы 17 и 18 относятся къ подсудимымъ князю Оболенскому и Суздальцеву, степень участія которыхъ въ выпускѣ подложныхъ вкладныхъ билетовъ представляется, по выводамъ обвиненія, одинаковою. По принятой системѣ, я не буду перечислять вамъ всѣ тѣ улики, которыхъ противъ нихъ выставлены обвиненіемъ, а также сдѣланныя на нихъ защитою возраженія, но на моей обязанности лежитъ остановить ваше вниманіе на томъ, что въ улику князю Оболенскому приведено много такого, что можетъ быть признано вами

неимѣющимъ отношенія къ предмету обвиненія; поэтому, прежде чѣмъ разрѣшать вопросъ о его виновности, вамъ необходимо опредѣлить, какой матеріалъ изъ судебнаго слѣдствія можетъ быть для этого пригоденъ, и затѣмъ отскоблить отъ него всѣ тѣ нарости, которые прямого отношенія къ дѣлу не имѣютъ. Такъ напримѣръ, эпизодъ съ риго-тукумскими акціями, котораго нельзя было миновать на судебномъ слѣдствіи, ибо о немъ упомянуто въ обвинительномъ актѣ и для выясненія его вызываемы были свидѣтели, и если оборотъ съ этими акціями былъ таковъ, какъ представляетъ его прокуроръ, то почему же князь Оболенскій не привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ растратѣ ввѣренного ему для извѣстнаго употребленія имущества? Обвиненіе это, однако, не предъявлено, а между тѣмъ обстоятельства, относящіяся къ нему, приводятся по настоящему дѣлу. Но не для того ли это сдѣлано, чтобы очертить предъ вами нравственную физіономію подсудимаго? Едва ли такая задача была бы правильна, такъ какъ она бы ставила подсудимаго въ необходимость защищаться отъ такого обвиненія, за которое онъ суду не преданъ. Я приглашаю васъ, гг. присяжные засѣдатели, обсудить—имѣеть ли этотъ эпизодъ какое-нибудь отношение къ выпуску завѣдомо подложныхъ вкладныхъ билетовъ и, если вы признаете, что есть, отбросьте его изъ числа предъявленныхъ обвиненіемъ доказательствъ. Вамъ также сдѣланы были невыгодныя для Оболенскаго намеки, инсинаціи насчетъ способа выполненія имъ принятыхъ на себя сухарныхъ подрядовъ. Такъ указывали вамъ на одно его письмо, въ которомъ онъ говорить, что нечего думать доставлять сухари въ Варшаву, гдѣ привыкли чуть ли не къ пшеничнымъ; приводили двѣ его депеши, гдѣ онъ жалуется на то, что какой-то военный приемщикъ для него «слишкомъ дорогъ», а о другомъ просятъ похлопотать, чтобы его произвели въ слѣдую-

щій чинъ; ссылались на другую еще телеграмму князя Оболенскаго, въ которой онъ извѣщалъ Шеньяна о томъ, что узналъ, какія секретныя цѣны назначены въ артиллерійскомъ управлении на ружья и предлагалъ взять этотъ подрядъ, обѣща на каждое ружье 6 р. барыша; въ заключеніи по поводу показанія свидѣтеля Зарина, рассматривали тѣ побужденія, по которымъ князь Оболенскій вступилъ въ сухарные подряды: вытекали ли они изъ чувства патріотизма, или исключительно изъ стремленія къ наживѣ, какъ у всякаго интенданцкаго подрядчика. Правда, все это вытекало изъ разныхъ документовъ, оглашенныхъ на судебнѣмъ слѣдствіи, въ тѣхъ, впрочемъ, видахъ, что бы опредѣлить отношенія князя Оболенскаго къ Шеньяну, такъ какъ отношеніями этими должна была быть выяснена приосновенность князя Оболенскаго къ дѣламъ кронштадтскаго банка. Теперь же изъ нихъ сдѣлано другое употребленіе: они приводятся какъ бы для того, чтобы обличить князя Оболенскаго въ недобросовѣстномъ исполненіи подряда, въ подкупѣ приемщиковъ сухарей и т. п. Снова возникаетъ вопросъ: относится ли это къ обвиненію въ соучастіи въ выпускѣ завѣдомо подложныхъ вкладныхъ билетовъ? Если вы разрѣшите его отрицательно, то отнесетесь къ этимъ обстоятельствамъ такъ же точно, какъ и къ риго-тукумскимъ акціямъ. По отношенію къ Суздалецеву, на сколько помню, такихъ данныхъ приводимо не было, если, впрочемъ, не считать ими все то, что касалось цѣли сооруженія боровичской желѣзной дороги и той пользы сомнительной, по словамъ обвиненія, которую принесла она краю.

Матеріалъ, изъ котораго почерпнуты противъ князя Оболенскаго и Суздалецева улики, являются тѣ же экспертиза и вещественныя доказательства о значеніи которыхъ я вамъ уже говорилъ и, сверхъ того показанія свидѣтелей, относительно достовѣрности коихъ

возникли оживленные между сторонами пренія; разно-
мысліе касалось исключительно отсутствующихъ: Вей-
денгаммера, Пергаментъ и Стародубскаго, показанія
которыхъ были прочтены. По этому поводу я
долженъ вамъ объяснить, что условіями, обезпечи-
вающими на судѣ правдивость свидѣтеля служить
присяга и перекрестный допросъ, которому онъ
подвергается; прочтенные показанія даны были безъ
присяги; точно также мы за неявкою этихъ свидѣте-
лей, лишены были возможности обсудить до какой
степени они точны и послѣдовательны въ своихъ по-
казаніяхъ и, на сколько вообще, какъ по развитію,
такъ и по нравственному складу своему, заслуживаютъ
довѣрія.

Подсудимые князь Оболенскій и Сузdal'цевъ обви-
няются въ соучастії въ подлогѣ. Соучастіемъ назы-
вается совпаденіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ пре-
ступленіи, причемъ предполагается не только на-
личность преступнаго умысла во всѣхъ дѣйствую-
щихъ лицахъ, но и однородное направлѣніе злой ихъ
воли. Вотъ именно обвиненіе и доказываетъ, что князь
Оболенскій и Сузdal'цевъ были такими лицами, ко-
торые согласились съ остальными лицами выпускать
изъ кронштадтскаго банка завѣдомо подложные для
нихъ вкладные билеты и, получая ихъ, сбывали для
своихъ выгодъ другимъ лицамъ. Признаки преступле-
нія тѣ же, какъ и по отношенію къ другимъ подсуди-
мымъ, за исключеніемъ, впрочемъ, элемента служебнаго,
должностнаго; этотъ признакъ отпадаетъ, ибо князь Обо-
ленскій и Сузdal'цевъ обвиняются какъ частныя лица.
Защитою вамъ между прочимъ указано было на то, что
подсудимые эти не могутъ быть преслѣдуемы за соучас-
тие въ подлогѣ должностномъ, такъ какъ то, что
составляетъ подлогъ для лица облеченнаго извѣстными
служебными полномочіями, не преступно для частнаго
лица. Заключеніе это основательно только пока оно

касается такого нарушенія служебныхъ обязанностей,
которая не заключаютъ въ себѣ еще и общаго пре-
ступленія, какъ напр. подлога. Кромѣ того вамъ го-
ворили, что если князь Оболенскій и Сузdal'цевъ будуть
признаны вами виновными, то судъ за отсут-
ствіемъ опредѣленнаго уголовнаго закона предусматри-
вающаго ихъ дѣянія, долженъ будетъ пріискать къ
нимъ статью по аналогіи. Но я вамъ уже достаточно
выяснилъ понятія, и о подлогѣ, и о соучастії въ
немъ, чтобы дальше не останавливаться на этомъ;
замѣчу вамъ снова, что все эти вопросы юриди-
ческие, которые своевременно могутъ подлежать раз-
рѣшенію суда, а не вашему, такъ какъ вы призваны
разрѣшать одни вопросы фактическіе. На этомъ я
могу покончить съ вопросами 17 и 18. Повторять
вамъ всѣ соображенія pro и contra, приведенные сто-
ронами, было бы излишнимъ; вы безъ сомнѣнія умѣли
уже усвоить и оцѣнить ихъ. мнѣ остается разсмотрѣть
обвиненіе въ растратѣ вкладовъ на храненіе и подлож-
номъ составленіи книгъ, отчетовъ и свидѣтельства за
№ 321, выданного товариществу пароходнаго сообще-
нія между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ. Признаки
этихъ преступленій тѣ же, какъ и по предшествую-
щимъ вопросамъ. Предметомъ растраты были вклады
на храненіе, составлявшіе, какъ вы слышали, непри-
косновенный фондъ банка, за цѣлостью которого при-
звано было блюсти правленіе банка; лица, входившія
въ его составъ, за исключеніемъ Сутугина, не отвер-
гаютъ своей виновности. Сутугинъ же объясняетъ, что
въ послѣднее время, къ которому относится эта рас-
трата, онъ вовсе даже неѣздила въ Кронштадтъ и
такимъ образомъ ничего о ней не знала. Ланге и
Бреме, о которыхъ поставлены 23 и 24 вопросы, го-
ворятъ, что они закладывали по порученію членовъ
правленія эти вклады и опять приводятъ тѣ же объяс-
ненія, какія мы прежде слышали о зависимомъ ихъ

положеніи. Что касается обвиненія въ подложномъ со-
ставлениі книгъ и отчетовъ, составляющихъ предметъ
вопросовъ отъ 25 до 29, то кромѣ указанія на выводы
экспертизы, доставившей матеріалъ для сужденія объ
этомъ предметѣ, мнѣ казалось бы нечего было бы и
сказать вамъ; но защита указывала на то, что обви-
неніе это не можетъ быть самостоятельно предъявлено,
такъ какъ оно составляетъ лишь необходимое послѣд-
ствіе обвиненій въ растратѣ. Нельзя, говорить защита,
требовать отъ людей, чтобы, растративъ вклады на
храненіе, они отмѣтили въ книгахъ, что такой-то
вкладъ украденъ! Но дѣло въ томъ, что обвиненіе въ
подложномъ веденіи книгъ и составленіи отчетовъ вы-
текаетъ изъ другихъ фактовъ, какъ напримѣръ изъ
указанныхъ прокуроромъ записей 20-го января и
3-го февраля 1879 года, когда было проведено по
книгамъ банка на два миллиона вкладныхъ билетовъ,
выпущенныхъ гораздо ранѣе. Обвиненіе обращало
вниманіе ваше и на то, что помѣщеніемъ такихъ свѣ-
дѣній въ балансахъ, подсудимые скрывали отъ акціо-
неровъ истинное положеніе дѣль банка; то же самое
можно сказать и о балансѣ, на основаніи которого
передъ самыми закрытиемъ банка депутація просила
правительство о субсидіи. По этому обвиненію при-
влечены Шенъянъ, Синебрюховъ, Ландгвагенъ, Суту-
гинъ, Фитинггофъ, Ланге и Бреме; при обсужденіи винов-
ности ихъ, вы снова столкнетесь съ тѣми вопросами,
которые возникли раньше, о томъ, насколько дѣятельно
было участіе каждого изъ нихъ въ судьбахъ банка:
вопросы неизбѣжные, какъ только вы захотите опре-
дѣлить разницу между формальной и жизненной прав-
дой. Послѣднее, наконецъ, обвиненіе въ подложномъ
составленіи свидѣтельства за № 321 было такъ тща-
тельно выяснено на судѣ, что говорить о немъ уже не
приходится: вспомните показаніе свидѣтелей Ясюковича
и Безрадецкаго и заключеніе къ этому предмету экспер-

товъ; законные же признаки подлога были ранѣе мною
объяснены. Вотъ всѣ тѣ объясненія, которыхъ я считалъ
необходимымъ вамъ изложить, гг. присяжные засѣда-
тели; въ нихъ я старался дать вамъ ясное понятіе
о составѣ разсмотрѣнныхъ преступленій, указать вамъ
на относящіяся къ нимъ данныя судебнаго слѣдствія,
а также на значеніе представленныхъ доказательствъ.
Разъясненія мои не должны стѣснять свободнаго суж-
денія вашего о доказанности преступленія и винов-
ности. Вы произносите вашъ приговоръ по внутрен-
нему своему убѣженію, сложившемуся на основаніи
всей совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ на
судѣ. Разрѣшивъ вопросъ о виновности по отношенію
къ кому либо изъ подсудимыхъ утвердительно, вы вой-
дете затѣмъ въ обсужденіе того, не вызываютъ ли они
къ себѣ вашего снисхожденія; здѣсь умѣстно будетъ
оцѣнить тѣ отзывы словесные и письменные, которые
даны были о большинствѣ подсудимыхъ и которые го-
ворять объ ихъ прошломъ. Едва ли справедливо запо-
дозривать правдивость искренность этихъ отзывовъ,
когда мы не имѣемъ данныхъ сомнѣваться въ томъ,
что подсудимые, до привлечения ихъ къ настоящему
дѣлу, ни чѣмъ себя не запятнали.

Объяснивъ затѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ по-
рядокъ ихъ совѣщаній, г. предсѣдатель сказалъ: «Вру-
чаю вамъ, г. старшина, вопросный листъ и приглашаю
гг. присяжныхъ засѣдателей приступить къ исполне-
нію лежащихъ на нихъ обязанностей; я увѣренъ, что
они выполнятъ ихъ съ полнымъ сознаніемъ всей важ-
ности своей задачи.

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося до 4-хъ ча-
совъ, присяжные засѣдатели вошли въ зало засѣданія
и старшина ихъ прочелъ вердиктъ, по которому: Су-
тугинъ, баронъ Фитинггофъ, Ланге, Бреме, Емельяновъ,
князь Оболенскій и Суздальцевъ признаны невиновными.

Признанные виновными: Шеньянъ и Ландгвагенъ—въ неправильныхъ и злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ при производствѣ ссудъ и въ растратѣ вкладовъ на храненіе, а Синебрюховъ—только въ послѣднемъ, приговорены судомъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житѣе: Шеньянъ—въ Тобольскую, Синебрюховъ—въ Архангельскую губерніи, и Ландгвагенъ—къ заключенію въ рабочемъ домѣ на $2\frac{1}{2}$ года. Вкладные билеты признаны недѣйствительными. Съ осужденныхъ постановлено взыскать, за круговою другъ за друга порукою, въ пользу несостоятельнаго кронштадтскаго банка 163,000 руб. Искъ конкурса признанъ подлежащимъ удовлетворенію съ Шеньяномъ и Синебрюховомъ, и размѣръ онаго возложенъ на одного изъ членовъ суда. Въ остальныхъ искахъ отказано.

Подсудимые Сутугинъ, баронъ Фитинггофъ, Ланге, Бреме, Емельяновъ, князь Оболенскій и Сузdal'цовъ признаны по суду оправданными.

Настоящая резолюція объявлена въ слѣдующемъ составѣ суда, рассматривавшаго все дѣло:

Предсѣдатель *A. M. Кузминскій*.

Члены суда: *Гельшерфтъ, Зубовъ*.

Товарищи прокурора: *Саблинъ, Васильевъ*.

Секретари: *Скульскій, Паппе*.

Въ дополненіе къ изложеннымъ обстоятельствамъ дѣла, считаемъ необходимымъ привести привести отзывы прессы, появившиеся до и послѣ окончанія процесса кронштадтскаго банка.

Въ № 66 «Петербургской Газеты», отъ 9-го марта 1883 года, помѣщена слѣдующая передовая статья:

Къ процессу кронштадтскаго банка.

Еще нѣсколько дней, и въ здѣшнемъ окружномъ судѣ развернется во всю ширь новая картина банковскихъ порядковъ или, вѣрнѣе, непорядковъ. Снова передъ глазами переставшей уже изумляться публики пройдетъ цѣлый рядъ дѣятелей банка, на этотъ разъ кронштадтскаго, гг. Шеньянъ, Ландгвагенъ, Синебрюховыхъ, и лицъ прикоснувшихъ къ дѣлу, заемщикъ банка И. И. Сузdal'цева и кн. Д. Д. Оболенскаго... Процессъ обѣщаетъ быть сложнымъ и интереснымъ самъ по себѣ, но онъ станетъ еще болѣе интереснымъ, если принять во вниманіе, что въ немъ впервые, за время нашей новой судебной практики, присяжнымъ засѣдателямъ придется въ уголовномъ порядке решить вопросъ чисто гражданскихъ отношеній.

Вы, конечно, считаете это немыслимымъ, но это такъ. Обвинительная власть нашла возможнымъ въ данномъ случаѣ смѣшать козлищъ и овецъ, она одинаково притянула къ суду какъ дѣйствительныхъ виновниковъ расхищенія банка, гг. директоровъ его, такъ и тѣхъ коммерсантовъ, которые имѣли только несчастіе вступать въ гражданскуя сдѣлки съ злополучнымъ банкомъ.

Такими лицами являются въ настоящемъ процессѣ князь Д. Д. Оболенскій и директоръ боровичской жел. дороги И. И. Суздальцевъ. Посмотримъ, каково же то преступленіе (?), которое тяготѣтъ надъ ними?

Князь Д. Д. Оболенскій и И. И. Суздальцевъ обвиняются по 13 и 1690 ст. уложенія о наказаніяхъ; они обвиняются въ подлогѣ, другими словами, въ соучастії (ст. 13) съ гг. Шеньянъ, Ландгвагенъ, Сутугинымъ и Синебрюховымъ, но въ чёмъ же выразилось это «соучастіе», эти «подлоги»?

И потомств. поч. гражданинъ Суздальцевъ, и кн. Оболенскій и покойный Н. И. Путиловъ, тоже было привлеченій къ слѣдствію, но избавившійся отъ него смертью — люди солидно-коммерческіе. Одинъ изъ нихъ — директоръ желѣзной дороги и извѣстный биржевой купецъ, ведущій дѣла съ за границей, другой — бывшій предводитель дворянства Тульской губерніи, шталмейстеръ Высочайшаго двора, во время послѣдней войны организовавшій громадное предпріятіе по поставкѣ сухарей въ армію, и третій, наконецъ, извѣстный энергическій заводскій дѣятель. Всѣ трое пользовались солиднымъ положеніемъ въ коммерческомъ мірѣ и полною кредитоспособностью, и вотъ, понадобились имъ деньги, одному на постройку дороги, другому на сухарное дѣло, третьему на свои заводы, и они обращаются въ кронштадтскій банкъ, который прибѣгъ въ то время къ операциіи, производившейся

всѣми банками, къ выпуску вкладныхъ билетовъ подъ учетъ векселей, вмѣсто наличныхъ денегъ.

Кн. Оболенскій и И. И. Суздальцевъ представили векселя на очень крупныя суммы, получили вкладные билеты — совершили извѣстный коммерческій оборотъ — и затѣмъ къ дѣламъ давно уже расшатавшагося кронштадтскаго банка оставались совершенно непричастными. Между тѣмъ, черезъ нѣкоторое время банкъ лопается, начинается уголовное дѣло о гг. Шеньянѣ, Ландгвагенѣ, Сутугинѣ, Синебрюховѣ, но никто и не думаетъ о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ гг. Оболенскаго и Суздальцева. Правда, изъ всѣхъ силъ хлопоталъ объ этомъ конкурсъ по дѣламъ кронштадтскаго банка съ предсѣдателемъ его, г. Бѣлецкимъ, во главѣ, но ни слѣдователь Пороцкій, ни такие компетентные прокуроры какъ Лопухинъ, Плеве, Сабуровъ, Болотниковъ, Смирновъ — никто не находилъ состава уголовнаго преступленія въ заурядной финансовой операциіи! Слѣдствіе было наконецъ окончено черезъ $2\frac{1}{2}$ года, обвинительный актъ безъ привлеченія гг. Суздальцева и Оболенскаго былъ пропущенъ товарищемъ прокурора судебнай палаты, но иначе взглянула на дѣло современная прокуратура палаты. Палата нашла, что вкладные билеты, подъ которые не вложены въ банкъ наличныя деньги, удостовѣряютъ несуществующій фактъ — ergo подложны, и вотъ мы видимъ теперь на скамье подсудимыхъ людей, до сихъ поръ пользовавшихся прекрасною репутациєю и обвиняемыхъ теперь въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе правъ и ссылку на поселеніе или на житѣе въ Томскую или Тобольскую губерніи!...

Поищемъ однако мотивовъ подобной кары за дѣянія гг. Оболенскаго и Суздальцева... Утверждаютъ, что «вкладные билеты, подъ кои не внесены наличныя деньги — удостовѣряютъ несуществующій фактъ», но

развѣ это такъ?.. Развѣ вексель кредитоспособнаго лица безденеженъ, развѣ онъ не составляеть такой валюты, которая во всякое время можетъ быть обращена въ тѣ же деньги? А priori уже всякий вексель лица кредитоспособнаго тѣ же деньги, и развѣ каждый денежный знакъ (въ данномъ случаѣ вкладной билетъ), не соотвѣтствующій своему тексту, долженъ быть признанъ подложнымъ?

Но въ такомъ случаѣ каждый дружескій бланкъ будетъ тоже подложнымъ.

Все это соображенія, невольно приходящія на мысль при внимательномъ обсужденіи мотивовъ къ привлечению на скамью подсудимыхъ Суздальцева и кн. Оболенскаго, но эти соображенія подкрѣпляются и неопровергими фактами.

Всѣ банки занимались подобными операцийми съ вкладными билетами для представлениія залоговъ на таможню, по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, за соль и т. п. Кто не знаетъ, что всѣ крупные дѣльцы желѣзно-дорожные и иные брали многомилліонныя ссуды вкладными билетами подъ учетъ своихъ векселей? Кокоревъ съ Губонинымъ брали изъ волжско-камскаго банка вкладными билетами для залоговъ подъ соль; Варшавскій — два миллиона для постройки ряжско-вяземской дороги изъ ссудно-учетнаго банка; Унгернъ - Штернбергъ — миллионъ изъ международнаго банка для постройки харьково-николаевской дороги, и наконецъ тотъ же кронштадтскій банкъ выдалъ до 500 тысячъ вкладными билетами Баранову для подряда — и никто не привлекалъ этихъ заемщиковъ къ отвѣтственности по ст. 1690 ул. о наказаніяхъ!?

Отчего же это такъ? Отчего тогдѣ тѣ же вкладные билеты подъ тотъ же учетъ вѣрныхъ векселей удостовѣряли существующи фахтъ, а теперь они «удостовѣряютъ несуществующи фахтъ»? Да очень просто: потому что въ нашемъ кодексѣ нѣть

статьи, которая вмѣняла бы въ преступленіе подобную операцию, а ст. 1-я нашего уложенія прямо гласитъ, что преступленіемъ является только дѣяніе, воспрещенное закономъ... Разъ нѣтъ запрещенія въ законѣ — нѣть и преступленія!..

Не предусматриваетъ подобной операциіи ни одна статья нашего уложенія и теперь. Это прекрасно понимало, вѣроятно, и обвиненіе, подводя «преступленіе» гг. Суздальцева и кніязя Оболенскаго подъ ст. 1690, т. е. подъ общее понятіе подлога на такомъ шаткомъ основаніи, какъ вышеприведенное «удостовѣреніе несуществующаго факта». Она не нашла ни одной статьи, прямо воспрещающей подобную финансую операцию, и подводя поэтому ее подъ ст. 1690, руководствовалась, вѣроятно, сенатскимъ толкованіемъ этой статьи по дѣлу Браиловскаго въ 1870 г., забывая, что это толкованіе, распространительное само по себѣ, не можетъ быть распространено еще дальше. Въ противномъ случаѣ, при подобномъ распространеніи этого толкованія, всякий кредитъ, всякая промышленность, всякая торговля, невозможная безъ этого кредита, была бы убита въ самыхъ основаніяхъ своихъ.

Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая настоящаго дѣла, подробности котораго выяснятся на судѣ, и не желая становиться въ защиту лицъ привлеченныхъ, мы пока воздерживаемся отъ окончательнаго сужденія. Полагаемъ однако, что настоящимъ процессомъ долженъ разрѣшиться на судѣ весьма интересный юридический вопросъ о значеніи «вкладныхъ» билетовъ, т. е. операциіи, практикующейся чуть-ли не во всѣхъ банкахъ.

Всльдѣ за этою статью въ «Правительственномъ Вѣстнике» отъ 11-го марта появилось слѣдующее сообщеніе, перепечатанное потомъ всѣми газетами:

«Въ № 66 «Петербургской Газеты», отъ 9-го сего марта, въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ: «Къ процессу кронштадтскаго банка» помѣщены свѣдѣнія и

суждениј по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ, направленный къ тому, чтобы указать на неосновательное будто бы привлеченіе къ уголовной отвѣтственности по этому дѣлу подсудимыхъ — статского советника князя Оболенского и потомственного почетного гражданина Сузальцева, которые, въ числѣ другихъ лицъ, преданы суду по опредѣленію с.-петербургской судебнай палаты. Означенные свѣдѣнія оказываются фактически вполнѣ невѣрными и несогласными съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла. Что же касается до основаныхъ на такихъ превратныхъ свѣдѣніяхъ явно одностороннихъ суждений, то ихъ появленіе въ повременномъ изданіи представляется совершенно неумѣстнымъ, въ виду предстоящаго еще гласнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія упомянутаго дѣла судомъ въ судебномъ засѣданіи, впредь до котораго закономъ воспрещается оглашеніе въ печати какихъ либо данныхъ, относящихся до существа производящагося уголовнаго дѣла.»

Вслѣдствіе этого, по поводу помѣщенія въ «Петербургской Газетѣ» вышеупомянутой статьи, возбуждено, по распоряженію прокурора с.-петербургской судебнай палаты, надлежащее уголовное преслѣдованіе, на основаніи ст. 1,038 улож. о наказ. уголовн. и исправ., допол. по продолженію 1876 года.

Въ № 2585 «Новаго Времени», отъ 11 мая 1883 года напечатана слѣдующая передовая статья:

«Процессъ по дѣлу кронштадтскаго банка завершился, наконецъ, истомивъ и присяжныхъ, и судей, и экспертовъ, не говоря уже про обвиняемыхъ. Правосудіе сдѣлало свое дѣло: виновные обвинены и понесутъ законную кару, правые оправданы и будутъ возвращены гражданскому обществу.. Судъ присяжныхъ еще разъ съ торжествомъ сослужилъ свою службу, какъ истинный органъ общественной мысли и совѣсти. Отчего же справедливый приговоръ присяжныхъ ока-

зываются на сей разъ бессильнымъ удовлетворить общественную совѣсть? Отчего возмущенное чувство не находить успокоенія въ томъ сознаніи, что правые оправданы и только виновные осуждены?..

Да, нравственнаго удовлетворенія и успокоенія не принесъ на сей разъ справедливый приговоръ присяжныхъ. Совѣсть все-таки не мирится съ тѣмъ, что мы видѣли на этомъ процессѣ, и назойливо напоптываетъ свои сомнѣнія и недоумѣнія: да точно ли судебнай кара не коснулась тѣхъ, кого судъ призналъ невинными? Точно ли не пострадали вмѣстѣ съ виновными и правые?..

Читатель! Храни вѣсъ Богъ попасть на позорную скамью подсудимыхъ не только за содѣянную вину, а хотя бы даже безъ малѣйшаго дурнаго помысла съ своей стороны, по какому нибудь прискорбному недоразумѣнію. Но если судьба послала вамъ это тяжкое испытаніе, если вамъ случилось въ жизни пережить хотя бы только опасеніе попасть на скамью подсудимыхъ или видѣть на ней близкихъ, дорогихъ вамъ людей,—о, тогда вы поймете, какой дорогой цѣнной куплено торжество правосудія по дѣлу кронштадтскаго банка. За что позорились сообществомъ дѣйствительныхъ преступниковъ эти двѣ трети обвиняемыхъ, которыхъ судъ и общественная совѣсть не нашли въ чемъ обвинить? За что мучились страхомъ неизвѣстности и томительными ожиданіями судебнай развязки ихъ семьи,—ихъ родные и близкіе? Чѣмъ вознаграждены эти нравственные пытки множества людей,—отцы мужья, сыновья или братья которыхъ отданы были подъ судъ, не совершивъ никакого преступленія? Да и не только отданы подъ судъ; нѣтъ, они отданы были на публичное поруганіе въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. Ихъ не обвиняли, а шельмовали въ судѣ, словно какихъ-нибудь изгоевъ общества, не имѣющихъ человѣческаго образа; надъ ними глумились,

имъ публично бросали въ лицо самыя постыдныя укоризны, и все это они должны были сносить безропотно, не смѣя ни остановить поносителей, ни устраниться отъ выслушанія этихъничѣмъ не заслуженныхъ любезностей прокуратуры, которая, кажется, развернула для настоящаго случая всѣ свои таланты по части глумленія надъ беззащитными людьми...

Но нравственные муки въ дѣлахъ такого рода не приходятъ однѣ; въ настоящемъ процессѣ это выражалось особенно ясно. Для людей, каковы оправданные судомъ присяжныхъ подсудимые по дѣлу кронштадтскаго банка, доброе имя—это своего рода капиталъ; имъ опредѣляется кредитоспособность лица. Заподозрѣно доброе имя—теряется довѣріе и къ дѣловой честности лица, и люди, ведущіе какое нибудь предпріятіе, теряютъ подъ собою почву, раззоряются. Мы читали печатныя заявленія объ одномъ изъ бывшихъ подсудимыхъ, князѣ Оболенскомъ, что онъ раззорился. Банковскія публикаціи о продажѣ съ публичнаго торга имѣній его жены (въ Тульской губ.) подтверждаютъ фактическую справедливость этихъ заявлений. О другихъ оправданныхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній, но достаточно знать, что они имѣютъ касательство къ разнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, чтобы не сомнѣваться въ результатахъ судебнаго преслѣдованія для материальнаго благосостоянія ихъ. За что же эти раззоренія и вознаградить ли разоренныхъ оправдательный приговоръ?

Посмотрите, между тѣмъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ вчинается обвиненіе противъ невинныхъ, какъ ревниво поддерживается мысль объ ихъ виновности раньше не только осужденія, а даже и судебнаго разбирательства. Незначительная газетная замѣтка въ пользу одного изъ обвиняемыхъ безъ вины вызываетъ немедленно преслѣдованіе противъ газеты, давшей мѣсто такой замѣткѣ. На судебномъ разбирательствѣ

обвинительная власть просто рисуется тѣмъ, что она съ такимъ легкимъ сердцемъ готова отравить существованіе невинныхъ людей. „Я не признаю виновнымъ такого-то, но все-таки считаю возможнымъ поддерживать обвиненіе противъ него“—публично заявляется съ прокурорской трибуны, точно дѣло идетъ о какомъ-то забавномъ фокусѣ, въ которомъ тотъ и герой, кто съумѣеть невозможное представить возможнымъ...

Не говоримъ о судебныхъ впечатлѣніяхъ публики, передъ которой съ такой помпой рисовалась прокуратура своимъ легкимъ отношеніемъ къ судьбѣ живыхъ людей, ею засаженныхъ безъ всякой вины на скамью подсудимыхъ. Не говоримъ о чувствахъ родныхъ и близкихъ къ подсудимымъ, наполнившихъ залъ судебныхъ засѣданій. Но неужели же сочиненіе, даже самое ловкое, небывалыхъ преступленій и отправленіе правосудія,—одно и тоже? Неужели на то и существуютъ представители государственного обвиненія, такова и должна быть ихъ роль на судѣ, чтобы во что бы ни стало обвинять даже завѣдомо невинныхъ людей? И откуда создалось, на какой почвѣ возросло это странное направленіе обвинительной власти? Вѣдь ничего такого не могло родиться и выrostи на почвѣ судебныхъ уставовъ...

Въ кружкахъ, близко посвященныхъ въ закулисную сторону этого несчастнаго дѣла, а за ними и въ публикѣ придаются большое значеніе тому обстоятельству, что въ настоящемъ случаѣ преданіе суду состоялось не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ, а по опредѣленію палаты, которая разошлась съ окружнымъ судомъ во взглядѣ на обвиняемыхъ. Прокуратура-де старалась поддержать во что бы то ни стало взглядъ судебнай палаты. Подобные комментаріи проскользнули даже въ судебнѣхъ преніяхъ. Но мы не рѣшаемся вѣрить, что нашъ институтъ государственного обвиненія въ такой степени потерялъ подъ собой законную почву, тѣмъ

болѣе, что въ дѣлѣ кронштадтскаго банка выступили представителями обвиненія едва ли не лучшія силы петербургской прокуратуры. И тѣмъ менѣе способны мы понимать роль прокуратуры въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ...

Какъ бы то ни было, но это дѣло даетъ яркую иллюстрацію судебнаго произвола, такъ ретиво отрицаемаго у насъ нѣкоторыми органами печати. Потому и не удовлетворяется нравственное чувство справедливымъ судебнымъ приговоромъ, что этотъ приговоръ не въ состояніи исправить всѣхъ тяжкихъ послѣдствій для лицъ, сдѣлавшихся жертвою произвола.»

Затѣмъ журналъ „Гражданинъ“ въ № 21 за текущій годъ, въ одной изъ своихъ статей говорить слѣдующее:

«Длившійся шестнадцать сутокъ процессъ кронштадтскаго банка окончился къ явному неудовольствію обвинительной власти. Изъ десяти обвиняемыхъ семеро оправданы по всѣмъ пунктамъ обвиненія и признаны виновными только трое, Шенъянъ, Синебрюховъ и Ландгвагенъ, бывшіе директоры банка, въ растратѣ 163,000 руб. ввѣренныхъ банку вкладовъ на храненіе, въ какомъ преступленіи названныя лица сами сознались, причемъ присяжные вынесли имъ «снисхожденіе» и они приговорены: первые двое — къ ссылкѣ въ Тобольскую и Архангельскую губерніи, а третій — къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Обвиненіе подсудимыхъ въ совершеніи преступленія подлога рушилось: гора родила мышь. Главное, чѣмъ огорчилаась с.-петербургская прокуратура, — это оправданіе князя Оболенскаго и г. Сузdal'цева, обвиняемыхъ ею «въ пользованіи для ихъ личныхъ выгодъ завѣдомо подложными вкладными билетами кронштадтскаго банка, на сумму нѣсколько сотъ тысячъ рублей», или иными словами: «въ участіи въ преступленіяхъ подлога». Надобно замѣтить, что во все время произ-

водства предварительнаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ и крахѣ кронштадтскаго банка, въ теченіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, какъ самъ г. слѣдователь, такъ равно и тогдашняя с.-петербургская прокуратура, съ прокуроромъ судебной палаты г. Плеве во главѣ, ничего преступнаго въ отношеніяхъ князя Оболенскаго и г. Сузdal'цева къ лопнувшему банку не усматривали, и они, т. е. князь Оболенскій и г. Сузdal'цевъ, были привлечены къ дѣлу токмо въ качествѣ свидѣтелей и въ этомъ именно смыслѣ былъ составленъ обвинительный актъ. Обстоятельства дѣла съ этого момента не измѣнились ни на iota, но измѣнилось вотъ что: на мѣсто г. Плеве вступилъ шумный г. Муравьевъ, который тотчасъ же нашелъ возможнымъ обогатить нашу криминалистику совершенно новымъ, сдѣланнымъ имъ открытиемъ. Это открытие, или изобрѣтеніе, состояло въ томъ, что г. прокуроръ палаты призналъ «выпускъ банкомъ вкладныхъ билетовъ независимый деньги, но подъ векселя, — подлогомъ, а такие билеты — подложными». «А такъ какъ князь Оболенскій и г. Сузdal'цевъ сими билетами пользовались для личныхъ своихъ выгодъ, то они и виновны въ участіи въ семъ преступленіи». С.-Петербургская судебная палата нашла это прокурорское изобрѣтеніе стоющимъ полного поощренія и, недолго думая, посадила князя Оболенскаго и г. Сузdal'цева на скамью обвиняемыхъ.

Но всякое изобрѣтеніе, камъ бы нелѣпо оно ни было, дорого для его изобрѣтателя. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Г. прокуроръ палаты, авторъ привлечения князя Оболенскаго и г. Сузdal'цева къ суду, почти не покидалъ залы судебнаго засѣданія и своимъ присутствиемъ поощрялъ выступившія въ бой молодыя прокурорскія силы — двухъ товарищей про-

куоровъ: гг. Саблина и Васильева, которые, видимо проникнувшись полнымъ уваженiemъ къ изобрѣтенію ихъ начальства, «старались», что называется, «изо всѣхъ силъ», говорили, говорили и говорили... и все больше о князѣ Оболенскомъ и Суздальцевѣ «до пересыханія въ горлѣ», «въ потѣ лица»... Этихъ двухъ бойкихъ и развязныхъ официальныхъ обвинителей со всѣмъ усердіемъ поддерживали шестеро гражданскихъ истцовъ (вѣдь интересы то общіе) и сверхъ того нѣсколько адвокатовъ другихъ подсудимыхъ, особенно адвокаты гг. Щеняна и Ландгвагена, гг. присяжные повѣренные Бобрищевъ-Пушкинъ и Жуковскій; и вся эта крѣпко сплотившаяся между собою клика употребляла всѣ свои усилия и не брезговала никакими средствами, чтобы утопить князя Оболенского и г. Суздальцева, — особенно первого «во что бы то ни стало». «Надо валять во всю», говорилъ одинъ изъ клики другому. — «Конечно, чего тутъ стѣсняться; обвинение стоить пока твердо», отвѣчалъ другой. — «Нѣть, постойте! я вотъ князю такъ сейчасъ поднесу, что и не ожидаетъ», говорилъ третій. «Вотъ этого предводителя хорошенько бы продержнуть надо», вставляя свое слово четвертый и т. д. и т. п.

И что перенесъ князь Оболенскій за время процесса отъ своихъ обвинителей!.. Начать съ того, что «княжескаго титула» онъ былъ лишенъ; его называли болѣею частью «подсудимый Оболенскій», а когда говорилось въ третьемъ лицѣ, такъ и просто «Оболенскій»: князь и г. Суздальцевъ были сравниваемы «съ оборванцами-мазуриками съ Сѣнной площади», ихъ называли «поддѣльщиками и сбытчиками подложныхъ вкладныхъ билетовъ», а въ концѣ-концовъ, при поставкѣ вопросовъ, адвокатъ Потѣхинъ просилъ судъ поставить гг. присяжнымъ засѣдателямъ такой вопросъ: „если князь Оболенскій невиновенъ въ подлогѣ, то не виновенъ-ли онъ въ воровствѣ-мошен-

ничествѣ», мотивируя эту свою просьбу тѣмъ, «что вопросъ о мошенничествѣ князя» былъ предметомъ судебнѣхъ преній. Хотя въ этой просьбѣ г. Потѣхину судъ отказалъ, тѣмъ не менѣе адвокатъ все-таки потѣшился публично и безъответственно обозвавъ русскаго князя «воромъ-мошенникомъ». И вотъ у какихъ людей въ рукахъ наша жизнь и честное имя!..

Но это еще не все.

Какъ извѣстно, тульское дворянство приспало князю Оболенскому сочувственный адресъ. Нужно было опозорить и этотъ адресъ. И вотъ для этого, въ параллель къ адресу отъ всего дворянства Тульской губерніи, защитникомъ мѣщанина Ландгвагена представляется и читается на судѣ, написанный почти въ такихъ же выраженіяхъ адресъ къ Ландгвагену отъ имени десяти его сослуживцевъ по банкирской конторѣ г. Стѣфаница... При этой милой шуткѣ, гг. обвинители улыбались и смеялись, а г. прокуроръ съ своей обвинительной рѣчи «пожалѣлъ объ обманутомъ тульскомъ дворянствѣ», самоувѣренно высказавъ передъ гг. присяжными, «что никогда бы тульское дворянство не дало такого адреса подсудимому Оболенскому, если бы оно хорошенько знало того, кому оно дало его»...

Но и это еще не все.

Лица, свидѣтельствовавшія въ пользу князя Оболенскаго, всячески опозоривались и «продергивались».

Такъ: свидѣтельствуетъ г. Свѣчинъ, теперешній тульскій губернскій предводитель дворянства, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, адвокатъ Потѣхинъ спрашиваетъ его:

— Скажите, свидѣтель, вы мебели у Оболенскаго не покупали?

— Да, турецкій диванъ купилъ... но зачѣмъ это?

Допросъ этотъ былъ прерванъ г. предсѣдателемъ, какъ къ дѣлу совсѣмъ не относящейся. Въ самомъ

дѣлѣ, зачѣмъ г. Потѣхину требовалось знать покупалъ-ли г. Свѣчинъ какую-нибудь мебель у кн. Оболенскаго, или не покупалъ? Да къ тому, вѣроятно, чтобы показать и намекнуть присяжнымъ, что это показаніе дается свидѣтелемъ въ пользу подсудимаго изъ-за мебели!..

Словомъ, шельмованіе князя Оболенского, которому онъ публично подвергался, было полное и самое разнообразное...

Вся эта травля и публичная игра въ человѣческую честь производила подавляющее и возмутительное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что съ дальнѣйшимъ развитиемъ процесса, для его слушателей, даже и не юристовъ, становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что судить невинныхъ и притомъ за вымыщенное преступленіе. Но, чѣмъ болѣе гг. обвинители теряли подъ собою твердую почву, тѣмъ ругательства и издѣвательства ихъ становились рѣзче и безцеремоннѣе. Такъ упомянутую вылазку противъ кн. Оболенского съ «воровствомъ-мошенничествомъ» знаменитый защитникъ Овсянникова и шантажистовъ сдѣлалъ при постановкѣ вопросовъ, т. е. какъ бы въ заключеніе спектакля.

Въ чѣмъ же собственно состояли дѣянія кн. Оболенского и г. Сузdal'цева, за которыхъ они попали на скамью подсудимыхъ? Да Сузdal'цева обвиняли въ томъ, что, не имѣя денегъ, онъ вздумалъ строить боровицкую желѣзную дорогу и вступилъ съ кроншт. банкомъ къ постройкѣ этой дороги въ К^о, каковое предпріятіе принесло банку убытокъ. Кн. Оболенскаго—въ томъ, что онъ, будучи тоже неимущимъ, взялся за сухарные подряды, разорилъ ими банкъ, причемъ, благодаря убыточности этихъ подрядовъ, вынудилъ правленіе банка растратить ввѣренные вклады на храненіе, на 163,000., и такимъ образомъ ограбилъ цѣлья сотни вдовъ, сиротъ и честныхъ тружениковъ, отнесшихъ въ банкъ свои послѣднія крохи, свои тру-

довыя сбереженія; наконецъ ихъ обоихъ вмѣстѣ, т. е. кн. Оболенскаго и Сузdal'цева,—въ томъ еще, что они, для своихъ коммерческихъ операций получали изъ банка вкладные билеты не за внесенные деньги, а подъ ихъ векселя, т. е. билеты фиктивные и подложные, и сими завѣдомо подложными вкладными билетами пользовались въ личную свою прибыль.

Но вѣдь предпріятіе постройки какой либо желѣзной дороги и какого либо подряда, равно какъ и устройство самимъ кронштадтскимъ банкомъ „Военнаго Комиссіонерства“—суть предпріятія чисто коммерческія и никакими законами, какъ уголовныя преступленія, не разматриваются. Точно также не составляется преступленія „неимущество лица“, хотя бы и афериста. Да и откуда взяли гг. обвинители и имѣли ли они вообще какое либо право доказывать на судѣ долги кн. Оболенскаго и г. Сузdal'цева, и ихъ неимущество, тѣмъ болѣе, напр., первый изъ нихъ женатъ на дѣвицѣ изъ извѣстной и весьма богатой аристократической фамиліи, принесшей ему полмилліона рублей въ приданое, и былъ четыре трѣхлѣтія безсмѣшнымъ предводителемъ дворянства, а неимущіе люди на такія должности, какъ извѣстно, никогда не выбираются. Но не будемъ касаться этихъ вопросовъ, ибо дѣлать ихъ предметомъ предварительного слѣдствія и еще болѣе поднимать ихъ публично на судѣ,—было, по нашему мнѣнію, со стороны обвиненія совершенно неумѣстно и влекло за собою лишь одно публичное дискредитированіе названныхъ лицъ въ имущественномъ отношеніи, а между тѣмъ обвиненіе только и доказывало имущественную несостоятельность кн. Оболенскаго и г. Сузdal'цева и то, что ихъ векселя никогда ничего не стоили, не стоять и стоять не могли.

Затѣмъ, еще на предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что кронштадтскій банкъ, по собственному сознанію его директоровъ, еще къ 1 юля 1876 г.

не имѣлъ никакого плюса, но имѣлъ дефицитъ въ одинъ миллионъ сто тысячъ рублей слишкомъ. Отсюда могъ-ли разорить кн. Оболенскій кронштадтскій банкъ въ 1877 году (время вступленія его въ операциіи съ банкомъ), когда еще въ 1876 г. у банка ровно ничего не было. Да же чтобы обвинять кн. Оболенского въ участіи въ растратѣ 163,000 р. вкладовъ на храненіе, въ ограбленіи вдовъ, сиротъ и т. д., вѣдь должно же было предварительно выяснить и доказать, что кн. Оболенскій зналъ обѣ этой растратѣ и, несмотря на то, деньгами отъ сего преступленія полученнымъ воспользовался, или пользовался. Но ни о чемъ подобномъ ни на предварительномъ, ни на судебномъ слѣдствіи не было и помину, ни даже какого либо хотя косвенного намека!. Напротивъ того, еще на предварительномъ слѣдствіи, какъ мы сами слышали на судѣ, положительно констатировано, что кн. Оболенскій никогда никакихъ наличныхъ денегъ изъ кронштадтскаго банка не бралъ, но получилъ лишь оттуда, подъ свои и Шеньяна векселя, вкладные билеты на сумму 2,800,000 рублей, въ уплату которыхъ перевелъ въ банкъ наличными деньгами и квитанціями интендантства 3,330,000 рублей, причемъ обоюдные счеты его съ банкомъ были свѣдены къ слѣдующему: векселей и бланковъ князя имѣлъ банкъ на 880,000 руб., а князь представилъ въ судъ вкладныхъ билетовъ на 1,410,000 рублей, заявляя, что банкъ остается ему такимъ образомъ должнымъ 530,000 рублей, что и заставило сдѣлаться его, князя, несостоятельнымъ должникомъ. Теперь, кто же кому долженъ: князь ли кронштадтскому банку, или наоборотъ, и справедливо ли вообще приведенное сейчасъ заявленіе кн. Оболенскаго? Разрѣшить этотъ вопросъ мы не беремся, но, по нашему мнѣнію, прокуратура, прежде чѣмъ сочинять свое обвиненіе въ томъ, что кн. Оболенскій разорилъ банкъ, должна

была выяснить означеннное обстоятельство съ точностію, или, иными словами, должна была предоставить кн. Оболенскому, Шеньяну и банку разобраться прежде всего въ судѣ гражданскомъ.

Наконецъ послѣднее и главное обвиненіе кн. Оболенскаго и г. Суздальцева въ пользованіи за вѣдомо подложными вкладными билетами,—представляется просто вымысломъ, такъ какъ вкладные билеты, выдаваемые банками—не за наличныя деньги, но подъ векселя, ничуть не подлогъ, но весьма обыкновенная и постоянно практиковавшаяся всѣми банками финансовая комбинація.—Недостатокъ сейчасъ мѣста въ газетѣ лишаетъ нась возможности доказать полнѣйшую справедливость высказанного положенія; но мы возвратимся къ этому вопросу въ слѣдующемъ же №, теперь же замѣтимъ, что на судебномъ слѣдствіи вполнѣ выяснилось, что весьма многія лица получали, какъ изъ кронштадтскаго банка, такъ равно и изъ другихъ банковъ, подъ свои векселя вкладные билеты на весьма крупныя суммы, и сими билетами пользовались,—однако с.-петербургскій прокурорскій надзоръ всѣхъ означенныхъ лицъ къ отвѣтственности за подлогъ не привлекъ, но посадилъ на скамью подсудимыхъ за тѣ же дѣйствія только кн. Оболенскаго и г. Суздальцева... Почему такъ?

Казалось бы, послѣ всего этого и послѣ оправдательного приговора присяжныхъ, с.-петербургской прокуратурѣ слѣдовало бы сознать свою ошибку; но, какъ ходятъ слухи, она упорна въ своихъ мнѣніяхъ, сочиняетъ будто бы кассационный протестъ и хочетъ, какъ говорятъ, внести дѣло въ сенатъ.

Робберъ еще не конченъ, проиграна только партия, говорятъ гг. обвинители по поводу оправдательного вердикта присяжныхъ... Такъ это значитъ было не обвиненіе, а игра? Во что же? Да въ жизнь

и честь людей... Или игра «на повышеніе»? какъ выразился князь Урусовъ...

Наконецъ въ № 20 за текущій годъ «Судебной Газеты», въ статьѣ «Финалъ процесса кронштадтскаго банка» излагаются слѣдующія соображенія:

Финалъ процесса кронштадтскаго банка.

Процессъ кронштадтскаго банка оконченъ. Бывшіе директора его Шенъянъ, Синебрюховъ и Ландгвагенъ обвинены, и по лишеніи всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ сосланы на житѣе; первый въ Тобольскую, второй въ Архангельскую губерніи, а Ландгвагенъ, какъ лицо непривилегированнаго сословія, присуждены къ заключенію въ рабочемъ домѣ на два съ половиною года. Сутугинъ, баронъ Фитинггофъ, Ланге, Бреме, Емельяновъ, князь Оболенскій и Суздальцевъ оправданы и имъ возвращена полная свобода.

По отзывамъ многихъ лицъ, прослушавшихъ все дѣло, настоящій приговоръ является какъ нельзя болѣе справедливымъ и вотъ почему. Синебрюховъ, человѣкъ богатый, пользовался въ Кронштадтѣ репутациею честнаго и серьезнаго коммерсанта и когда онъ вступилъ директоромъ въ банкъ, то всѣ вѣрили въ солидность этого учрежденія, шли туда смѣло, будучи убѣждены, что за сомнительное дѣло Синебрюховъ не взялся бы, а если онъ тамъ, то значитъ дѣло идетъ на чистоту, которую онъ своимъ присутствиемъ поставитъ на еще болѣе высшую точку. Шенъянъ, основатель, такъ сказать, банка, человѣкъ небезъизвѣстный въ коммерческомъ мірѣ, Ландгвагенъ — опытный бухгалтеръ, а всѣ трое вмѣстѣ являлись столпомъ предпріятія, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, но вышло наоборотъ. Своимъ рѣшеніемъ присяжные засѣдатели преподали хороший урокъ на будущее время

всѣмъ вообще банковскимъ заправиламъ, указавъ имъ на то, что не всегда можно прикрываться ссылкою на постороннихъ искусствителей, которые, не будь поблажки со стороны директоровъ, отошли бы отъ банка съ пустыми руками, не взявъ оттуда ни копѣйки; если же банкъ лопнулъ, то вина въ этомъ всецѣло должна лечь на тѣхъ, коимъ вѣрено храненіе его интересовъ. Относительно остальныхъ мнѣнія раздѣлились, говорили также, что участіе князя Оболенскаго и Суздальцева повисла на волоскѣ, потому что шесть голосовъ подано было за обвиненіе, а шесть за оправданіе этихъ лицъ, которые такимъ образомъ освободились отъ кары только благодаря буквѣ закона, предписывающаго присяжнымъ засѣдателямъ принимать то мнѣніе, которое болѣе благопріятно для подсудимаго. Насколько это вѣрно, судить нельзѧ, потому что совѣщаніе присяжныхъ засѣдателей остается тайною, но въ этомъ отношеніи бываютъ исключенія и ради хорошаго знакомаго тайна перестаетъ быть тайною. Во всякомъ случаѣ, «нѣть дыма безъ огня». Другое заявляли, что защита Суздальцева и князя Оболенскаго весьма ловко намѣтила свою задачу и разработала ее въ мельчайшихъ подробностяхъ. Едва ли это такъ. Задача защиты вытекала скорѣе изъ самаго существа дѣла и если разобрать сущность произнесенныхъ рѣчей, то выйдетъ именно такъ, а не иначе. Начнемъ съ представителей обвинительной власти. Они почему-то совсѣмъ обошли экспертизу по вкладнымъ билетамъ, и касаясь личностей Суздальцева и князя Оболенскаго, вводили посторонніе элементы, рѣзкія выраженія, ставили ихъ выше членовъ правленія; но если все это отбросить въ сторону, то фактическая почва обвиненія являлась далеко не твердою, неотразимые выводы дѣлались болѣе слабыми. Гражданскіе истцы имѣли въ виду главнымъ образомъ обвиненіе князя Оболенскаго и Суздальцева, но двое изъ нихъ не раздѣляли общаго мнѣнія, доказывая, что

вкладные билеты нельзя назвать подложными и что преступность членовъ правленія банка вытекаетъ изъ растраты, неправильного веденія счетоводства и опубликованія подложныхъ отчетовъ. Разрозненность во взглядахъ на тотъ же самый предметъ еще болѣе обрисовалась, когда одинъ изъ гражданскихъ истцовъ ходатайствовалъ о постановкѣ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопроса по признакамъ преступленія мошенничества, въ чемъ однако ему было отказано, такъ какъ о мошенничествѣ не было рѣчи ни въ обвинительномъ актѣ, ни на судебнѣмъ слѣдствіи, ни даже въ заключительныхъ преніяхъ. Защита членовъ правленія точно также сваливала всѣ неизгody на Сузальцева и Оболенскаго запутавшихъ въ сѣти Шеньяна, Синебрюхова и Ландвагена. Такое огульное нападеніе не могло не отразиться на рѣшеніи присяжныхъ засѣдателей, сознавшихъ что главными и единственными виновниками являются именно эти три лица, о которыхъ только-что сказано. Подобное убѣжденіе нашло себѣ подкрѣпленіе въ рѣчахъ гг. Пассовера, Языкова и князя Урусова. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было постановить какое-нибудь другое рѣшеніе, когда дѣло представилось въ слѣдующемъ видѣ. Эксперты категорически заявили, что подлога вкладныхъ билетовъ въ данномъ случаѣ нѣть и они отрицаютъ связь князя Оболенского съ кронштадтскимъ банкомъ. Изъ этого вытекаетъ, что о завѣдомости въ подложности не можетъ быть и рѣчи. Остается, такъ сказать, фиктивность сдѣлки, потому что вопреки устава банка вкладные билеты выдавались подъ векселя, а не подъ обеспеченіе наличными деньгами. Но въ этомъ отношеніи первымъ нарушителемъ устава явился государственный банкъ, давшій поводъ думать другимъ, что тутъ нѣть ничего преступнаго. Этими другими явились Герардъ и Барановъ, сознавшіеся на судѣ, что дѣлали то же что и князь Оболенскій съ Сузальцевымъ; однако ихъ

не привлекли къ уголовной отвѣтственности, представители прокурорскаго фадзора не просили даже занести ихъ показанія въ протоколъ съ цѣлью впослѣдствіи посадить Герарда и Баранова на скамью подсудимыхъ. Мало того, предварительное слѣдствіе держалось сначала того взгляда, что нѣтъ основанія привлечь князя Оболенскаго въ качествѣ подсудимаго и онъ въ теченіе двухъ лѣтъ допрашивался какъ свидѣтель и уже впослѣдствіи, когда взглядъ прокуратуры измѣнился и при томъ безъ всякихъ новыхъ данныхъ, о князѣ Оболенскомъ составили обвинительный актъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и образа дѣйствій конкурснаго управлѣнія по дѣламъ о несостоительности кронштадтскаго банка, которое заплатило по вкладнымъ билетамъ, взятымъ подъ векселя, виленскому банку, Герарду, Баранову и Андрееву и заплатило какъ по обязательнымъ документамъ, а когда явился князь Оболенскій, съ билетами на 1.460,000 руб. и просилъ размѣнить ихъ на свои векселя, находившіеся въ банкѣ, то ему отказали. Далѣе выяснилось, что въ петербургскомъ коммерческомъ судѣ производилось дѣло о безденежности части вкладныхъ билетовъ, взятыхъ княземъ Оболенскимъ подъ векселя изъ банка, которое перешло потомъ въ правительствующій сенатъ, и по Высочайшему повелѣнію должно вскорѣ поступить на разсмотрѣніе общаго собранія сената. Такимъ образомъ, по вопросу гражданскаго права еще не сказано послѣдняго слова и защита князя Оболенскаго, указывая на это, заявляла, что пока возникшій вопросъ не разрѣшенъ высшимъ судебнѣмъ мѣстомъ, о немъ не можетъ быть и рѣчи на судѣ уголовномъ, а между тѣмъ этому вопросу и расчетамъ князя Оболенскаго и Сузальцева съ кронштадтскимъ банкомъ и конкурснымъ управлѣніемъ, а также и съ Шеньяномъ, посвящалось на судебнѣмъ слѣдствіи весьма много времени. Спрашивается, какое дѣло присяжнымъ засѣдателямъ

до всѣхъ этихъ денежныхъ разсчетовъ, до обсужденія гражданскихъ правъ, лежавшихъ на томъ или другомъ субъектѣ, какое дѣло до констатированія кто кому и сколько долженъ и могли ли они, на основаніи этихъ разсчетовъ, состивить себѣ непоколебимое убѣжденіе въ виновности Сузальцева и князя Оболенскаго, тѣмъ болѣе, что другіе, дѣлавшіе то же самое что и эти лица, находятся на свободѣ, а на нихъ обрушились всѣ и требуютъ во что бы ни стало уголовнаго возмездія. Присяжные засѣдатели имѣли въ виду одинъ только вопросъ: подложны ли билеты, а такъ какъ эксперты категорически отвергли эту подложность, а съ другой стороны они слышали, что неправильность операций, полученія вкладныхъ билетовъ подъ векселя допускалась многими и практикуется чуть ли не во всѣхъ банкахъ, то имъ не оставалось ничего болѣе какъ постановить такой вердиктъ, какой они и вынесли. При обсужденіи виновности Сузальцева и князя Оболенскаго они, вѣроятно, не упустили изъ виду и того, что если бы все кончилось благополучно и кронштадтскій банкъ получилъ бы для себя прибыль, то ни о какомъ подлогѣ и фиктивности сдѣлокъ не могло бытъ рѣчи и въ этихъ операцияхъ никто не усмотрѣлъ бы никакой преступности, она констатируется лишь теперь, когда кронштадтскій банкъ лопнулъ.

Обращаясь къ формѣ изложенія рѣчей, нельзя сказать, чтобы онѣ отличились полнымъ хладнокровіемъ, что крайне необходимо во всякомъ серьезному дѣлѣ и въ особенности такомъ запутанномъ, какъ банковское. Было внесено много страстности, увлеченія и желанія блеснуть своимъ краснорѣчiemъ доходило даже до личностей по отношенію къ другимъ ораторамъ. Таѣ, напримѣръ князь Урусовъ съ горячностью упрекалъ товарища прокурора Саблина за нападки на личность князя Оболенскаго, причемъ употребленный г. Саблинымъ способъ обвиненія называлъ спекуляцію на ин-

стинкты, игрою на повышение. Это вызвало со стороны г. Саблина энергичное возраженіе, въ которомъ онъ, также не безъ страсти, осуждалъ, какъ самую систему защиты князя Урусова, такъ и приемъ этой защиты, и цитировалъ изъ присяги, принимаемой присяжными повѣренными, слѣдующія слова: «Не говорить на судѣ ничего, что бы могло клониться къ ослабленію нравственности». Здѣсь не мѣсто говорить кто изъ нихъ болѣе правъ, но нельзѧ не пожалѣть, что общественные дѣятели, какими являются обвинители и защитники, не знаютъ чувства мѣры и забываютъ на судѣ до того, что упрекаютъ другъ друга во лжи, въ извращеніи фактovъ и въ искаженіи истины, въ ущербъ для отправленія правосудія. Резюме предсѣдательствовавшаго г. Кузминскаго продолжалось болѣе двухъ часовъ и по содержанію своему было таково, что пришлося не совсѣмъ по вкусу представителю обвиненія.
